

Богословие

Филология

История

Педагогика

Богословско- исторический сборник

2021 № 4(23)

Канужская духовная семинария

2021

Богословско-исторический сборник

Theological and historical collection

Выпуск
ISSUE
№ 4 (23)

Калужская духовная семинария
Kaluga Theological Seminary
2021

ББК 86.372
УДК 271.2
Б 746

*По благословению высокопреосвященнейшего Климента,
митрополита Калужского и Боровского*

ISSN 2712-9918

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
№ ИС Р22-122-0525

Журнал «Богословско-исторический сборник» зарегистрирован
Министерством печати и массовой информации, свидетельство
ФС №77-79390 от 2 ноября 2020 г.

Журнал «Богословско-исторический сборник» включен в Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Статьи журнала учитываются в рейтинге авторов как публикации в ре-
цензируемом журнале с ненулевым импакт-фактором.

Журнал «Богословско-исторический сборник» решением Президиума
Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и
науки Российской Федерации от 22 октября 2021 г. включен в Перечень
рецензируемых научных изданий.

Специальности ВАК:

5.11.1 Теоретическая теология (по исследовательскому направлению:
православие, ислам, иудаизм)

5.11.2 Историческая теология (по исследовательскому направлению:
православие, ислам, иудаизм)

5.11.3 Практическая теология (по исследовательскому направлению:
православие, ислам, иудаизм)

5.6.1 Отечественная история

5.6.2 Всеобщая история

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БОГОСЛОВСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО СБОРНИКА

Главный редактор:

Климент, митрополит Калужский и Боровский, доктор исторических наук, кандидат богословия, ректор Калужской духовной семинарии

Заместитель главного редактора:

Иосиф, епископ Тарусский, кандидат богословия, доцент кафедры исторических и церковно-практических дисциплин Калужской духовной семинарии

Члены редакционного совета:

Алексеев В. А., доктор философских наук, член Российской академии словесности, профессор кафедры философии религии и религиоведения философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Волкова А. Г., кандидат филологических наук, доцент кафедры исторических и церковно-практических дисциплин Калужской духовной семинарии

Володихин Д. М. доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Исаев Е. И., доктор психологических наук, профессор кафедры «Педагогическая психология им. профессора В. А. Гуружапова» факультета «Психология образования» Московского государственного психолого-педагогического университета

Каширина В. В., доктор филологических наук, профессор кафедры Основ гражданственности Российской академии живописи, ваяния и зодчества им. Ильи Глазунова

Краснощеченко И. П., доктор психологических наук, член Российской академии естествознания, профессор кафедры Социальной и организационной психологии Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского

Лыткин В. В., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой Философии, культурологии и социально-культурной деятельности Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского

Маслов С. И., доктор педагогических наук, профессор кафедры исторических и церковно-практических дисциплин Калужской духовной семинарии

Никандров Н. Д., доктор педагогических наук, профессор, президент Российской академии образования

Петров А. Ю., доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Пихоя Р. Г., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Романов В. А., доктор педагогических наук, действительный член Российской академии информатизации образования, профессор кафедры педагогики, дисциплин и методик начального образования Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого

Суворов В., протоиерей, доктор богословия, доцент кафедры богословия Коломенской духовной семинарии, сотрудник Издательского совета Русской Православной Церкви

Тишков В. А., доктор исторических наук, профессор, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Чернобаев А. А., доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, главный редактор журнала «Исторический архив»

Ответственный секретарь

Иоанн (Король), иеромонах, кандидат богословия, доцент кафедры исторических и церковно-практических дисциплин Калужской духовной семинарии

© Калужская духовная семинария

© Калужское епархиальное управление

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-79390

EDITORIAL BOARD OF THE THEOLOGICAL- HISTORICAL COLLECTION

Editor-in-Chief:

Clement, Metropolitan of Kaluga and Borovsky, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Theology, Rector of Kaluga Theological Seminary

Deputy Editor-in-Chief:

Joseph, Bishop of Tarusa, Candidate of Theology, Associate Professor of the Department of Historical and Church-Practical Disciplines of the Kaluga Theological Seminary

Alekseev V. A., Doctor of Philosophy, Member of the Russian Academy of Literature, Professor of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Volkova A. G., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Historical and Church-Practical Disciplines of the Kaluga Theological Seminary

Volodikhin D. M., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

Isaev E. I., Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of «Pedagogical Psychology named after Professor V.A. Guruzhapov» of the Faculty of «Psychology of Education» of the Moscow State Psychological and Pedagogical University

Kashirina V. V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Fundamentals of Citizenship of the Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture. Ilya Glazunov

Krasnoshchechenko I. P., Doctor of Psychological Sciences, Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Social and Organizational Psychology of Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky

Lytkin V. V., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Socio-Cultural Activities of Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky

Maslov S. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Historical and Church-Practical Disciplines of the Kaluga Theological Seminary

Nikandrov N. D., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, President of the Russian Academy of Education

Petrov A. Yu., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University

Pihoya R. G., Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Romanov V. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Full member of the Russian Academy of Informatization of Education, Professor of the Department of Pedagogy, Disciplines and Methods of Primary Education of the Tolstoy Tula State Pedagogical University

Suvorov V., Archpriest, Doctor of Theology, Associate Professor of theology of the Kolomna Theological Seminary, member of the Publishing Council of the Russian Orthodox Church

Tishkov V. A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

Chernobaev A. A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the journal «Historical Archive»

Executive Secretary

John (Korol), Hieromonk, Candidate of Theology, Associate Professor of the Department of Historical and Church-Practical Disciplines of the Kaluga Theological Seminary

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. БОГОСЛОВИЕ И БИБЛЕИСТИКА

Иерей Даниил Салищев.

Библейские аллюзии в проповедях святителя Филарета
(Дроздова) 11

Иерей Александр Моисеенко.

Искусственный интеллект: духовные вызовы 28

Гречишников Н. П.

Тренд на глобальное обновление и Русская Православная
Церковь 37

Раздел II. ИСТОРИЯ

Митрополит Исидор (Тупикин).

Епископ Иоанн (Соколов) и духовное образование в России в
середине XIX в. 46

Иерей Дионисий Лобанов, Никитина Н. Н.

Благотворительная деятельность Императорского человеко-
любивого общества в XIX — нач. XX в. 64

Серпенинов В. В.

Государственная политика в отношении «святых» мест в Мо-
сковской области (по материалам ГАРФ и ЦГАМО) 80

Серпенинов В. В.

Из истории Свято-Троицкой Сергиевой Лавры послевоенного
периода (по материалам газеты «Вперед») 95

Штена А. В., Пигусов М.

Деятельность Калужского епархиального училищного совета по развитию церковных школ Калужской епархии в 1884–1915 гг. 109

Раздел III. ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

Абраменкова В. В.

Цифровизация воспитания как угроза безопасному развитию детства 128

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В БОГОСЛОВСКО-ИСТОРИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ 150

CONTENT

THEOLOGY AND BIBLICAL STUDIES

Priest Daniel Salishchev.

Biblical allusions in the sermons of St. Filaret (Drozdov) 11

Priest Alexander Moiseenko.

The artificial intelligence: spiritual challenges 28

Grechishnikova N. P.

The trend for global renewal and the Russian Orthodox Church 37

HISTORY

Metropolitan Isidore (Tupikin).

Bishop John (Sokolov) and spiritual education in Russia in the middle of XIX century 46

Priest Dionysius Lobanov, Nikitina N. N.

Charitable activity of the Imperial Humane Society in the XIX — beginning of XX cent 64

Serpeninov V. V.

State policy regarding «holy» places in the Moscow region (based on the materials of the GARF and TSGAMO) 80

Serpeninov V. V.

From the history of the Holy Trinity Sergius Lavra of the post-war period (based on the materials of the newspaper «Forward») 95

Shtepa A. V., Pigusov M.

Activity of the Kaluga Diocesan College Council for the

development of church schools of the Kaluga Diocese in 1884– 1915	109
--	-----

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Abramenkova V. V.

Digitalization of education as a threat to the safe development of childhood	128
---	-----

**REQUIREMENTS FOR THE DESIGN OF SCIENTIFIC
ARTICLES IN THE THEOLOGICAL AND HISTORICAL
COLLECTION**

150

Раздел I. БОГОСЛОВИЕ И БИБЛЕИСТИКА

УДК 22.08

Иерей Даниил Салищев

аспирант Московской духовной академии,
преподаватель Калужской духовной семинарии
e-mail: dan100291@gmail.com

Priest Daniil Salishchev

Graduate Student of the Moscow Theological Academy,
Teacher at the Kaluga Theological Seminary
e-mail: dan100291@gmail.com

БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ПРОПОВЕДЯХ СВЯТИТЕЛЯ ФИЛАРЕТА (ДРОЗДОВА)

BIBLE ALLUSIONS IN ST. PHILARET'S (DROZDOV) HOMILIES

Аннотация. Статья посвящена интертекстуальному анализу библейских аллюзий, используемых святителем Филаретом (Дроздовым) в его проповедях. Кроме традиционного для его эпохи «стилеобразующего» цитирования Священного Писания, библейские аллюзии выполняют в проповедях московского архипастыря важную смыслообразующую функцию. Эффект семантического приращения достигается за счет ассоциативной связи аллюзии с библейским контекстом, из которого она была взята. Многочисленные примеры позволяют сделать вывод, что восстановление библейского контекста, из которого заимствована аллюзия, помогает более глубоко понять мысль свт. Филарета.

Abstract. This article deals with an intertextual analysis of bible allusions in st. Philaret's homilies. Except the usual for his era «style-

forming» citation of Scripture, bible allusions also perform in Moscow archbishop's homilies an important «sense-forming» function. The effect of semantic increment is reached through associative relation between the allusion and its bible context. Numerous examples allow making a conclusion that recovering the bible context, where the allusion is taken, helps us to understand the preacher's message more deeply.

Ключевые слова: библейский текст, библейская цитата, библейская аллюзия, контекст, интертекстуальность, ассоциация, смысл, диалогичность.

Key words: bible text, bible quote, bible allusion, context, intertextuality, association, sense, dialogicality.

Одна из стилистических особенностей проповедей святителя Филарета (Дроздова) состоит в том, что он систематически использует в них прямые цитаты и аллюзии из Священного Писания. Митрополит Филарет настолько ненавязчиво интегрирует библейский текст в собственную речь, что подчас становится трудно установить четкую границу между авторским словом и словом Божиим.

При этом важно подчеркнуть, что для свт. Филарета интеграция библейского текста в словесную ткань проповеди — больше, чем риторический прием. На особое богословское значение использования свт. Филаретом библейского текста в его проповедях еще до революции указывали прот. Георгий Флоровский и проф. М. М. Тареев [14, с. 228–229; 10, с. 81–97]. В наши дни этот вопрос был обстоятельно рассмотрен в диссертации прот. Павла Хондзинского [16].

Настоящая публикация ставит целью более детальное изучение такого способа цитирования святителем Филаретом Священного Писания, как библейская аллюзия. Немаркированная аллюзия является одним из наиболее распространенных приемов, посредством которого святитель обращается к тексту Би-

блии. В издании его «Слов и речей», равно как и в рукописях самого святителя, данные аллюзии никак не выделены [1; 2, с. 13].

Под аллюзией чаще всего понимают намек на какой-либо текст. При этом смысл аллюзии остается неясным без обращения к ее исходному контексту [4, с. 138]. Для отличия аллюзии от случайного совпадения мы используем следующие критерии:

- Совпадение как минимум одной лексемы в аллюзии и исходном библейском тексте;
- Семантическое тождество аллюзии и исходного библейского текста;
- Совпадение синтаксических конструкций в аллюзии и исходном библейском тексте.

Библейские аллюзии в проповедях свт. Филарета выполняют две основные функции: стилистическую и смыслообразовательную.

Следует отметить, что библейские аллюзии не всегда привносят в проповеди свт. Филарета какой-либо дополнительный смысл. Обилие аллюзий в проповедях святителя в ряде случаев нужно воспринимать как часть его литературного стиля и образа мышления. Приведем несколько примеров такого рода цитирования Священного Писания.

Таблица 1.

Проповеди свт. Филарета	Библейский текст
«Дабы <...> приблизить к общему разумению сии тайные отношения духа человеческого к Духу Божию, да будет позволено употребить притчу и гадание [Пс. 77:2] ¹ ...» [13, т. 1, с. 154].	Пс. 77:2: Отвёрзу въ прѣтчахъ устá моя, провъщáю гананія испѣрва.

<p>«Мир уже готовится заглушить в душе вашей отголосок ангельского славословия шумом празднующих [Пс. 41:5], суетными беседами, пением, растлевающим чистоту духа...» [13, т. 1, с. 279].</p>	<p>Пс. 41:5: Сія помянухъ, и изліяхъ на мя дѹшу мою: яко пройду въ мѣсто селѣнія дѣвна, даже до дому Божія, во гласть радванія и исповѣданія, шума прѣзднующаго.</p>
<p>«...почто же и ныне слишком много таких, <i>иже древу рекоша: яко отец еси Ты; и камени: Ты мя родил еси</i> (Иер. 2:27). Доколе, Господи, доколе?» [Пс. 12:2 и др.] [13, т. 1, с. 34].</p>	<p>Пс. 12:2: Докѡль, Гѡсподи, забѹдеши мя до концѹ? докѡль отвращаеши лице твоѡ от менѡ?</p> <p>Пс. 78:5: Докѡль, Гѡсподи, прогнѣваешися до концѹ?</p> <p>Пс. 88:47: Докѡль, Гѡсподи, отвращаешися въ конѡць, разжѣтсѹ яко ѡгнь гнѣвъ твоѡ?</p> <p>Пс. 93:3: Докѡль грѣшницы, Гѡсподи, докѡль грѣшницы восхвалятсѹ?</p>

Однако довольно часто библейская аллюзия вносит в проповедь свт. Филарета дополнительный смысл. Причем в большинстве случаев эффект семантического приращения достигается за счет ассоциативной связи аллюзии с библейским контекстом, из которого она была взята. Если цитата была верно распознана читателем, то она порождает собой ассоциативный ряд, в результате которого устанавливается связь с текстом-источником цитаты. Эти ассоциации обогащают авторский

¹ Квадратными скобками выделяются аллюзии, которые не отмечены в издании Слов и речей митрополита Филарета Московского (Сергиев Посад, 2009). Круглыми скобками – аллюзии, отмеченные издателем. О принципах графической работы издателя см.: Алипий (Кастальский-Борозин), архим., Смирнова И. Ю. Ук. соч. С. 13.

текст смыслами текста-источника, которые прямо, как правило, не проговариваются [15, с. 95].

Можно выделить несколько способов использования свт. Филаретом библейских аллюзий со смыслообразовательной функцией:

- Привлечение библейского контекста через аллюзию;
- Расширение библейского контекста (за счет этого — частичное изменение семантики);
- Изменение лексического состава аллюзии с сохранением синтаксиса и семантики;
- Объединение нескольких аллюзий в контаминацию.

Привлечение библейского контекста через аллюзию

Большинство библейских аллюзий, которые свт. Филарет использует в своих проповедях, невозможно понять без дополнительного привлечения контекста, из которого они были заимствованы. Проповедник, таким образом, намеренно отсылает слушателя (читателя) своих Слов к исходному тексту Священного Писания. Благодаря соотнесению аллюзии с исходным контекстом в проповеди открываются дополнительные смыслы. Приведем примеры, в которых привлечение библейского контекста через аллюзию наиболее очевидно.

Таблица 2.

В данном примере слово «отечество» не является в строгом смысле аллюзией на какой-либо конкретный фрагмент Священного Писания, однако все же имеет библейское происхождение. Благодаря данной лексеме у читателя Слова свт. Филарета устанавливается ассоциативная связь с целым корпусом библейских мест, семантика которых очень близка мысли святителя. «Иметь отечество в едином Боге», иначе — ощущать себя странником на земле, непрестанно ищущим дороги в свое истинное, Небесное Отечество, уподобляясь в этом ветхозаветным патриархам. Святитель Филарет говорит об этом вполне определенно и без отсылки к библейскому контексту, однако его привлечение делает мысль митрополита еще более ясной и эмоционально окрашенной.

<p>Слово на Рождество</p> <p>Христово, 1811 г.</p>	<p>Библейский текст</p>
<p>«Кто желает быть селением Сына Божия, тот должен иметь отечество в Едином Боге и, при всей привязанности к отечеству земному, впрочем, весьма естественной и праведной, почитать его токмо предградием небесного» [Флп. 3:20] [13, т. 1, с. 90].</p>	<p>Еф. 4:14–15: Сего ради преклоняю колѣна моя ко Отцѹ Господа нашего Исуса Христа, изъ негоже всяко отѣчество на небесѣхъ и на земли именуется.</p> <p>Евр. 11:14–15: Ибо таковыя глаголющїи являются, яко отѣчества взыскуютъ. И аще бы ўбо оно помнили, изъ негоже изыдоша, имѣли бы время возвратитися (ср. син.: Ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться).</p> <p>Флп. 3:20: Наше бо житіе (греч. полтеума — гражданство) на небесѣхъ есть, отонудуже и спасителя ждемъ, Господа [нашего] Исуса Христа.</p>

Таблица 3.

Слово в Неделю 8-ю по Пятидесятнице, 1806–1808 гг.	Мк. 11:13
«Но что, если вера зреет у них только в устах, а на деле нет ее и листвия [Мк. 11:13], а в сердце еще не возникла?» [13, т. 1, с. 46].	И видѣвъ смоковницу издалѣча, имѹщу листвіе, прійде, аще ѹбо что обрѣщеть на ней: и пришедъ къ ней, ничесѹже обрѣте, токмо листвіе : не ѹ бо бѣ время смѹквямъ.

Аналогичный случай находим в примере, приведенном в Таблице 3. Безусловно, незнающему эпизод с «неплодной смоковницей» будет совершенно неясно, что именно хотел здесь сказать проповедник.

Итак, мы видим, что правильное распознавание аллюзии и соотнесение ее с библейским контекстом способно выявить неочевидные смысловые коннотации в проповедях свт. Филарета. Однако довольно часто митрополит творчески изменяет и сам контекст. В результате помимо простого соотнесения библейской аллюзии с ее контекстом необходим дополнительный анализ специфики его творческого переосмысления проповедником.

Расширение библейского контекста

Под расширением библейского контекста мы понимаем использование библейской цитаты или аллюзии в контексте, который несколько отличается от исходного. При этом речь не идет об искажении библейского повествования и навязывании Священному Писанию тех смыслов, которые в нем не содержатся. Скорее, в данном случае уместно говорить о творческом

переосмыслении автором буквально-исторической интерпретации определенного библейского фрагмента и попытке актуализировать его для современной ему аудитории в духовно-нравственном смысле.

Нередко узнавание аллюзии и привлечение ее исходного библейского контекста позволяют правильно и на должной глубине понять мысль свт. Филарета. Рассмотрим пример из Слова на Успение Пресвятой Богородицы 1838 г., в котором аллюзия вносит в текст проповеди важный догматический смысл.

Таблица 4.

Слово на Успение, 1838 г.	2 Кол. 2:9	Слово на память прп. Сергия, 1821 г.
<p>«И потому Ей свойственно и как бы сродно Своим присутствием и молитвою приближать к человекам благодатное присутствие и спасительное действие Обитавшего некогда в Ней телесне [ср.: Кол. 2:9] и всегда Обитающего в Ней духовно и Божественно» [13, т. 3, с. 47].</p>	<p>... яко въ то́мъ живѣтъ всяко и сполнѣніе Божества тѣлеснѣ.</p>	<p>«Иисус Христос, ... яко Бог, <i>действует</i> <i>вся во всех</i> (1 Кор.12:6) <...> действует как во всей Церкви, которая есть тело Его [Еф. 1:23], так и во всех верующих, которые суть члены Его. Он <i>воображается в них</i> (Гал. 4:19), <i>живет в них</i> (Гал. 2:20), и, как в Нем Самом живет всяко исполнение Божества телесне (Кол. 2:9), так, по некоему образу сего Божественного таинства, и Он благоволит жить в избранных Своих даже телесне, поколику обретает их способными ко внутреннему с Ним общению» [13, т. 1, с. 264].</p>

Слово «телесне» в проповеди на Успение Божией Матери 1838 г. является едва уловимой аллюзией на послание ап. Павла к Колоссянам (Кол. 2:9). В первоначальном контексте это место звучит так: «Блюди́теся, да никто́же ва́съ бу́детъ прельща́я филосо́фією и тщѣтною лѣстію, по преданію челове́ческому, по стихіамъ міра, а не по Хри́стѣ: ꙗко въ то́мъ живѣтъ всяко исполне́ніе Божества́ тѣлеснѣ» (Кол. 2:8–9). Данное апостольское зачало является христологическим и указывает на соединение Божественной и человеческой природ во Христе. В литургическом употреблении его читают в день Обрезания Господня.

Вопрос о том, действительно ли одно слово «телесне» в Успенской проповеди 1838 г. является аллюзией на Кол. 2:9 был бы дискуссионным, если бы не другая проповедь святителя Филарета 1821 г. на память преподобного Сергия Радонежского, в которой он уже прямо проводит параллель между телесным присутствием Христа в людях и телесным присутствием Божества в Нем².

Две приведенные проповеди отделяет друг от друга 17 лет. В Слове на Успение 1838 г. высказана та же мысль, что и в Слове на память прп. Сергия 1821 г. Полнота Божества присутствует во Христе в силу ипостасного соединения в Нем Божественной и человеческой природ. Так как Божество и человечество в Нем неотделимы друг от друга, то, находясь во чреве Своей Матери телесно, Он одновременно исполнял Ее Божественной благодатью. В силу телесного пребывания в Ней Ее Сына, по Божеству неотделимого от Отца, Божия Матерь может Его благодать изливать верующим. Эта причинно-следственная связь, укорененная в православной догматике, проясняется только тогда, когда мы, во-первых, распознаем аллюзию, во-вторых, обратимся к исходному контексту, из которого она была взята.

² См. Таблицу 4.

Таблица 5.

Слово в Великий Пяток, 1813 г.	Мк. 1:23–24
<p>«Святой Божий [Мк. 1:24], грядущий освятить человек, вместе с ищущими очищения грешниками преклоняется под руку человека и приемлет Крещение» [13, т. 1, с. 120].</p>	<p>И бѣ въ сонмищи ихъ человекъ въ дусѣ нечїсте, и воззва, глаголя: остаѡи, что намъ и тебѣ, Исусе назарянїне? пришель еси погубїти насъ: вѣмъ тя, кто еси, святой Божїй.</p>

В ряде случаев свт. Филарет не столько расширяет библейский контекст, сколько использует аллюзию изолированно от него. В примере из таблицы 5 святитель называет Христа «святой Божий», притом что впервые так высказался о Нем бесноватый, точнее — бес, владевший человеком. И мы помним, что Господь повелел ему замолчать. Таким образом, в этом примере изменяется пафос евангельского повествования, а его аксиологические характеристики меняются на противоположные. То, что на страницах Евангелия звучит как лицемерное заискивание, имеющее целью в очередной раз искутить Христа, в устах проповедника превращается в искреннее исповедание. Библейский контекст расширяется благодаря смене адресанта сообщения.

Изменение лексического состава аллюзии

Среди встречающихся в проповедях свт. Филарета аллюзий можно найти и такие, которые не имеют лексического совпадения с библейским текстом (или же имеют его частично), однако сближаются с ним по синтаксису и семантике.

Таблица 6.

Слово на Пятидесятницу, 1811 г.	1 Кор. 7:29–31
«Христианин <...> вошел в клеть свою и затворив двери <...> исполняет обязанности своего состояния, не привязываясь к соединенным с ними выгодами; пользуется наружными благами, но не прилепляется к ним; приобретает так, как бы не имел нужды; теряет так, как бы отдавал излишнее » [13, т. 1, с. 66–67].	Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся.

В Слове на Пятидесятницу 1811 г. (Таблица 6) сохраненный библейский синтаксис выполняет роль рамочной конструкции, которая наполняется лексикой, сильно отличающейся от библейской, но близкой к ней по смыслу.

В данном примере святитель сохраняет ряд сравнительных оборотов и общую смысловую направленность апостольской речи. В последнем периоде свт. Филарет словно продолжает апостольскую цитату, высказывая мысль, которой в буквальном выражении у ап. Павла не было, но которая из его пассажа логически следует. Приведенный пример убеждает нас в том, что для свт. Филарета не существовало четкой границы между «своим» и «библейским» текстами. Они плавно переходили один в другой на уровне аллюзий и других форм цитирования.

Таблица 7.

Слово в день Пятидесятницы, 1811 г.	2 Пет. 3:6–7
«Вселенная знает, что случилось с нею тогда, когда рек раздраженный Бог: <i>не имать Дух Мой пребывати в человецех сих в век, зане суть плоть</i> (Быт. 6:3) <...> Еще подобное прещение — и наступит <u>огненный потоп суда последнего!</u> » [13, т. 1, с. 69].	Потому тогдашний мир погиб, быв потоплен водою. А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и гибели нечестивых человеков.

В Слове на Пятидесятницу 1811 г. (Таблица 7) сохраняется система образов, семантика и отчасти лексика.

Апостол Петр сопоставляет два события, одно из которых уже произошло, второе ожидается в эсхатологической перспективе. Ветхозаветный мир времен Ноя погиб в воде. Всемирный потоп — прообраз будущего Страшного Суда, в котором действующим «веществом» будет уже не вода, но огонь. Свт. Филарет соединяет эти два апостольских образа в один — и у него получается «огненный потоп суда последнего». На наличии в этом предложении аллюзии на 2 Пет. 3:6–7 указывает и то, что перед выделенной фразой святитель упоминает о всемирном потопе, что делает и апостол Петр.

В ряде случаев замена лексемы в аллюзии связана с авторской экзегезой того или иного фрагмента Священного Писания. Наглядный пример этого явления представлен в Таблице 8, содержащей фрагменты Слов святителя на Рождество Христово 1812 и 1823 гг. Святитель Филарет дважды, с интервалом в 11 лет, изменяет цитату из книги пророчества Исаии и вместо «и со беззаконными вменися» пишет «и со бессловесными вменися». Причем в Слове на Рождество Христово 1823 г. он наряду с заменой «беззаконными» на «бессловесными» использует и «правильное» прочтение.

Таблица 8.

Слово на Рождество Христово, 1812 г.	Слово на Рождество Христово, 1823 г.	Ис. 53:12
<p>«Своим младенчеством и пеленами восприял на Себя то, что есть уничиженнейшего в человеках: Он нисходит еще, и Слово неразлучно <i>сущее у Бога</i> (Ин. 1:1) вменяется с бессловесными» [ср.: Ис. 53:12] [13, т. 1, с. 116].</p>	<p><i>«Иже во образе Божии сый не только Себе умалил, зрак раба приим в подобии чело-вечестем быв, и образом обретеса, якоже человек</i> (Флп. 2:6–7), но и с бессловесными вменился [ср.: Ис. 53, 12] жилищем и местом покоя. И что еще? <...> Он исполняет <i>всякую правду</i>, <...> и при всем том со беззаконными вменися (Ис. 53:12), чтобы нас искупить от <i>клятвы закона</i>» (Гал. 3:13) [13, т. 1, с. 373].</p>	<p>Сего ради той наслѣдить многихъ и крѣпкихъ раздѣлить корысти, зане предана бысть на смѣрть душъ его, и со беззаконными вмѣнися.</p>

На наличие аллюзии указывают совпадение лексемы «вменися», единство синтаксической конструкции, а также общая семантика. В обоих случаях речь идет об умалении Сына Божия в Его воплощении. Пророческий стих Ис. 53:12, как видно из Мф. 26:55, указывает на распятие Иисуса Христа посреди двух разбойников. Глава 53 пророчества Исаии в богослужебном употреблении читается как паремия на Великой вечерне Страстной Пятницы. Святитель Филарет аллюзивно вспоминает ее фрагмент в двух проповедях на Рождество Христово. Поэтому понятно желание проповедника вместо двух злодеев («беззаконных»), посреди которых был распят Христос, вспомнить о яслях «бессловесных», в которые Он был положен.

Сопоставление аллюзии на Ис. 53:12 с ее библейским ветхо- и новозаветным контекстом, а также с традицией ее литургического употребления, позволяет выявить параллель между рождением и смертью Христа. Данную параллель свт. Филарет закладывает в свою аллюзию, но без обращения к указанным контекстам она была бы неочевидна. Эта аналогия укоренена в православной литургической и иконографической традиции. Вспомним, что дискос, на котором во время проскомидии закалается Агнец, символизирует собой одновременно ясли и гроб [6, с. 136]. В иконографии Рождества Христова Его ясли и пелены также прообразуют гроб и плащаницу [7].

Чаще всего открыть дополнительный смысл в той или иной проповеди свт. Филарета помогало обращение к первоначальному библейскому контексту, из которого была взята аллюзия. В настоящем же случае этого оказывается недостаточно. Параллель между Рождеством и Распятием Спасителя, присутствующая в рассматриваемой аллюзии, устанавливается только при соотнесении исходного библейского текста с литургической традицией его употребления. Таким образом, библейский текст в указанном месте проповеди оказывается связанным с богослужебным контекстом, и вне его не может быть найдено адекватного объяснения замене «беззаконными» на «бессловесными».

Объединение нескольких аллюзий в контаминацию

Использование контаминаций является довольно распространенным стилистическим приемом обращения к библейскому тексту свт. Филарета. Контаминация — это такое соединение нескольких идущих подряд прямых цитат или аллюзий, в результате которого образуется новое высказывание. При этом его смысл не тождествен простой сумме смыслов входящих в контаминацию элементов [8, с. 102; 3, с. 94].

Составляя новую фразу, фрагменты исходного текста могут взаимно обогащать и дополнять друг друга. Таким образом, благодаря использованию контаминации различные отрывки Священного Писания вступают друг с другом в диалогические отношения.

Таблица 9.

Слово на Рождество Христово, 1811 г.	Библейский текст
<p>«Но кто может измерить расстояние от высоты Божественного существа Его до глубины Его унижения? Конечный ум не может следовать за Ним как в Его восхождении превыше всех небес [Еф. 4:10], так и в Его нисхождении до бездн падшего естества» [Рим. 10:7] [13, т. 1, с. 90].</p>	<p>Рим. 10:6–7: А яже от вѣры правда сице глаголетъ: да не речеши въ сѣрдцы твоѣмъ: кто взыдетъ на небо, сирѣчь Христа свести: или кто снидеть въ бездну, сирѣчь Христа от мѣртвыхъ возвести.</p> <p>Еф. 4:10: Сшѣдый, той ѣсть и возшѣдый превыше всѣхъ небесъ, да исполнить всяческая.</p>

В качестве примера рассмотрим Слово на Рождество Христово 1811 г. Во всей фразе структурообразующей является аллюзия на Рим. 10:6–7, которая приводится дважды в разных предложениях. На присутствие аллюзии косвенно указывают, во-первых, совпадение образов восхождения / нисхождения Христа, во-вторых, построение предложения в форме риторического вопроса. Однако приведенные аргументы еще не говорят о семантической близости сопоставляемых фрагментов.

Чтобы окончательно убедиться в наличии аллюзии, обратимся к экзегетической традиции Рим. 10:6–7. По мнению блж. Феодорита Кирского, в этих стихах речь идет о том, что «должно не входить в исследования о Владычнем домостроительстве или не подвергать сомнению, как вочеловечился Единородный Сын Божий и, прияв страдание, совершил воскресение» [11, с. 171]. Того же мнения придерживаются свт. Иоанн Златоуст, блж. Феофилакт Болгарский [5, с. 714; 12, с. 56–57]. Та же мысль присутствует и в рассматриваемом фрагменте проповеди свт. Филарета. Приводя аллюзию, митрополит одновременно с этим косвенно дает и свое толкование на нее.

В следующем предложении («Конечный ум не может...») аллюзия на Рим. 10:6–7 повторяется, однако первый ее член заменяется синонимичным фрагментом из другого послания апостола Павла (Еф. 4:10), образуя, таким образом, контаминацию. Во втором члене («до бездн падшего естества») появляется лексема «бездна», присутствующая и в Рим. 10:7. Это является дополнительным аргументом в пользу того, что перед нами действительно аллюзия.

На рассмотренных примерах было продемонстрировано, что узнавание библейских аллюзий в текстах свт. Филарета существенно углубляет понимание его проповедей. Интертекстуальный анализ Слов Московского архипастыря выводит на поверхность смыслы, не очевидные без специального обращения к тому контексту, откуда была заимствована аллюзия.

В ряде случаев верное определение скрытой аллюзии позволяло нам выявить и особенности авторского толкования того фрагмента, откуда она была взята. В строгом смысле эти фрагменты проповеди нельзя назвать экзегезой, поскольку у проповедника не было прямой задачи толковать библейский текст. Скорее, это стилистический прием, филологический анализ которого позволяет установить невысказанную прямо авторскую интерпретацию того или иного фрагмента Священного Писания.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского / НИОР РГБ, ф. 316. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/> (дата обращения: 28.12.2018).
2. *Алипий (Кастальский-Борозин), архим., Смирнова И. Ю.* Научно-издательский проект Свято-Троицкой Сергиевой Лавры «Творения святителя Филарета, митрополита Московского» // Филаретовский альманах, 2014.
3. *Двинятин Ф. Н.* Традиционный текст в торжественных словах Кирилла Туровского: Библейская цитация // Герменев-

тика древнерусской литературы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 1995. Сб. 8.

4. *Еременко Е. Г.* Интертекстуальность, интертекст и основные интертекстуальные формы в литературе // Уральский филологический вестник. 2012, № 6.

5. *Иоанн Златоуст, свт.* Творения. Т. 9. Ч. 1. Спб.: Издание Санкт-Петербургской Духовной академии, 1903.

6. *Кириан (Керн), архим.* Евхаристия. М.: Храм свв. Космы и Дамиана на Маросейке, 2006.

7. *Луковникова Е.* Иконография Рождества Христова // Альфа и Омега. 1994. № 3. URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/003/003-nativity.htm> (дата обращения: 19.11.19).

8. *Рогачевская Е. Б.* Использование Ветхого Завета в сочинениях Кирилла Туровского // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 1989. Сб. I.

9. *Тареев М. М.* Митрополит Филарет как богослов // Богословский вестник. Сергиев Посад: Издание Московской духовной академии, 1918. № 1.

10. *Тареев М. М.* Митрополит Филарет как богослов // Богословский вестник. Сергиев Посад: Издание Московской духовной академии, 1918. №2.

11. *Феодорит Кирский, блж.* Творения. М.: Паломник, 2003.

12. *Феофилакт Болгарский, блж.* Толкования на Деяния и Послания святых апостолов. Т. 2. М.: Сибирская благовонница, 2009.

13. *Филарет (Дроздов), свт.* Слова и речи. В 4-х тт. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009.

14. *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009.

15. *Фоменко И. В.* Введение в практическую поэтику. Тверь: Тверской государственный университет, 2003.

16. *Хондзинский П., свящ.* Святитель Филарет Московский: богословский синтез эпохи. Историко-богословское исследование. М.: Свято-Тихоновский государственный университет, 2010.

УДК 239

Иерей Александр Моисеенко

к.ф.-м.н., старший преподаватель кафедры богословия
Калужской духовной семинарии
e-mail: alexander1981@bk.ru

Priest Alexander Moiseenko

candidate of physical and mathematical Sciences,
senior teacher of theology Department
Kaluga Theological Seminary
e-mail: alexander1981@bk.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ДУХОВНЫЕ ВЫЗОВЫ

THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE: SPIRITUAL CHALLENGES

Аннотация. Искусственный интеллект — одна из наиболее динамично развивающихся и многообещающих отраслей современной науки. На что она претендует? Только лишь на облегчение вычислительных задач, или на создание «искусственного человека»? В любом случае высокие технологии — инструмент, который таит в себе опасности и предъявляет духовные вызовы, на которые необходим адекватный ответ. Целью работы является обнаружение и богословский анализ последних. Было выявлено по меньшей мере четыре аспекта проблемы искусственного интеллекта, имеющих духовное измерение: сотворение «кумира» из науки, претензии на создание человекоподобных существ, работа с инструментами повышенной опасности, непредсказуемое развитие систем глобализации.

Abstract. The artificial intelligence is one of the most dynamically progressing and promising areas of the modern science. What does it claims — only to the facilitation of computational problems or to the

«artificial human» creation? In any case, the high technology is the tool which has some hazards and presents some spiritual challenges, which demands an adequate response. The goal of this paper is the search and the theological analysis of such challenges. There was discovered at least four aspects of artificial intelligence's problem with spiritual meaning: the creation of the «idol of science», attempts to produce humanoid creatures, working with the highly dangerous tools, the unpredictable evolution of globalization systems.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационные технологии, Церковь, человек, мир.

Key words: artificial intelligence, information technology, Church, human, world.

В последние годы мы все чаще встречаемся с таким понятием, как «искусственный интеллект» (ИИ). Если еще лет 20 назад это словосочетание было знакомо лишь узким специалистам и любителям фантастики, то теперь нас окружают «умные» бытовые приборы, на любой вопрос ответит вездесущая «Алиса» от Яндекс, молодежи предлагают постичь навыки обучения нейронных сетей, самые совершенные из которых дают прогнозы биржевых курсов или даже пророчества о будущем [16]. Вне всякого сомнения, ИИ — одна из перспективных и динамично развивающихся отраслей науки, на которую выделяются значительные государственные средства [11]. В качестве локального примера: осенью 2020 года Госкорпорация «Росатом» и МИФИ договорились с администрацией Калужской области о создании цифровой лаборатории по искусственному интеллекту [17], а в самом НИЯУ МИФИ еще с 2016 года ведется разработка «эмоционального» компьютера [14].

Состоя из членов социума, Церковь не может оставаться в стороне от процессов и явлений, происходящих в нем, в том

числе и в плоскости науки. Очевидно, что некоторые из таких проблем имеют особую духовную значимость и необходимость их церковного осмысления, которое предлагается, в частности, в главе XIV Основ социальной концепции Русской Православной Церкви ([12]). Область искусственного интеллекта, безусловно, относится к таковым. Постараемся выделить некоторые ее духовные аспекты.

Для этого, прежде всего, обратимся к истории этой отрасли науки. Предпосылки к ее возникновению появились еще в XIX веке. Русский ученый С. Н. Корсаков опубликовал описание пяти «интеллектуальных машин» на перфокартах [7]. Важной вехой становления теории ИИ явилась статья британского ученого Алана Тьюринга, опубликованная в 1950 году [15], в которой был предложен его знаменитый тест, позволяющий определить наличие «мышления» у машины как невозможность отличить общение с ней от общения с живым человеком. Под искусственным интеллектом стало принято понимать свойство интеллектуальных информационных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека [1]. Существуют два подхода к решению этой задачи: нисходящий — имитирующий высокоуровневые психические процессы человека (мышление, речь, творчество) и восходящий — моделирующий биологические элементы и процессы для решения интеллектуальных задач. Пожалуй, всю историю кибернетики, компьютерной техники, робототехники можно включить в историю ИИ. К нашему времени достигнуты значительные успехи (прежде всего в решении конкретных задач). В 1997 году машина обыграла человека в шахматы (матч Каспарова и DeepBlue) [9]. Системы ИИ активно внедряются во все сферы жизни — финансах, медицине, обороне — и играют приоритетную роль в процессах цифровизации и глобализации.

Первым духовным вызовом искусственного интеллекта, конечно, является общенаучный вызов, проблема, присущая всей науке вообще. «Хотя наука может являться одним из средств познания Бога (Рим. 1:19–20), Православие видит в

ней также естественный инструмент благоустройства земной жизни, которым нужно пользоваться весьма осмотрительно», — гласит пункт XIV.1 «Основ социальной концепции» [12] — «Научно-техническое развитие оказывается во власти человеческих страстей, прежде всего тщеславия, гордости, жажды наибольшего комфорта, что разрушает духовную гармонию жизни со всеми вытекающими отсюда негативными явлениями». Это можно назвать искушением строителей Вавилонской башни: «сделаем себе имя» (Быт. 11:4). Невозможно не заметить гордость, с которой рассказывают разработчики систем ИИ о своих детищах, заикленность современной массовой культуры на них, граничащую с идолопоклонством.

Отличительной специфической особенностью разработок ИИ и центральным их вызовом, конечно, является их претензия на человеческие качества. С древних времен техника призвана помогать людям, облегчая их труд. Мы без утрызений совести используем протезы конечностей, очки для коррекции зрения, имеются сложные аппараты, восполняющие функции сердца, легких и прочих органов. Теперь же речь идет о «протезировании» одного из высших человеческих качеств — интеллекта. И может показаться, что люди замахнулись на создание «копии человека». Имеем ли мы право творить «по образу и подобию своему» (Быт. 1:26), или это исключительно Божия прерогатива? Основы социальной концепции РПЦ однозначно заявляют по этому поводу: «Человек не вправе претендовать на роль творца себе подобных существ» [12, XII.6]. И далее можно повторить все, что там говорится по поводу репродуктивных технологий и клонирования человека. Существуют и альтернативные мнения. Протоиерей Михаил Захаров пишет: «Если предположить, что исследования в области искусственного интеллекта когда-либо приведут к появлению искусственного существа, превосходящего человека по интеллекту, обладающего свободой воли, будет ли это означать, что это существо — человек?.. Человек, как создатель этого мира, может, исполняя волю Божию, создавать новые твари. Такие твари, созданные руками человека по

Божией воле, вероятно, можно назвать творениями Божиими. Ведь человек создает новые виды животных и растений. А мы считаем растения и животных творениями Божиими. Так же можно относиться и к искусственному существу не биологической природы» [5]. Однако, возможно, не все так серьезно. Американский нейрофизиолог Майкл Грациано отмечает, что сознание, а не интеллект является существенным отличием высших млекопитающих, включая человека разумного. Моделирование сознания является нерешенной научной задачей [18] в христианской антропологии. «Слово „рассудок“ указывает на душевный аппарат мышления, способность создавать суждения, **интеллект** (выделено мной — А. М.), мыслительную силу души. Если использовать трихотомическую схему описания человеческой природы, то рассудок — это душевная категория, в то время как ум относится к высшей духовной части человека», — пишет протоиерей Вадим Леонов [8].

Сознание человека — действительно великая тайна, отдельный вопрос, к которому дерзновенно пытаются подступиться ученые, изучающие в числе прочего околосмертный опыт человека, и неизбежно входя в соприкосновение с богословием [19]. Искусственный интеллект — совсем не о том. Хоть моделирование нейронных сетей человека дает впечатляющие результаты, а некоторые ученые, например, академик Константин Анохин, пытаются разгадать, каким образом информация «укладывается» в мозге [11], преждевременно говорить об «искусственной личности». Еще в 70-х годах прошлого века советский ученый Н. И. Кобозев, изучая термодинамику мозга, доказал, что процессы мышления не могут быть исчерпывающе описаны состояниями клеток и молекул [6]. Один из первых разработчиков систем ИИ в России Игорь Ашманов говорит: «Если брать техническое определение, а не голливудские выдумки, то ИИ — это такой набор алгоритмов, программных правил, методов оптимизации, машинного обучения и так далее, который позволяет машине имитировать некоторые

когнитивные (то есть умственные) функции человека. Именно имитировать» [2]. Но в массовом сознании не совсем так. Вот слова некоторых современных российских школьников: «Искусственный интеллект — это мозг, не ограниченный природными пределами», «лишённый недостатков и крайне мудрый правитель, он сможет переделать наше общество так, чтобы всем было хорошо» [4]. Некоторые преувеличивают значение систем, призванных к более скромным задачам — облегчать работу человека. Как экскаватор облегчает выемку грунта, автомобиль — преодоление расстояний, ИИ помогает обрабатывать гигантские объемы данных, быстро решать нетривиальные задачи, распознавать нужные образы и т. п.

Таким образом, мы приходим к выводу, что искусственный интеллект — это прежде всего инструмент в руках человека. Инструмент очень сложный и потенциально опасный. Христианское отношение к нему должно быть как к любому инструменту: ножу, электричеству, интернету, ядерному оружию. Здесь уместно привести знакомые слова Основ социальной концепции: «Научно-технологический уровень цивилизации ныне таков, что преступные действия небольшой группы людей в принципе могут в течение нескольких часов вызвать глобальную катастрофу» [12, XIV.1]. И это вполне реальная опасность, если системами ИИ будут снабжены все жизненно важные системы человечества, а особенно военная техника.

Наконец отдельным духовным вызовом искусственного интеллекта является его тесная связь с проблемами глобализации и цифровизации. «Церковь предостерегает от попыток использовать достижения науки и техники для установления контроля над внутренним миром личности, для создания каких бы то ни было технологий внушения и манипуляции человеческим сознанием или подсознанием» [12, XIV.1]. В одном из недавних интервью Святейший Патриарх Кирилл напоминает очевидное: «Всемирная сеть гаджетов дает возможность осуществлять вселенский контроль над человеческим родом» [13]. И это действительно серьезная

проблема. Уже сейчас мир поработила зависимость детей и взрослых от электронных устройств. Под ширмой комфорта и на фоне пандемии апробируются системы электронного контроля за всеми сферами жизнедеятельности человека. Усовершенствование интеллектуальных информационных систем, их потенциальная интеграция с мозгом человека [3] имеет все шансы углубить проблемы отрыва людей от реального мира, поработив своим страстям и через них правящим кругам, что потребует от Церкви решительно защищать духовные свободы.

Итак, мы обнаружили по меньшей мере четыре аспекта проблемы искусственного интеллекта, имеющих духовное измерение: сотворение «кумира» из науки, претензии на создание человекоподобных существ, работа с инструментами повышенной опасности, развитие систем глобализации, которые могут оказаться в недобрых руках. Безусловно, эти вызовы требуют от Церкви внимательного наблюдения за развитием ситуации, своевременного и адекватного ответа научному сообществу с целью предупреждения возможных негативных сценариев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А.* Толковый словарь по искусственному интеллекту. — М.: Радио и связь, 1992.
2. *Бондарь В. Игорь Ашманов.* URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/485833> (дата обращения: 01.11.2021).
3. *Грищенко Н.* Илон Маск презентовал чипы для чтения мыслей. URL: <https://rg.ru/2019/07/17/ilon-mask-prezentoval-chipy-dlia-chteniia-myslej.html> (дата обращения: 01.11.2021).
4. Искусственный интеллект, меняющий мир к лучшему. URL: <https://admission.mephi.ru/new/1319> (дата обращения: 01.11.2021).
5. Искусственный интеллект. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Искусственный_интеллект#Религия (дата обращения: 01.11.2021).

6. *Кобозев Н. И.* Исследования в области термодинамики процессов информации и мышления // М.: Изд-во МГУ, 1971. — С. 85, 173.

7. *Корсаков С. Н.* Начертание нового способа исследования при помощи машин, сравнивающих идеи / Пер. с франц. под ред. А. С. Михайлова. — М.: МИФИ, 2009.

8. *Леонов В., свящ.* Понятия «Ум», «Разум», «Рассудок» в святоотеческой традиции. URL: <https://azbyka.ru/ponyatiya-um-razum-rassudok-v-svyatootecheskoj-tradicii> (дата обращения: 01.11.2021).

9. *Макарычев, С.* Гроссмейстер «Глубокая мысль» // Наука и жизнь. — М., 1997. — Вып. 7. — С. 112–115.

10. *Медведев Ю.* Код мозга. URL: <https://rg.ru/2020/10/20/akademik-anohin-sovremennyy-iskusstvennyj-intellekt-eto-chernyj-iashchik.html> (дата обращения: 01.11.2021).

11. *Новый В.* Правительству прибавят искусственного интеллекта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3984247> (дата обращения: 01.11.2021).

12. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_14 (дата обращения: 01.11.2021).

13. *Патриарх Кирилл.* Гаджеты и интернет приведут человечество под власть антихриста. URL: <https://www.newsru.com/religy/07jan2019/smartfony.html> (дата обращения: 01.11.2021).

14. *Самсонович А.* Наука на грани создания «эмоционального» компьютера. URL: <https://ria.ru/20160317/1391541823.html> (дата обращения: 01.11.2021).

15. *Тьюринг А.* Могут ли машины мыслить. URL: <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=347> (дата обращения: 01.11.2021).

16. *Фетисова Е.* Искусственный интеллект рассказывает о будущем. URL: https://itcrumbs.ru/iskusstvennyj-intellekt-rasskazyvaet-o-budushhem-strannye-prorochestva_59879 (дата обращения: 01.11.2021).

17. «Цифрум» и МИФИ планируют открыть в Калужской области цифровую лабораторию. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/9501747> (дата обращения: 01.11.2021).

18. *Graziano Michael S. A. Rethinking Consciousness: A Scientific Theory of Subjective Experience.* — М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

19. *Pim van Lommel. Consciousness Beyond Life: The Science of the Near-Death Experience* // NY: HarperOne, 2011.

УДК 124.5

Гречишникова Н. П.

кандидат философских наук,
доцент Калужской духовной семинарии
e-mail: nina-grech@yandex.ru

Grechishnikova N.P.

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of Kaluga Theological Seminary
e-mail: nina-grech@yandex.ru

ТРЕНД НА ГЛОБАЛЬНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

THE TREND FOR GLOBAL RENEWAL AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

Аннотация. Масштаб изменений в современном мире таков, что не только отдельные граждане, но и целые социальные институты не успевают адаптироваться к эскалирующим переменам. Подобные вызовы стоят и перед Русской Православной Церковью. Безусловно, Церковь обязана реагировать на перемены. Именно ей уготована миссия напоминать человечеству о различии между добром и злом. Опыт такого служения зафиксирован в истории Православной Церкви. В данной статье прослеживается связь между наследием русских религиозных просветителей и современной позицией Церкви.

Abstract. The scale of changes in the modern world is such that not only individual citizens, but also entire social institutions do not have time to adapt to the escalating changes. The Russian Orthodox Church faces similar challenges. Of course, the Church is obliged to respond to changes. It is her mission to remind humanity of the difference between good and evil. The experience of such service is recorded in the history of the Orthodox Church. This article traces the connection between the

heritage of Russian religious educators and the modern position of the Church.

Ключевые слова: глобальные вызовы, русские религиозные просветители, социальные преобразования, бизнес и добродетель, симфония Церкви и государства, патриотизм, нравственное общество.

Key words: global challenges, Russian religious educators, social transformations, business and virtue, symphony of Church and state, patriotism, moral society.

Мы живем в рубежное время. Мир находится на пороге небывалых ранее перемен. Переход к цифровому обществу и искусственный интеллект, неумное потребление, экологические катастрофы, череда глобальных пандемий, гибридные войны и локальные конфликты — все это требует переосмысления привычных стандартов адаптации социальных институтов к новым вызовам.

Перемены с необходимостью затрагивают и Церковь. Как меняться и куда идти? Как Церковь должна относиться к обычновениям цифровой цивилизации? А к искусственному интеллекту? Применимы ли заповеди по отношению к антропоморфному роботу? И подобные вопросы сегодня только множатся.

Короче говоря, какова должна быть степень радикальности институциональных изменений? Вот проблема, с которой нужно совладать религиозным организациям.

В данном вопросе необходимо различать собственно религиозный модернизм и отношение Церкви к модернизирующемуся обществу. Нас, в нашем случае, интересует второе.

Все традиционные религиозные конфессии в вопросе социальных преобразований сходятся в одном: человечество, уповая только на собственные силы, без обращения к Богу неспособно добиться желаемых позитивных изменений в обществе. Собственно говоря, было бы странным услышать от религиозных деятелей нечто обратное.

Различия между религиями начинаются на уровне выбора средств достижения социальных целей и определения степени социальной активности верующих. Хотя и здесь для традиционных конфессий России эти различия незначительны. Так, если сравнить опубликованные 20 лет назад «Основы социальной концепции иудаизма в России» и «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», то можно обнаружить практически идентичные места в обоих текстах, особенно там, где речь идет об отношении религиозных организаций и государства.

Рассмотрим теперь позиции основной конфессии России — Православия — по вопросу социальных преобразований.

Церковь у нас, конечно, отделена от государства, но она не отделена от общества. Русская Православная Церковь всегда активно поддерживала и поддерживает позитивные преобразования в нашей стране.

Для примера сошлемся на роль Православной Церкви в «переломном» XVIII веке. Русские богословы тогда закладывали фундамент обновленной национальной идеологии. Допустимо ли в этой связи «забывать» о подвижнической деятельности на ниве просвещения русских богословов-публицистов, в частности, Димитрия Ростовского, Димитрия Сеченова, Феофана Прокоповича и других проповедников? Вопрос риторический.

Не будучи в явной оппозиции к существовавшему социальному порядку, российские мыслители-богословы, тем не менее, требовали гуманного отношения к бедным, отвергали сословно-корпоративный принцип оценки человека. Многие из них, такие, как Ф. Прокопович, Ф. Лопатинский, С. Прибылович и другие связывали идеал социального устройства с деятельностью просвещенного монарха, со своей стороны развивали и обосновывали теорию просвещенного абсолютизма.

В трудах представителя церковно-религиозного крыла российского Просвещения святителя Димитрия Ростовского (1651–1709) наглядно видно, насколько активна была Церковь в вопросах внешней и внутренней политики. Проповеди периода петровских реформ несут на себе отпечаток злободневности. Во времена Шведской войны среди общей тревоги и вынужденных лишений

проповедь Димитрия указывает на необходимость испытаний и тяжелого труда ради будущих успехов. «Существуют разные псевдополитики, указывающие на то, что все предопределено и что нечего уже молиться о решенном, но Сам Спаситель сказал нам: просите и дастся вам. Как отец иногда бросает деньги нарочно на землю пред своим детищем, чтобы тот, ища их и найдя, сильнее обрадовался и похвалился пред отцом, так и Бог велит нам снискивать уготованные им дары трудом и молитвою» [1, с. 306].

Церковь неустанно возвращала верующих к вечным истинам. Димитрий Сеченов, митрополит Новгородский, один из наиболее выдающихся русских проповедников (1709–1767), в «Слове на 8 июля» изображает нравственные недуги своего времени, свойственные тогдашней российской элите. «Люблю Христа словом: у меня в различных селах каменные палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены, а церкви Христовы в тех же селах без покрова погнили. Люблю Христа: у меня запонки, пряжки, табакерки золотые, чайники и рукомыльники серебряные, а в церкви Христовой свинцовые сосуды... Люблю Христа: свои именины как без торжества пропустить? Три дня и ночи веселюся, пьянствую, а придет праздник Христова Рождества или Воскресение, главные спасения нашей вины, — за уторами, за развозами по разным домам ласкательных поклонов, поздравлений, и в церкви не был...» «Иные, — продолжает Димитрий, — за кабаками, за торгом, за ябедами да работою церковей не знают, о покаянии ниже помышляют, таинств святых не причащаются... У всякого вместо писания на устах хула, клевета, сквернословие, на языке обман...» [2].

Особая роль Православия в истории России сложилась вполне закономерно. Именно Православие всегда было объективированной коллективной совестью нации. И до сих пор ею остается. В английском языке, кстати, понятие «совесть» отсутствует.

Любая политическая сила, сделавшая православное мировосприятие основой своей идеологии, может стать двигателем назревших в России преобразований. Здесь никаких противоречий нет. Время разбрасывать камни закончилось. Пришло время собирать их.

Спекуляции на тему роли Православной Церкви в современной российской жизни, как правило, основаны на скрытой или явной русофобии. Для нас же очевидно, что отношение гражданина к Православию не становится критерием его политической и нравственной благонадежности, как когда-то членство в КПСС.

А что плохого, что в современный период российской истории наблюдается симфония Церкви и власти, что выражается в их взаимной поддержке друг друга?

Нельзя также упрекнуть Православную Церковь и в конъюнктуре. Церковные иерархи уже давно и неоднократно говорили о необходимости обновления российского гражданского общества.

Сегодня их решимость только укрепилась. Из интервью Святейшего Патриарха Кирилла для программы «Национальный интерес»: «Любая модернизация, любая реформа, любая перемена должна осуществляться на основе фундаментальных ценностей. Перемены не могут разрушать эти ценности, а поскольку самой фундаментальной ценностью является нравственность (потому что без нравственности нет человеческой личности), то мы должны так модернизировать страну, чтобы одновременно сохранять и укреплять нравственное измерение личной, семейной и общественной жизни» [3].

Нужно согласиться с уже не раз звучавшей мыслью, что именно Церковь должна стать тем нравственным фильтром, который, в частности, не даст свести преобразования к профанации, кампанейщине и банальному освоению бюджетных средств исключительно ради их освоения, либо воровства и мздоимства.

Роль Православия в ожидаемых переменах определилась вполне отчетливо. Симпатии Церкви на стороне людей, чьи помыслы направлены на служение Отечеству.

Святой Иоанн Златоуст, на которого часто ссылаются православные проповедники, по поводу людей, стоящих у кормила власти, говорил: «Поистине царь есть тот, кто побеждает гнев, и зависть, и сладострастие, подчиняет все законам Божиим, сохраняет ум свой свободным и не позволяет возобладать душою страсти к удовольствиям. Такого мужа я желал бы видеть началь-

ствующим над народами, и землю, и морем, и городами и областями, и войсками; потому что кто подчинил душевные страсти разуму, тот легко управлял бы и людьми согласно с божественными законами... А кто, по-видимому, начальствует над людьми, но раболепствует гневу и честолюбию и удовольствиям, тот... не будет знать, как распорядиться с властью» [4].

История религии в России показывает, что традиционные духовные ценности русского Православия способны быстро адаптироваться к социальной динамике и могут обеспечить духовные предпосылки развития современной экономики. В частности, Церковь должна напомнить людям, что цель бизнеса — общественное служение, а не набивание собственных карманов. Православие, в отличие от протестантизма, не считает доход и успех в бизнесе зримым выражением благословения Божиего и признаком богоугодности и богоизбранности.

Апостол Павел наставляет, что «желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть, и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу. Ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям. Ты же, человек Божий, убегай сего» (1 Тим. 6:9–11).

Церковь благословляет всякий труд, лишь бы он был направлен во благо. В евангельских притчах Иисус Христос постоянно упоминает о разных профессиях, не выделяя ни одну из них. Он говорит о труде сеятеля (Мк. 4:3–9), слуг и домоправителя (Лк. 12:42–48), купца и рыбаков (Мф. 13:45–48), управителя и работников в винограднике (Мф. 20:1–16).

В Православии также утверждается, что отказ в оплате честного труда является не только преступлением против человека, но и грехом перед Богом. «Кто, насадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада? Кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое» (1 Кор. 9:7, 10).

Роль Православной Церкви в России возрастает еще и по причине набирающей темпы глобализации. Глобализация пока не способствует равенству цивилизаций, наоборот, она направлена

на порабощение сильными слабым. По сути, это очередной передел мира. Задача Православной Церкви — не дать нам себя потерять в этом переделе.

Русская Православная Церковь патриотична по естеству своему. Среди святых, почитаемых Православной Церковью, многие прославились любовью к своему земному отечеству. Можно назвать Александра Невского, Михаила Тверского, который «положил душу свою за свое Отечество», Сергия Радонежского и многих других подвижников, жизнь которых продолжает оставаться примером жертвенной любви к Родине.

Поместный Собор 1990 года констатировал: «На протяжении тысячелетней истории Русская Православная Церковь воспитывала верующих в духе патриотизма и миролюбия. Патриотизм проявляется в бережном отношении к историческому наследию Отечества, в деятельной гражданственности, включающей сопричастность радостям и испытаниям своего народа, в ревностном и добросовестном труде, в попечении о нравственном состоянии общества, в заботе о сохранении природы» [5, с. 6–9].

В 2000 году был принят один из важнейших документов «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Данный документ содержит базовые положения РПЦ по вопросам церковно-государственных отношений и по ряду современных общественно значимых проблем.

В «Основах» сказано, что Церковь сохраняет лояльность государству, но выше требования лояльности стоит Божественная заповедь: совершать дело спасения людей в любых условиях и при любых обстоятельствах.

«Однако Церковь должна указывать государству на недопустимость распространения убеждений или действий, ведущих к установлению всецелого контроля за жизнью личности, ее убеждениями и отношениями с другими людьми, а также к разрушению личной, семейной или общественной нравственности, оскорблению религиозных чувств, нанесению ущерба культурно-духовной самобытности народа или возникновению угрозы священному дару жизни» (III. 6) [7].

И далее. «Церковь может взаимодействовать с государством в

делах, служащих благу самой Церкви, личности и общества. Для Церкви такое взаимодействие должно быть частью ее спасительной миссии, объемлющей всестороннее попечение о человеке. Церковь призвана принимать участие в устройении человеческой жизни во всех областях, где это возможно, и объединять соответствующие усилия с представителями светской власти» [7].

Так что отвечать на вопрос о совместимости Православия и грядущих перемен необходимо утвердительно. А мы будем надеяться, что в нашей стране изменения не будут противоречить духу и букве православной веры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитрий Ростовский, святитель*. Проповедь 19 июня 1701 года. Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского: В 5 т. — М.: В Синодальной Тип. Соч. II, 306.

2. *Димитрий Сеченов, митрополит*. Слово в день явления чудотворных иконы Пресвятыя Богородицы во граде Казани / В высочайшее присутствие ея священнейшаго величества имп. Елисавети Петровны всея России проповеданное Свяжским архимандритом Димитрием Сеченовым, в придворной церквкв в Москве 1742 года июля 8 дня. — СПб.: печ. при имп. Акад. наук, 1742. — 18 с.

3. Интервью Святейшего Патриарха Кирилла для программы «Национальный интерес» // Электронный ресурс. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/950675.html> (дата обращения: 05.09.2021).

4. *Иоанн Златоуст, святитель*. Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любомудрием монашеской жизни // Электронный ресурс. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/sravnenie/ (дата обращения: 05.09.2021).

5. Определения Поместного Собора Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. М., 1990. — № 9. — С. 6–9.

6. Основы социальной концепции иудаизма в России. Основы — приняты в 2003 г. Централизованной религиозной организацией ортодоксального иудаизма «Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений в России» // Электронный

ресурс. URL: <http://рос-мир.рф/node/2498> (дата обращения: 05.09.2021).

7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Основы — приняты на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 2000 году // Электронный ресурс. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 05.09.2021).

Раздел II. ИСТОРИЯ

УДК 93/94

Исидор (Тупикин Роман Владимирович)
митрополит Смоленский и Дорогобужский,
кандидат богословия, кандидат юридических наук,
ректор Смоленской православной духовной семинарии
e-mail: eparxya@mail.ru

Isidore (Tupikin Roman Vladimirovich)
Metropolitan Smolensky and Dorogobuzhsky,
Candidate of theology, Candidate of Legal Sciences,
Rector of the Smolensk Orthodox Theological Seminary
e-mail: eparxya@mail.ru

ЕПИСКОП ИОАНН (СОКОЛОВ) И ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В СЕР. XIX В.

BISHOP JOHN (SOKOLOV) AND SPIRITUAL EDUCATION IN RUSSIA IN MID. XIX CENTURY

Аннотация. Образовательное поле всегда являлось наиболее чувствительным ко всем изменениям, происходящим в обществе. Епископ Иоанн (Соколов) остро чувствовал необходимость реформ в образовательном поле нашей Церкви, так как и общество стремительно менялось. Его бескомпромиссный взгляд вызывал порой непонимание и отторжение, однако время показало, что честность и непредвзятость преосвященного архипастыря происходили из глубокого понимания того кризиса, к которому двигалось духовное образование. Последнее утверждение находит свое подтверждение в тех волнениях, которые уже в конце XIX столетия начали сотрясать духовные школы. Те нерадивые ученики, которым, по мнению епископа Иоанна (Соколова), было

не место за семинарской скамьей, стали источником радикальных идей, хотя в ином случае они могли реализовать себя на иной стезе. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть деятельность преосвященного Иоанна в образовательной сфере, его взгляды на преподавание богословия в университетах, требования к воспитанникам и воспитанницам духовных школ, уровню образования выпускников. Таким образом, мы имеем возможность рассмотреть взгляды и методы преподавания архипастыря, который, будучи руководителем одних из ведущих духовных школ Церкви, представляет определенный пласт деятелей на ниве образования, сочетавших в себе как консервативный взгляд на содержание учебного процесса, так и реформаторские идеи, призванные внести жизнь во все более архаизирующиеся формы духовного образования.

Abstract. The educational field has always been the most sensitive to all changes in society. Bishop John (Sokolov) acutely felt the need for reforms in the educational field of our Church, as society was changing rapidly. His uncompromising view sometimes caused misunderstanding and rejection, but time has shown that the honesty and impartiality of the Right Reverend Archpastor came from a deep understanding of the crisis towards which spiritual education was moving. The latter statement finds its confirmation in the unrest that, already at the end of the 19th century, began to shake theological schools. Those careless disciples who, in the opinion of Bishop John (Sokolov), had no place at the seminary bench, became a source of radical ideas, although otherwise they could realize themselves on a different path. This article attempts to consider the activities of Bishop John in the educational sphere, his views on teaching theology at universities, the requirements for pupils and pupils of theological schools, and the level of education of graduates. Thus, we have the opportunity to consider the views and methods of teaching the archpastor, who, being the leader of some of the leading spiritual schools of the Church, is a certain layer of figures in the field of education, combining both a conservative view of the content of the educational process and reformist ideas called to bring life into more and more archaizing forms of spiritual education.

Ключевые слова: духовное образование, епископ Иоанн (Соколов), догматика, каноническое право, духовные школы, университетское богословие, морально-нравственное влияние, реформа образования.

Key words: spiritual education, Bishop John (Sokolov), dogmatics, canon law, theological schools, university theology, moral and ethical influence, educational reform.

Тема духовного образования была и остается одной из наиболее актуальных в повестке жизни Русской Православной Церкви, ее служения и развития. На протяжении всего постсоветского периода был преодолен значительный путь преобразования всей образовательной системы, начиная от создания православных детских садов и заканчивая получением аккредитации большинством духовных семинарий и академий. Последний результат был достигнут благодаря соответствующей постановке целей стратегического развития духовных школ, их признания со стороны государства и включения в образовательную систему при сохранении традиционных установок подготовки будущих пастырей Церкви. Таким образом, ключевыми целями реформ духовного образования всегда остаются выработка и принятие эффективных механизмов подготовки кадров, способных отвечать на современные вызовы, которые стоят перед Церковью, обществом и государством.

Понятие «кризиса» (что в переводе с др. греч. означает решение, исход, суд) как нельзя лучше отражает смысл реформы как выбора того или иного решения для дальнейшего витка развития. В этом контексте методы решения подобной задачи менялись в зависимости от социально-политических, экономических и духовных условий в нашем государстве и мире. Однако неизменным условием достижения успеха является наличие стратегического взгляда, не ограничивающегося временными рамками. В этой связи изучение опыта предыдущих поколений закладывает фундамент для более точной оценки

современных реалий и прогнозирования последующих событий, последствий тех или иных решений.

В этой связи в качестве фигуры для исследования развития образовательной системы Русской Церкви середины XIX столетия нами избрана личность епископа Иоанна (Соколова). Служение данного иерарха было связано с жизнью трех духовных школ — Санкт-Петербургской и Казанской духовными академиями, Смоленской семинарией. Указанный период характеризовался глобальными изменениями в жизни Российской империи, что нашло свое отражение в великих реформах Александра II. Не обошли подобные изменения и духовное образование, чему способствовала деятельность занимавшего пост обер-прокурора Св. Синода в 1836–1855 гг. графа Н. А. Протасова [20, с 610]. Протоиерей Георгий Флоровский следующим образом отозвался о личности графа и его месте в истории Церкви: «Протасов был верным проводником Николаевских начал или режима в церковной политике. Именно при нём завершается государственная организация церковного управления как особого „ведомства“, в ряду других, — „ведомством православного исповедания“ именуется Церковь с тех пор. Клир и иерархия состоят в этом ведомстве» [19, с. 261]. Из данной фразы можно заключить, что Церковь и вся ее деятельность благодаря усилиям Н. А. Протасова должна была служить интересам государства. Образовательная сфера, таким образом, становилась одной из ключевых, так как формирование будущего духовенства определяло облик Церкви, ее способность и возможность в необходимом для властей русле совершать свое служение.

Говоря о реформах в образовательной сфере Церкви, стоит кратко описать ту ситуацию, которая сложилась к моменту начала активной деятельности преосвященного Иоанна.

В 1808–1814 гг. система духовного образования претерпела значительные изменения, коснувшиеся всех форм организации учебной, научной и воспитательской деятельности. Ключевое влияние на реформу оказали преобразования светских учебных заведений. Важным приобретением этих преобразо-

ваний стало создание целостной системы религиозного образования, начиная от церковно-приходских школ и заканчивая духовными академиями [16, с. 420]. Учебные программы в семинариях и академиях были сформированы таким образом, чтобы учащиеся на основе предметов общегуманитарного и богословского характера приобретали высокую научную квалификацию. Последняя цель имела как несомненные положительные последствия для богословской науки, так и недостатки, связанные с действительностью, с которой сталкивались рукоположенные выпускники духовных школ. Значительная часть населения проживала в сельской местности, соответственно и значительная часть приходов сосредотачивалась вне городов, где имелась аудитория, способная воспринимать ту информацию и тот язык, которому были научены клирики в семинариях и академиях. Об этой проблеме граф Н. А. Протасов высказывался следующим образом: «Вы учились не столько для себя, сколько для нас... Но мы вас не понимаем. Ваши богословия очень выпренные. Ваши проповеди высоки. Мы вас не понимаем... Вы хотите быть и почитаться универсально учеными. Это ошибка...» [14, с. 310]. Однако, как следует из дальнейшего отношения епископа Иоанна к целям духовного учебного заведения, тот придерживался старого порядка, при котором он проходил свое обучение в Московской духовной семинарии и академии. Итоги реформы подвел директор канцелярии обер-прокурора Н. А. Протасова и один из ближайших его сподвижников К. С. Сербинович: «Желание сделать духовенство полезным для крестьян в материальном отношении, чтобы усилить его духовное влияние на них, увлекли реформу далее — прибавлены науки естествознание, медицина, сельское хозяйство. Новые предметы стали отвлекать воспитанников от основных... Следствия были — обременение памяти, ослабление внимания к главному, пренебрежение классических языков, склонность предпочитать материальные предметы духовным» [4, л. 2]. Таким образом, цель приблизить духовенство к нуждам и уровню крестьян не была достигнута, но та система, которая сложилась за несколько десятилетий,

несмотря на явные положительные результаты, была существенным образом деформирована.

Руководство Санкт-Петербургской духовной семинарией было поручено архимандриту Иоанну (Соколову) в 1855 г. [1; 5]. Вместе с должностью ректора ему также вменялись в обязанность преподавание догматики и курирование преподавания во всех учебных заведениях столицы логики, философии и богословия [3].

Что касается образовательной деятельности архимандрита Иоанна, то остались свидетельства некоторых из его учеников, характеризующих эту сторону служения будущего смоленского архипастыря. Так, митрополит Леонтий (Лебединский) имел возможность проходить курс каноники у отца Иоанна. Его манера преподносить материал, являвшийся, по утверждению митрополита, одним из самых «скучных», способствовала развитию интереса к этому предмету у самого широкого круга студентов. Вопросы студентов, живое общение в выгодную сторону отличало его лекции от занятий архимандрита Макария (Булгакова) [11, с. 169]. Лекции архимандрита Иоанна походили более на беседу, где каждый имел возможность принять участие в живой дискуссии и высказаться по интересующему вопросу. Подобная форма способствовала самостоятельному поиску студентами ответов на вопросы и выработке собственного независимого взгляда.

Один из самых ярких критиков епископа Иоанна Н. Я Аристов отмечал его талант лектора. Строгость мысли и ясная речь характеризовали преосвященного в качестве чуткого педагога, способного установить связь со своими слушателями. А строгость мысли вкупе с простотой облегчали разъяснение самых трудных мест догматики [6, с. 791]. Для преподавания последнего предмета архимандрит Иоанн нередко привлекал также гуманитарные дисциплины и естествознание [6, с. 791]. А. Н. Надеждин в предисловии ко второму изданию «Богословских академических чтений» преосвященного Иоанна сделал следующее замечание об их авторе: «[Епископ Иоанн — прим. автора] обладал блестящей диалектикой и тонким философским анализом,

оригинальной аргументацией, свободной и сильной ораторской речью» [14, с. IV]. Помимо этого, А. Н. Надеждин обращал внимание на то, что, хотя еп. Иоанн и был представителем «диалектической школы богословия», тем не менее он смог избежать ее ключевых недостатков — схоластичности и отвлеченности от историко-литературного контекста, и реализовать наиболее живые и плодотворные ее черты [14, с. IV].

По свидетельству экстраординарного профессора Санкт-Петербургской духовной академии Н. П. Рождественского, преосвященный Иоанн, будучи преподавателем, заранее не записывал свои лекции. Лишь благодаря его ученикам, которые вели конспекты на занятиях, мы имеем возможность исследовать наработки лектора по догматическому богословию. Однако все же некоторые из них были зафиксированы будущим смоленским архипастырем в ранние годы его преподавательской деятельности. Что касается канонического права, то работы епископа Иоанна по этой теме представлены главным образом в его фундаментальном труде «Опыт церковного законоведения» и научных статьях.

В 1906 г. увидело свет второе издание сборника лекций епископа Иоанна (Соколова) по догматике, озаглавленного как «Богословские академические чтения преосвященного Иоанна, епископа Смоленского». Данное издание было подготовлено редакцией «Санкт-Петербургского духовного вестника», которая получила рукописи благодаря содействию св. прав. Иоанна Кронштадтского. Материалом для данного сборника послужили записанные тогда иеромонахом Иоанном лекции по нравственному богословию, читанные в начале 1840-х гг. в Московской духовной академии. На одной из рукописей сохранилась пометка ее автора — «1844 г.». Данная тетрадь сохранилась благодаря одной из монахинь, которой через родных этот труд был передан архимандритом Иоанном в его бытность ректором Казанской духовной академии со следующими словами: «Это — мое дело и писано собственною моею рукою. Передайте Е. З. (мирское имя монахини) на память обо

мне в признательность за ея молитвы. 7 октября 1861 г. Казань» [14, с. IV].

В дальнейшем свидетельств о ведении преосвященным Иоанном записей лекций не имеется. Сохранились лишь разрозненные конспекты, записанные студентами. Ряд трудов был опубликован в виде отдельных статей в различных журналах, например, в упоминавшемся «С.-Петербургском духовном вестнике», «Православном Собеседнике», издававшемся в Казанской духовной академии и др. Так, статья «Вера — основание истинной нравственности», которая ранее представляла собой лекцию, была опубликована в «Православном Собеседнике» в 1857 г. В «Чтениях» же она была напечатана в контексте иных трактатов по нравственному богословию.

Большинство лекций по догматике преосвященный Иоанн читал в Санкт-Петербургской и Казанской духовных академиях и сохранились они лишь в записях студентов. Последние были опубликованы в «Христианском Чтении» в 1874 и 1877 гг. Конспекты имеют те недостатки, которые присущи подобного рода записям — орфографические ошибки, неточности в передаче мыслей и т. д. Тем не менее, они в значительной мере дополняют картину трудов по богословию еп. Иоанна (Соколова). Его мысли способны активизировать самостоятельные богословские рассуждения и широкое восприятие богословских истин в рамках православного вероучения. Значение трудов преосвященного Иоанна состоит не только в глубине и оригинальности его богословских умозаключений, нравственном учении и благодатном преображении души, но апологетической остротой, обнажающей наиболее актуальные на тот момент нападки антирелигиозных мыслителей.

Помимо практической стороны образовательной деятельности в духовных школах, также имеется материал, позволяющий проанализировать взгляды преосвященного Иоанна на развитие форм и содержания преподавания богословских дисциплин в светских высших учебных заведениях. В 1866 г. в № 2 журнала «Христианское Чтение» была опубликована его статья под названием «О преподавании богословия в наших

университетах» [7]. Данная работа стала плодом того значительного опыта, который архимандрит Иоанн получил, имея обязанность инспектирования преподавания логики, философии и богословия в столичных ВУЗах [3].

Поводом для написания указанного очерка, как следует из названия, послужило широкое обсуждение вопроса о месте и значении преподавания богословских дисциплин в светских высших учебных заведениях. Данный вопрос стал следствием социальных изменений, происходивших в указанный период в обществе. Так, в результате реформ сословные границы стали постепенно размываться. Духовные учебные заведения открыли свои двери для тех, кто не состоял в духовном звании, а дети клириков, напротив, стали активно пополнять число университетского студенчества. Именно последние в дальнейшем, по причине антагонизма по отношению к представителям дворянского сословия, стали яркими противниками прошлых порядков, при которых главенствующую роль в жизни человека играли не его способности и таланты, но социальное происхождение [12, с. 374–375]. Подобные процессы приводили к радикализации интеллигенции через пополнение ее критически настроенными действительностью выпускниками ВУЗов Российской империи. Таким образом, после принятия университетского устава в 1863 г. остро встал вопрос о месте богословия в среде светских наук. На этот счет было два мнения. Первое предполагало наличие этой дисциплины в качестве воспитательного элемента, призванного сообщить студентам основы христианской нравственности. Второй путь обозначил наличие богословия в качестве полноценной науки, к которой применяются соответствующие методы исследований. Последнее мнение обрело больше сторонников, в результате чего в университетах были введены изучение канонического права в его связи со светским и история Церкви. Однако при этом оставались также и межфакультетские кафедры богословия.

Как бы то ни было, ключевой функцией богословия было моральное влияние на российское студенчество. Этот фактор в конечном итоге стал играть отрицательную роль, если учиты-

вать те настроения, которые царили в умах молодых людей второй половины XIX в. Протест против деспотии, неравенства и отсталости российского государства и общества был перенесен на Церковь и все, что с ней было связано. «Многие сыновья клириков — в том числе и те, кто сохранил веру в Бога, — модифицировали и подвергали секуляризации унаследованные от отцов представления о ведущей роли духовенства в обществе, о своей миссии спасителей народа. Опираясь на эти представления, поповичи стремились преобразовать общество и спасти его от „грехов“ неравенства, насилия, социальной несправедливости» [13, с. 292]. С другой стороны, как отмечает А. О. Крылов, христианская нравственность проигрывала в глазах преподавателей и студентов альтруизму, стремящемуся ко всеобщему благу. Более того, само духовенство, по мнению прогрессивной части общества, было далеко не только от гуманистических идей, но и морально-нравственных установок, которые они проповедовали. При всем этом на фоне значительных успехов европейской науки богословие обвинялось в антинаучности [10, с. 58]. В таком случае научная и моральная ценности богословия ставились под сомнение как пережиток прошлого, неспособного оказывать сколь-либо положительного воздействия.

На этом фоне в 1865 г. министр народного просвещения поручил протоиерею Николаю Сергиевскому, профессору богословия МГУ им. Ломоносова, посетить университеты для исследования опыта и обсуждения проблем, связанных с преподаванием богословия. Результаты этой поездки были опубликованы в журнале «Православное обозрение», где вышла статья прот. Николая «О лучшем устройстве кафедры богословия в наших университетах» вместе с приложением [17]. Таким образом, очерк епископа Иоанна является рецензией на данную статью.

Выделим главные мысли, которые преосвященный Иоанн полагает в основу устройства преподавания богословских наук в университетах. Итак, еп. Иоанн выступил против идеи прот. Николая о том, что религиозная истина как предмет веры, то

есть иррационального, должна быть поставлена «в такое отношение к сознанию, чтоб она, не теряя своего характера, нимало не поступаясь своим предметным (объективным) содержанием, представлялась в гармонии... с прочими научными истинами» [17, с. 191]. На это еп. Иоанн замечает, что подобная цель неосуществима хотя бы в силу различия природы богословия и иных наук. Свойством последней является поиск и открытие нового, разрушение старых гипотез, а предметом изучения — материальный мир. Религиозная истина имеет абсолютно противоположные характеристики — «неизменность в своем содержании, в своем составе и объеме», а «главный предмет ее — Бог» [7, с. 155]. Таким образом, «гармонизировать» богословие и иные науки, по мнению преосвященного, не представляется возможным и даже необходимым, так как ведет к обесцениванию богословия, приспособлению его в качестве придатка к наукам «человеческим». Эта мысль, — заключает еп. Иоанн, — «ошибочная и вредная» [7, с. 159].

О составе богословских наук и целесообразности их наличия в университетской программе преосвященный Иоанн высказался не менее определенно. По его мнению, прот. Николай заблуждается в том, что в состав богословских наук в университетах необходимо включить специальные науки, такие как: библеистику, апологетику, церковную историю и проч. Все эти дисциплины не могут принести своей пользы, так как оторваны от контекста иных наук и их изучение может принести больше вреда, чем пользы для нравственного состояния студентов и их веры. Профессор, заключает еп. Иоанн, должен всегда помнить о том, что он «не просто профессор, а профессор-проповедник» и его обязанность — «готовить убежденных верующих христиан из светски-образованных людей» [7, с. 180]. Таким образом, епископ Иоанн отлагает научный компонент богословского курса в университетах и оставляет лишь моральную составляющую, которая призвана воспитывать человека в духе христианской нравственности. Такова главная задача богословия, по мнению преосвященного Иоанна.

В своем отчете прот. Николай Сергиевский поднимает во-

прос о создании специальных комитетов, которые объединяли бы преподавателей богословия, церковной истории, церковного законовещения и «доцента по богословию». Такие комитеты по задумке автора идеи должны были иметь свои полномочия и органы совещания, «подобно как имеют их [университетские — прим. автора] факультеты» [17, с. 198]. Еп. Иоанн справедливо отметил, что в таком случае идет речь о создании богословских факультетов, что абсолютно преждевременно. А этот вопрос уже «не отдельно университетский, а церковно-государственный» [7, с. 175]. Данное мнение достаточно категорично, однако не лишено оснований. Существовавшая в Российской империи система духовного образования включала в себя духовные академии, которые были призваны готовить специалистов в области богословских наук. Этому способствовало наличие квалифицированных кадров в профессорско-преподавательском составе, наличие соответствующих программ и традиционный уклад жизни духовных школ. Университеты в данном случае имели совершенно иные задачи и условия преподавания, которые не всегда могли способствовать выпуску специалистов, полезных Церкви и обществу. Также вставал вопрос о пересечении функций богословских факультетов в университетах и академий, что также имело и материальное измерение. Финансирование всех учебных заведений, в том числе религиозных, шло за счет государства, поэтому подобные расходы также могли негативно сказаться и на духовных академиях, которые нуждались в достаточной поддержке.

Епископ Иоанн (Соколов) завершает свой очерк опровержением утверждения прот. Н. Сергиевского о том, что университетским преподавателям богословия важно предоставить право заграничных поездок, в том числе с целью изучения «состояния самых обществ иноверных» [17, с. 199]. На это преосвященный замечает, что гораздо полезнее было бы обратить внимание на православное общество в нашей стране. Так как знание особенностей людей и их мировоззрения как нельзя лучше способствует созданию более эффективного об-

разовательного процесса как с точки зрения научной, так и со стороны воспитательного воздействия. А последняя фраза в равной мере применима как для университетов, так и для духовных школ: «Если преподавание богословия у нас мало имеет жизненности, нравственной силы и практического влияния на общество с его религиозных сторон, то именно вследствие разобщения науки с жизнью, преподавателей — с обществом» [7, с. 187]. Таков нравственный посыл епископа Иоанна по отношению к преподаванию богословских дисциплин в университетах. И он, как считает автор настоящей статьи, вполне соотносится с теми реалиями и задачами, которые стояли перед Церковью по отношению к обществу — готовить высокообразованных богословов и пастырей, которые в свою очередь могли бы быть моральным и интеллектуальным ориентиром для народа в условиях агрессивного разрушения традиционных понятий и жизненных установок.

Накопленный опыт руководства и преподавания в Санкт-Петербургских духовных школах и Казанской духовной академии преосвященный Иоанн использовал и при его деятельности в качестве правящего архиерея Смоленской епархии, в которой располагались семинария и три духовных училища. Его первые действия на этом поле деятельности были направлены на проверку состояния духовных учебных заведений. Так, в ответ на прошение одного из клириков принять обратно в Рославльское духовное училище исключенного за неуспеваемость сына, наложил следующую резолюцию: «Ученика среднего отделения при малых способностях и малом прилежании... обратное принятие такого ученика в училище после увольнения из него не может быть одобрено. Рекомендую семинарскому правлению быть в таких случаях впредь как можно строже, несмотря ни на какие прошения отцов, чтобы не обременять училища, без того переполненного совершенно бесполезными, даже вредными учениками» [15, с. 74]. На последнее обстоятельство преосвященный обращал внимание и при рассмотрении разрядных списков учеников семинарии, высказываясь следующим образом: «В высшие классы перево-

дятся ученики с явно слабыми успехами, даже очень слабыми, что должно только унижать заведение и, явно потворствуя лени, давать им последний якорь в духовном сословии ко вреду Церкви» [2, л. 6]. Результатом подобного ревностного отношения к успеваемости студентов стало то, что их количество за один год уменьшилось с 600 в 1866 г. до 340 человек [18, с. 144]. На это обстоятельство обратил внимание инспектор С. В. Кирский, прибывший в семинарию с проверкой. Однако заключительная оценка свидетельствовала об удовлетворительном состоянии семинарии и успеваемости его учеников [2, л. 8]. Порой та строгость, которую епископ Иоанн проявлял по отношению к воспитанникам духовных школ, была чрезвычайной. Так, после его распоряжения о запрете для исключенных подавать прошения о восстановлении, Святейший Синод вынужден был принять постановление, согласно которому указанное распоряжение признавалось «не согласным ни с общим духом закона, ни с уставами семинарии и училищ» [18, с. 144].

В результате проведенной в 1867 г. реформы духовного образования отменялось подчинение Смоленской семинарии Санкт-Петербургскому правлению духовной академии, и вся надзорная деятельность переходила в руки правящего архиепископа. В этой связи преосвященный Иоанн обратил особое внимание на преподавание богословских дисциплин. И в частности догматическое богословие, по его мнению, должен был преподавать не только тот, кто получил академическое образование, но и имел достаточный жизненный опыт [15, с. 284]. Для поступающих в духовные учебные заведения также ужесточались вступительные испытания, что также повлияло на количество и качество учеников.

Значительное внимание еп. Иоанн уделял уровню образования воспитанниц духовного училища, которое он считал неудовлетворительным. Причиной тому явились изменения, которые внес в программу предшественник преосвященного Иоанна на Смоленской кафедре епископ Антоний (Амфитеатров). В целях обеспечения выпускниц училища возможностью заработка он сократил изучение гуманитарных дисциплин в

пользу практических, например — рукоделия. Вполне ожидаемо общий уровень образования воспитанниц понизился, однако их возможности для получения средств к существованию возросли [9, с. 130]. С этим подходом еп. Иоанн не желал соглашаться: «Посмотрите на священнослужителя, получившего достаточное научное образование, когда в самых молодых годах, едва сошедши со школьной скамьи, он поставлен судьбой в деревенской глуши, в среде нисколько не развитых поселян, с которыми и обязательные духовные сношения он может поддерживать с трудом и огорчениями для себя... чего ему недостает, когда при такой обстановке жизни он скоро впадает в тоску и уныние?.. прежде всего, в такой обстановке недостает ему сколько-нибудь развитой умственно и нравственно подруги жизни, подруги, которая не одним внешним сожитием, а умом и сердцем делила бы тяготу его жизни...» [8, с. 35–36]. Таким образом, для преосвященного Иоанна супруга представляла собой не столько помощницу по хозяйству, но прежде всего друга и сотрудницу, которая имеет равные права и возможности к интеллектуальному и нравственному развитию. В результате разрядные ведомости свидетельствуют о снижении количества воспитанниц, что явилось предсказуемым в свете повышения требований к их успеваемости. Подводя итог рассматриваемой теме, необходимо подчеркнуть, что епископом Иоанном (Соколовым) был заложен твердый фундамент для дальнейших преобразований, осуществленных его преемниками на Смоленской кафедре.

Середина XIX века отмечена значительными преобразованиями в жизни нашего общества, государства и Церкви. Эти изменения не обошли стороной духовного образования, которому посвятил большую часть своей жизни епископ Иоанн (Соколов). Будучи ректором Казанской духовной академии и столичных духовных академии и семинарии, он имел возможность лично соприкоснуться с теми реалиями, которые наличествовали в духовных школах. Этот период был отмечен падением уровня образования в духовных учебных заведениях в результате оттока способных студентов в светские уни-

верситеты и понижения мотивации представителей духовного сословия. Все это не могло не беспокоить преосвященного Иоанна и его современников, в связи с чем он стремился порой радикальными методами — исключениями из числа обучающихся, повышением требований — решить вопрос с качеством обучения и успеваемости воспитанников. Как видим из реакции Святейшего Синода, данные меры не получили своей поддержки. Кроме того, в центре внимания преподавателей богословия в университетах также была судьба их предмета. В этой связи Министерством просвещения было инициировано широкое обсуждение данного вопроса — в каком виде богословие должно присутствовать в светских ВУЗах, кто его должен преподавать, какие разделы имеют право остаться в учебных программах. На этот счет епископ Иоанн имел свой взгляд, носящий критический характер по отношению к официальному отчету прот. Николая Сергиевского. Его мнение демонстрирует тот разрез мнений, который также имел место быть. И он не лишен аргументированности, так как сформирован во многом исходя из реалий преподавания богословских наук как в духовных, так и в светских учебных заведениях. Таким образом, изучая сюжет о деятельности епископа Иоанна (Соколова) на образовательном поле, возможно через призму жизни и служения отдельной исторической фигуры рассмотреть трансформации в данной части жизни нашего общества и Церкви.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 136. Д. 21.
2. РГИА. Ф. 796. Оп. 149. Д. 854.
3. РГИА. Ф. 797. Оп. 22. Д. 2.
4. РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 675.
5. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 277. Оп. 1. Д. 2377.
6. *Аристов Н. Я.* К характеристике преосвященного Иоанна, бывшего епископа Смоленского // Исторический вестник.

1880. № 12. С. 786–795.

7. *Иоанн (Соколов), еп.* О преподавании богословия в наших университетах // Христианское чтение. 1866. № 2. С. 141–191.

8. *Иоанн (Соколов), еп.* Беседы, поучения и речи, сказанные смоленской пастве. Смоленск: Типография губернского правления, 1876.

9. *Исидор (Тупикин), митр.* Епископ Смоленский и Дорогобужский Иоанн (Соколов): жизнь и труды. Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. 231 с.

10. *Крылов А. О.* Кафедры богословия в университетах Российской империи. Социокультурный контекст // Манускрипт. 2019. № 12. С. 54–61.

11. *Леонтий (Лебединский), митр.* Мои заметки и воспоминания // Богословский вестник. 1913. Т. 3. № 9. С. 142–170.

12. *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 908 с.

13. *Манчестер Л.* Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: НЛО, 2015. 440 с.

14. *Надеждин А. Н.* История С.-Петербургской православной духовной семинарии с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства: 1809–1884. СПб.: Синодальная типография, 1885.

15. *Романский Н. А.* Преосвященный Иоанн — епископ Смоленский: Его жизнь и проповеднические труды. М.: Типография Л. и А. Снегиревых, 1887.

16. *Смолич И. К.* История Русской Церкви: 1700–1917. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996.

17. *Сергиевский Н., свящ.* О лучшем устройстве кафедры богословия в наших университетах // Православное обозрение. 1865. Октябрь. С. 186–216.

18. *Серафим (Амельченков), иером.* Богословское образование в России: Смоленская духовная семинария. Исторический очерк. 1728–2008. Смоленск: Свиток, 2010.

19. *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. М.: Ин-

ститут русской цивилизации, 2009.

20. *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи: Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Библиографический справочник: 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.

УДК 908

Иерей Дионисий Лобанов

магистрант Института истории и права
Калужского государственного университета
им. К. Э. Циолковского
e-mail: dionisiy_87@mail.ru

Priest Dionisiy Lobanov

Master's student at the Institute of History and Law,
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky
e-mail: dionisiy_87@mail.ru

Никитина Н. Н.

кандидат исторических наук, доцент;
доцент кафедры новейшей истории,
ФБОУ «Калужский государственный
университет им. К. Э. Циолковского»
e-mail: nikay85@yandex.ru

Nikitina N. N.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor;
Associate Professor of the Department of Modern History,
Kaluga State
University named after K. E. Tsiolkovsky
e-mail: nikay85@yandex.ru

Никитин А. Ю.

старший преподаватель
каф. Информатики и информационных технологий Калужско-
го государственного университета им. К. Э. Циолковского
e-mail: NikitinAY@tksu.ru

Nikitin A. Y.

senior teacher of the department
Informatics and Information Technologies
of Kaluga State University K. E. Tsiolkovsky
e-mail: NikitinAY@tksu.ru

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ИМПЕРАТОРСКОГО ЧЕЛОВЕКОЛЮБИВОГО ОБЩЕСТВА
В XIX — НАЧ. XX В.**

**CHARITABLE ACTIVITY OF THE IMPERIAL HUMANE
SOCIETY IN THE XIX — BEGINNING OF XX CENTURY**

Аннотация. Благотворительная деятельность в дореволюционной России традиционно подразделялась на три ветви — государственную, общественную и частную. В последние годы появилось большое количество исследований в области государственной и частной благотворительности, при этом общественное направление по-прежнему не изучено в достаточной степени. Активное участие в благотворительной деятельности в XIX — начале XX века принимали представители разных общественных организаций; ведущей среди них было Императорское Человеколюбивое общество. Его отделения активно функционировали в разных губерниях страны. В статье подробно освещается деятельность Императорского Человеколюбивого общества, которое объединяло усилия попечителей со всей страны в области образования и помощи сиротам. Обществу удавалось привлекать значительные средства благотворителей для решения важных общественных задач и эффективно их использовать.

В качестве источников в статье используются отчеты Императорского Человеколюбивого общества, которые ежегодно публиковались для публичного обозрения.

Анализ их содержания позволяет утверждать, что опыт организации общественной благотворительности на примере Императорского Человеколюбивого общества может быть применен к решению современных социальных задач.

Abstract. Charitable activities in pre-revolutionary Russia were traditionally divided into three branches — state, public and private. In recent years, there has been a large amount of research in the field of public and private philanthropy, while the public direction is still not sufficiently studied. Representatives of various public organizations took

an active part in charitable activities in the 19th — early 20th centuries, the leading among them was the Imperial Philanthropic Society. Its branches functioned actively in different provinces of the country. The article details the activities of the Imperial Philanthropic Society, which united the efforts of trustees from all over the country in the field of education and assistance to orphans. The society managed to attract significant funds from benefactors to solve important social problems and use them effectively.

The sources used in the article are the reports of the Imperial Philanthropic Society, which were published annually for public review.

An analysis of their content allows us to assert that the experience of organizing public charity on the example of the Imperial Humanitarian Society can be applied to solving modern social problems.

Ключевые слова: благотворительность, образование, детские приюты, призрение, попечительство, Императорское человеколюбивое общество, пожертвования.

Key words: charity, education, orphanages, charity, guardianship, Imperial Philanthropic Society, donations.

Начало XIX в. для российской благотворительности ознаменовано созданием первых обществ и заведений, учрежденных частными лицами под контролем государства. Их деятельность недостаточно изучена в отечественной исторической науке. Историки исследовали ее в контексте общей системы благотворительности в стране. В работах Лыкошина П. И., Власова П. В., Тончу Е. А. предприняты попытки подробно рассмотреть деятельность самой влиятельной общественной благотворительной организации — Императорского человеколюбивого общества на основе анализа ежегодно публиковавшихся этим обществом отчетов [9, 13].

Рескриптом от 16 мая 1802 г. [10] было закреплено создание

«Филантропического общества», которое в 1816 г. под наименованием «Императорское Человеколюбивое общество» получило стройную организацию, став самой большой общественной благотворительной организацией.

Первым главным попечителем общества стал князь Александр Николаевич Голицын. В своем проекте образования Императорского Человеколюбивого общества он говорит, что целью образования общества является помощь «всякого рода бедным», находящимся в столице, а затем и всей империи. Важным он считает не просто творить милостыню, но создавать условия для выведения людей из нищеты. Для этого следует создать несколько комитетов по направлениям. Одно из этих направлений — воспитание и обучение полезным ремеслам малолетних бедных. «Но чтобы между всеми таковыми отдельными частями сделать стройную связь и взаимную сообщительность и движению каждой доставить более удобства к точному выполнению своих обязанностей, нахожу нужным: во 1-х, учредить особое сословие под названием Совета Человеколюбиваго Общества, и во 2-х, преобразовать попечительский комитет» [9, с. 220].

Согласно положению от 16 июля 1816 г. Совет Императорского Человеколюбивого общества состоял из одиннадцати действительных членов, в числе которых должен был быть главный попечитель в звании неперменного председателя и его помощник. Но Высочайшими повелениями, изданными в 1824 и 1825 гг., постановлено на случай отлучки и болезни действительных членов избирать шесть почетных членов с правом голоса и подписи журналов Собраний.

«Предмет Человеколюбиваго Общества состоит в доставлении бедным вспоможения всякого рода, не только в столице, но по возможности и в других городах Империи» [9, с. 220]. В обязанность общества вменялось прилагать старания об учреждении сословий и заведений для призрения нуждающихся, в том числе для воспитания сирот и детей бедных родителей.

Все члены Совета имеют право посещать страждущих, проводить ревизию заведений Императорского Человеколюбивого общества и сообщать Совету о замеченных нарушениях.

Вместе с проектом образования Совета 16 июля 1816 г. был утвержден список членов совета общества. Непременный председатель — главный попечитель общества, князь, тайный советник А. Н. Голицын. Три члена избраны из «почетнейшего духовенства», три члена из высших военных чинов, три из гражданских, один из придворных.

27 июля 1816 г. в доме Главного управления иностранных исповеданий состоялось открытие Совета Императорского Человеколюбивого общества.

Большая часть благотворительных учреждений ведомства Императорского Человеколюбивого общества была основана во время председательства князя А. Н. Голицына.

16 ноября 1819 г. «Высочайше утверждены» положение и штат для Императорского института слепых, который был переведен в Михайловский замок. Согласно уставу, в институт принимались бедные слепые всех возрастов и обучались грамоте и музыке под наблюдением членов Совета Императорского Человеколюбивого общества. В свободное время воспитанники института занимались набором и печатанием выпуклыми литерами учебных и духовных книг, музыкальных сочинений, а также рукоделием [9, с. 222–224; 13, с. 213].

Вскоре после обнаружения утвержденного проекта образования Императорского Человеколюбивого общества несколько частных лиц, большей частью принадлежавших к высшим слоям общества в Санкт-Петербурге, изъявили желание составить особое сословие для реализации той части программы, в которой указана необходимость заботиться о воспитании и обучении полезным ремеслам малолетних бедных детей и с этой целью учредить дом призрения малолетних бедных.

20 октября 1816 г. был «Высочайше утвержден» проект положения образования сословия и устройства благотворительного заведения. Согласно проекту, в дом призрения положено принимать беднейших детей мещан, ремесленников и вообще разночинцев не моложе шести лет. Воспитанников предполагалось обучать Закону Божию, чтению, письму, начальной арифметике. Достигнув тринадцати лет, воспитанники поручались

для «приучения к полезным ремеслам» известным мастерам и торговцам, под наблюдением членов сословия.

После утверждения положения сразу было создано сословие для призрения малолетних бедных, состоящее из действительных членов и благотворителей. Действительные члены обязывались ежегодно вносить денежную сумму — не менее 50 рублей — или заменять ее «какими-либо личными трудами» [9, с. 230].

Звание члена-благотворителя присваивалось тем, кто осуществлял денежные или иные пожертвования в пользу заведения.

Из действительных членов избиралось восемь попечителей, составляющих комитет и обязанных по очереди наблюдать за домом призрения. Комитет заведовал приемом бедных детей, а также попечением об их содержании и воспитании, выпуском из дома призрения и передачей их на обучение ремеслам, т. е. наблюдением за исполнением правил и порядком в деятельности дома призрения. Из числа восьми попечителей старший выполнял обязанности председателя, второй — эконома, а третий — казначея.

Дом призрения малолетних бедных был устроен на средства кружка столичных аристократов. С. С. Ланской, граф М. Ю. Вивельгорский, А. П. Римский-Корсаков и др. обязались ежегодно вносить на содержание дома пожертвования [13, с. 211–213].

Благополучно дом призрения малолетних детей просуществовал только первые пять лет. С 1823 г. многие члены-учредители не могли платить взносы на его содержание, в связи с этим количество воспитанников дома призрения было уменьшено.

Совет Человеколюбивого общества стремился устроить собственными средствами более значимое место для воспитания бедных и бесприютных сирот.

23 октября 1817 г. специальной комиссией был приобретен каменный четырехэтажный дом за сто тысяч рублей. Работы по перестройке здания были окончены к зиме 1819 г. В делах Совета сохранились сведения о редкой заботе, с какой его чле-

ны относились к новому благотворительному учреждению. Заведывание домом было поручено правлению из директора, двух помощников и эконома или служителя.

16 ноября 1819 г. был «Высочайше утвержден» устав Дома воспитания бедных детей. Согласно ему, Дом основан с целью спасения беспомощных детей от угрожающего им «праздного жития и развращения нравов, образуя из них христиан, угодных Богу и граждан, полезных отечеству» [13, с. 234].

Обучение в Доме воспитания осуществлял подготовительный курс, состоящий в основательном изучении Закона Божия, русского языка и арифметики. В случае выявления особых способностей воспитанникам дозволялось посещать высшие училища вне дома, но под наблюдением, чтобы они оставались на содержании в Доме воспитания. Воспитанников из мещан, ремесленников и разночинцев, получавших элементарное образование, решено было передавать для обучения полезным ремеслам или, в зависимости от их способностей, к письменным или конторским занятиям.

10 марта 1820 г. состоялось открытие классов в Доме воспитания. На все содержание Дома, с жалованием должностным лицам, по первоначальному положению было назначено 35 695 рублей 50 копеек ассигнациями.

Но уже в 1822 г. было решено принять еще 32 мальчика, открыть третий высший класс и ввести преподавание новых предметов, необходимых для подготовки способных детей к поступлению в Санкт-Петербургскую губернскую гимназию. К прежним предметам добавили чтение славянское, пение и рисование, математику, историю и географию, латинский, немецкий и французский языки, русскую и латинскую словесность. Предметы распределялись на шесть лет с разделением курса на три класса.

На каждого воспитанника в Доме воспитания тратилось по 104 рубля 79 копеек ассигнациями в год. Принимать в Дом воспитания стали детей всех званий в возрасте от 8 до 12 лет, и только в особенных случаях допускались исключения и разрешалось принимать детей старше этого возраста [9, с. 234–235].

Императорское Человеколюбивое общество осуществляло заботу и о бедных девочках.

В 1817 г. два попечителя (Иванов и Каменский) организовали воспитание девочек у мастериц. В 1818 и 1819 гг. были учреждены еще два учреждения для 12 и 15 девочек. Таким образом, независимо от поручения попечителями беднейших девочек мастерицам, было организовано четыре заведения для призревания малолетних сирот женского пола. В данных заведениях старались сочетать домашнее воспитание с некоторыми преимуществами общественного заведения без увеличения расходов на содержание. С целью не выводить девочек из положения, согласно которому они должны добывать себе пропитание, призываемых поручали образованным женщинам с хорошей репутацией перед комитетом, известных своей честностью и благонравным поведением. Они обучали девочек правилам веры, русской грамоте, рукоделию и ведению домашнего хозяйства. Воспитательницы давали комитету расписку, в которой перечислялись их обязанности, всего 16 пунктов.

Высочайше утвержденный 16 июля 1816 г. проект образования Императорского Человеколюбивого общества предполагал работу общества не только в Санкт-Петербурге, но и в других губерниях [10]. В силу этого Советом Человеколюбивого общества постепенно были образованы благотворительные учреждения в Казани, Москве, Воронеже, Уфе, Слуцке и других городах.

Первое место по обилию денежных средств и числу устроенных благотворительных заведений, а также числу призываемых в ряду учреждений Императорского Человеколюбивого общества занимал Московский попечительный о бедных комитет.

В конце 1817 г. в Москву прибыл Александр I и главный попечитель общества князь А. Н. Голицын. Князь Голицын обратился к дворянству, духовенству и купечеству с разосланными по всему городу печатными приглашениями к участию в делах комитета. Москва сочувственно откликнулась на призыв князя Голицына. Пример милосердия оказал сам император. Со-

бранную купечеством сумму в 25 000 рублей для проведения торжества в честь императора, Александр I пожертвовал на учреждение комитета. Кроме того, особым рескриптом на имя министра финансов император назначил к ежегодному отпуску из государственного казначейства 5 000 рублей.

В начале 1818 г. сумма пожертвований москвичей составила 126 032 рубля, это подвигло князя Голицына приступить к открытию комитета. 2 февраля 1818 г. Александр I утвердил существование московского Попечительного комитета, назначив его президентом князя А. Н. Голицына.

Попечительный комитет должен был состоять из президента, вице-президента и 22 попечителей. Совет Человеколюбивого общества назначил московскому комитету 21 000 рублей в год. Дом, в котором разместились канцелярия Попечительного комитета, находился в Большом Спасоглинищевском переулке (номер 4). Москва была поделена на несколько частей между членами комитета, которые должны были собирать следующую информацию: 1. В каком состоянии находится проситель; 2. Какие причины привели его в состояние, когда он не может самостоятельно доставлять себе пропитание; 3. Характеристика его поведения; 4. Есть ли у просителя обеспеченные родственники. И если они есть, то член комитета обязан ходатайствовать у них за просителя [1, с. 162; 9, с. 244].

Благосостоянию Московского попечительного комитета способствовало ежегодное отчисление его председателя князя С. М. Голицына в размере 6 000, а затем 6 582 рублей ассигнациями. Благодаря активному участию князя Московский комитет всегда имел достаточно средств и постоянно открывал новые учреждения.

Высочайшим указом императора Александра I от 1824 г. князь А. Н. Голицын был уволен с должности главного попечителя Человеколюбивого общества и председателя Совета. На место князя назначен преосвященнейший Серафим, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, который председательствовал с 1824 по 1843 гг. В связи с тем, что князь Голицын оставил должность, ближайшие его сотрудники по-

кинули Санкт-Петербург. Вследствие этого новый председатель в первую очередь занялся комплектованием членов общества и устройством коллегиального порядка в рассмотрении дел общества.

Важной задачей митрополита Серафима стало открытие постоянных и более богатых источников содержания и составление более точных и определенных уставов и правил благотворительных учреждений [9, с. 272].

На нужды благотворительности выделяются большие пожертвования. С 1830 по 1840 г. вдовой генерал-лейтенанта Ступишиной Московскому попечительному комитету пожертвовано 262 733 рубля и недвижимое населенное крестьянами имение в 37 100 рублей.

17 января 1824 г. поручик Иванов представил в Совет духовное завещание, согласно которому он после своей смерти передает в распоряжение Совета недвижимое имущество стоимостью в 395 000 рублей ассигнациями при условии создания при Совете банка для увеличения этого капитала. Высочайшим изволением Совету было позволено принять это пожертвование.

В 1831 г. в связи со смертью Иванова Совет принял завещанные им капитал и недвижимое имущество. Таким образом, получено деньгами 559 844 рубля ассигнациями и недвижимое имение на сумму 395 000 рублей. По Высочайшему повелению капитал Иванова был помещен для обращения в Санкт-Петербургский приказ общественного призрения и поступавшими по домовым документам платежами с 1833 по 1838 г. был увеличен до 702 638 рублей ассигнациями.

В 1841 г. в ведение Совета было принято Калужское Женское благотворительное общество. Сразу после учреждения общество купило каменный двухэтажный дом, именуемый Домом трудолюбия, для помещения сирот и детей из бедных семей. Вначале в нем призревалось 15 девочек-сирот. В 1855 г. общество приобрело новый дом за 1570 рублей, и количество призреваемых достигло 53 человек. В течение пятидесяти лет приют прирел 2190 сирот и детей беднейших родителей всех

сословий. При доме действовала школа, в которой обучали по программе начальных народных училищ, и церковь. Девочки занимались белошвейными работами и шитьем платьев. В прачечной они мыли, чистили и гладили белье и платье. Фактически Дом трудолюбия стал закрытым профессиональным учебным заведением-училищем для воспитания мастерству детей-сирот и детей неимущих родителей.

С целью материальной поддержки Дома трудолюбия проводились различные акции. В декабре 1865 и 1866 гг. были организованы благотворительные базары, в 1879 и 1884 гг. — любительские спектакли. За пятьдесят лет Калужское Женское благотворительное общество израсходовало на содержание Дома трудолюбия 157 000 рублей. В 1910 г. там было 50 девочек, на содержание которых расходовалось 10 486 рублей [2, с. 35–36; 8, с. 170].

Не менее полезные учреждения в области образования были открыты и в Москве. В 1832 г. был устроен Набилковский дом призрения сирот мужского пола на 52 человека. В том же году основано рукодельное заведение для девиц, в котором воспитывалось и призывалось 50 девиц.

В 1838 г. вновь составлен устав для дома воспитания бедных детей, который из первоначально общеобразовательного заведения переделан в специальное училище для приготовления воспитанников к канцелярским и конторским занятиям.

По кончине митрополита Серафима обязанность главного попечителя была Высочайше поручена митрополиту Антонию. Обновленный Совет под председательством митрополита Антония постановил образовать страховой капитал, проценты с которого стали поступать на страхование зданий Человеколюбивого общества, тем самым освобождая благотворительные учреждения их ведения от расходов на это.

В 1846 г. было вновь составлено положение для девичьих школ, в котором определяется цель этих заведений как «призрение и воспитание бедных и беспомощных девиц» [11, с. 5]. Рассматривается порядок принятия, содержания и обучения.

По кончине митрополита Антония на должность главного по-

печителя был назначен Новгородский и Санкт-Петербургский митрополит Никанор, управляющий Советом до 1856 г. Количество членов Совета увеличилось до 16 человек.

В 1851 г. при доме воспитания бедных детей учреждено звание почетных благодетелей.

С расширением круга деятельности у Человеколюбивого общества росло количество канцелярской работы, в силу чего 23 декабря 1842 г. «Высочайше разрешено увеличить содержание служащим производством им столовых денег» [9, с. 277].

При Александре II **первым попечителем Общества** был назначен митрополит Григорий. При нем здания Дома воспитания бедных детей были перестроены и увеличены различными пристройками, что позволило вдвое увеличить количество воспитанников.

В связи с тем, что Совет не раз испытывал затруднения с содержанием заведений от случайных доходов, было решено увеличить основные фонды и создать вновь основные капиталы с расчетом на то, чтобы процентами с них можно было обеспечить благотворительные учреждения.

14 ноября 1858 г. лицам, участвующим в благотворительной деятельности Человеколюбивого общества, было Высочайше даровано право государственной службы. Благодаря этим мерам приток пожертвований значительно увеличился.

Деятельность общества продолжала развиваться и далее. Дом воспитания бедных детей планировалось преобразовать в учительский институт, затем в реальную гимназию и наконец — в классическую. Проект утвержден в 1868 г.

21 октября 1861 г. надзор за учениками ремесленных мастерских был возложен на Императорское Человеколюбивое общество, «чтобы лица сии о всяком обнаруженном ими случае нарушений мастерами установленных законов, в отношении содержания учеников, правил, доводили сведения до главного начальника столицы, для принятия мер ко взысканию с виновных» [7, с. 7].

Реформа 19 февраля 1861 г. коснулась попечения общества о бедных детях. Дабы лучше подготовить детей к взрослой жизни

ни, Совет хотел дать им максимально больше умений и навыков. В 1861 г. при Доме призрения малолетних бедных были открыты классы резьбы по дереву, также были открыты типография и литография [9, с. 317–318].

Московский попечительный комитет в этот период развивался благодаря активной деятельности митрополита Филарета (Дроздова).

К концу царствования Александра II всего насчитывалось до 30 000 в год человек, пользовавшихся благотворительностью Императорского Человеколюбивого общества [9, с. 317–318].

Придя к власти, «Царь-Миротворец» не остался безучастным к делу развития благотворительности. Многие было сделано для открытия приютов других ведомств.

Относящийся к Человеколюбивому обществу Набилковский дом призрения сирот в Москве был преобразован. Согласно уставу, цель дома — давать сиротам и детям бедных родителей религиозно-нравственное и интеллектуальное образование, готовить к бухгалтерской работе. Училище состояло из 4 классов с курсом городского училища и из дополнительного курса. В дополнительном курсе изучали русский язык, коммерческие вычисления, бухгалтерию и немецкий язык [9, с. 323].

В 1885 г. Человеколюбивому обществу был передан приют Общества призрения детей, просящих милостыню в Москве [9, с. 323].

В правлении Николая II Человеколюбивое общество продолжило свою деятельность призрения в области образования. Указом императора от 17 мая 1897 г. установлено в ведомстве Императорского Человеколюбивого общества «для деятелей и жертвователей оною, особого знака» [10].

Знак для мужчин представлял собой инициалы Человеколюбивого общества, помещенные под императорской короной, в овале из лавровых и дубовых листьев, перевитых лентой с надписью лиловой эмалью «возлюби ближнего как самого себя». Правом ношения знака пользовались все лица, занимавшие в обществе классные по Табели о рангах должности или принимавшие участие в деятельности общества трудами и пожертвованиями.

Для дам был установлен знак, представлявший собой белый металлический крест с изображением на одной стороне Пресвятой Богородицы и надписью «Всех скорбящих Радость», а на другой — с надписью «Человеколюбие». Знак носился на груди на банте из ленты фиолетового цвета с белыми каймами. Знак для мужчин был трех видов: золоченый — для лиц, состоявших в должностях и званиях не ниже V класса Табели о рангах; серебряный — для всех остальных, состоящих в обществе, кроме членов-благотворителей и соревнователей, и бронзовый — для последних [10]. С 23 декабря 1902 года лица, имевшие генеральские чины по военной службе и не ниже действительного статского советника по гражданской, а также епископат, получили право на ношение золоченого знака независимо от должности или звания в обществе [12].

Этот указ способствовал дальнейшему развитию Императорского Человеколюбивого общества. Общество продолжало принимать в свое ведение новые образовательные учреждения. 19 ноября 1905 г. учреждено Общество попечения о бедных в г. Галиче Костромской губернии. Общество состояло из частных лиц, поставивших своей целью всесторонне заботиться о бедных детях г. Галича, снабжать их всем необходимым, «заботиться как о физическом, так и о нравственном их развитии, для чего устраивать полезные игры, путем чтений распространять в обществе сведения о разумном воспитании детей» [5, с. 5], по мере средств открывать школы. Галичское общество принято в ведение Человеколюбивого общества в 1908 г.

В 1909 г. Советом разрешено Московскому попечительному комитету о бедных открытие «Народной школы генерал-майора Матвея Федоровича Чихачева» в деревне Никифорово Богородского уезда Московской губернии в память о благотворителе, пожертвовавшем комитету в 1841 г. значительное количество ценных земель. Школа рассчитывалась на 100 человек, на ее постройку израсходовано в 7202 рубля 32 копейки, ее содержание оценивалось в 700 рублей в год [4, с. 5; 5, с. 2].

19 ноября 1910 г. Совет утвердил устав Галичского общества попечения о бедных детях, имеющего цель «призывать мало-

летних сирот и детей бедных родителей, приучать их к труду и готовить из них полезных членов общества» [5, с. 2]. Землю под здание приюта в размере 600 квадратных саженей выделила Галичская городская дума с условием возврата в случае закрытия приюта за исключением построек. Пока здание не было построено, дети призывались на квартире. В 1910 г. обучалось четыре мальчика и одна девочка. Их обучали Закону Божию, грамоте, арифметике, а в свободное время дети занимались несложным ремеслом: изготовлением мочальных щеток, плетению из бумаги разных вещей и пр. [5, с. 2–3].

23 декабря 1910 г. в г. Угличе была открыта низшая ремесленная школа, учрежденная для воспитанников Угличского детского приюта Императорского Человеколюбивого общества, с расчетом на детей Угличского и других уездов. Школа рассчитана на 60 воспитанников с интернатом на 10 человек [5, с. 2–3].

В 1914 г. в ведении Императорского Человеколюбивого общества находилось 72 учебно-воспитательных заведения. В их числе 13 начальных училищ и школ для проживающих дома, 59 приютов и другие учебные ремесленные заведения [6, с. 11–12].

12 мая 1917 г. Временное правительство включило Императорское Человеколюбивое общество в состав Министерства общественного призрения. Позднее все средства и имущество Общества были национализированы большевиками.

Таким образом, анализ деятельности Императорского Человеколюбивого общества позволяет нам сегодня познакомиться с историческим опытом успешной организации общественной благотворительности и использовать этот опыт в современных условиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Власов. П. В. Благотворительность и милосердие в России. М.: Центрполиграф, 2001.
2. Всеподданнейший отчет Императорского Человеколюбивого Общества за 1849. г. СПб., Типография Императорской

Академии Наук. 1850.

3. Всеподданнейший отчет Совета Императорского Человеколюбивого Общества за 1908 г. СПб., 1910.

4. Всеподданнейший отчет Совета Императорского Человеколюбивого Общества за 1909 г. СПб. Государственная типография. 1911.

5. Всеподданнейший отчет Совета Императорского Человеколюбивого Общества за 1910 г. СПб. Государственная типография. 1912.

6. Всеподданнейший отчет Совета Императорского Человеколюбивого Общества за 1914 г. Петроград, Государственная типография. 1916.

7. *Климов В. П.* Попечительство над детьми, отдаваемыми Императорским Человеколюбивым Обществом в учение в частные ремесленные мастерские в Санкт-Петербурге. СПб.: Типография Я. И. Либермана, 1889 г.

8. *Лебедев А. Г.* Из истории социальной работы в Калужском крае // Калужская застава. Калуга: Издатель Н. Бочкаревой, 2003.

9. *Лыкошин П. И.* Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России. Т.1. Ч.1. СПб. 1901.

10. Полное собрание законов Российской империи // URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (последнее посещение 10.03.2019).

11. Положение о Девичьих школах Ведомства Императорского Человеколюбивого Общества. СПб., 1846.

12. *Сорокин А. Ю.* Деятельность Императорского Человеколюбивого Общества. 1802–1917 г. // URL: http://legitivist.ru/lib/history/005_a_sorokin_deyatelnost_imperatorskogo_cheloveko.pdf (последнее посещение 10.03.2019).

13. *Тончу Е. А.* Благотворительная Россия. М.: Издательский Дом Тончу, 2005.

Серпенинов В. В.

Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства,
аспирант 1 курса заочного отделения
e-mail: serpeninov@ukr.net

Serpeninov V. V.

Penza State University of Architecture and Construction
1st year. Correspondence department
e-mail: serpeninov@ukr.net

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ
СВЯТЫХ МЕСТ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАРФ И ЦГАМО)**

**STATE POLICY ON HOLY PLACES IN THE MOSCOW
REGION (BASED ON THE MATERIALS OF THE STATE
ARCHIVE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND CENTRAL
STATE ARCHIVE OF THE MOSCOW REGION)**

Аннотация. В последнее время актуальными являются исследования историков о церковно-государственной политике в СССР. Это связано, в первую очередь, с ростом народной заинтересованности Церковью как социальным институтом и рассекречиванием архивных материалов, что дает возможность основательно изучить взаимоотношения Церкви и советского государства. Борьба со «святыми» местами была одной из основных направлений антицерковной кампании в 50–60 гг. XX в. В Московской области в начале 1950 г. таковых насчитывалось большое количество, однако правительство прикладывало максимум усилий для их ликвидации. Невзирая на повсеместное притеснение паломничества как

выражения права верующих на свободу вероисповедания, люди продолжали его осуществлять вопреки запрету местных властей и церковнослужителей, подчас понуждаемых к таковому запрету государством. В статье приводится описание секретных действий чиновников Совета по делам Русской Православной Церкви по отношению к святым местам Московской области, сведения о которых мы находим в архивных актах Уполномоченного совета по Московской области. Мы постарались просмотреть наиболее популярные места паломничества, сделав основной акцент на святых местах, связанных с Троице-Сергиевой Лаврой.

Abstract. Recently, historians' research on church-state policy in the USSR has become relevant. This is primarily due to the growing popular interest in the Church as a social institution and the declassification of archival materials, which makes it possible to thoroughly study the relationship between the Church and the USSR. The fight against «holy places» was one of the main directions of the anti-church campaign in the middle of the 20th century. In the Moscow region there were a large number of such people, but the government made every effort to eliminate them. Despite the widespread oppression of pilgrimage as an expression of the right of believers to freedom of religion, people continued to carry it out despite the prohibition of local authorities and priests, sometimes forced to such a ban by the state. The article describes the secret actions of officials of the Council for the Russian Orthodox Church in relation to the «holy places» of the Moscow region, information about which we find in the archival acts of the Delegate of the Council for the Russian Orthodox Church from the Moscow region. We tried to view the most popular places of pilgrimage, focusing on the shrines associated with the Trinity-Sergius Lavra.

Ключевые слова: Троице-Сергиева Лавра, Совет по делам Русской Православной Церкви, Трушин А. А., Глинковский источник, «святое» место.

Key words: Trinity-Sergius Lavra, Council for the Russian Orthodox Church, Trushin A. A., Glinkovsky spring, «holy place».

После принятия 28 ноября 1958 г. на 193 заседании ЦК КПСС секретного постановления «О мерах по прекращению паломничества к „святым местам“» началась очередная фаза антицерковной политики со стороны государства. К числу святых мест относились источники, поклонные камни и кресты, а также могилы людей, которые слыли в народе праведниками и чудотворцами. Мероприятия по прекращению паломничества к такого рода местам были направлены на прекращение «религиозных предрассудков и суеверий» в сознании и быте советских людей. Власть видела в паломничестве проявление религиозного фанатизма и нарушение общественного порядка [11, с. 148]. Информацию о борьбе с «религиозной пропагандой» в Московской области мы черпаем по большей части из документов Уполномоченного совета по делам Русской Православной Церкви по г. Москве и Московской области, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГАРФ) и Центральном государственном архиве Московской области (далее — ЦГАМО).

Одним из первых противостояний властей с верующим активом явилось Даниловское кладбище, на котором находилась могила известного подвижника благочестия монаха Пантелеимоновского Афонского монастыря Аристоклия. Уполномоченный Совета по Московской области Трушин А. А. в секретной докладной на имя председателя Совета Карпова Г. Г. пишет, что в период Отечественной войны некая бывшая монахиня Екатерина часто появлялась у одного могильного холма на Даниловском кладбище и при сборище групп верующих и посетителей кладбища распространяла слухи о том, что на этом месте похоронен монах Аристоклий, умерший в 1918 г., и что этот монах является святым, так как еще при жизни «он производил „исцеление“ и теперь песок, взятый у этой могилы, „исцеляет“ так же, как „исцелял“ Аристоклий при жизни. Через некоторое время эта могила превратилась в место сборища, а летом 1948 года в одну ночь на месте этой могилы была сооружена ограда

размером 9–12 м², крытая железом, могильный холм был заменен отлитой на цементе плитой, поставлены крест, иконы и подвешена лампада, которая в настоящее время горит день и ночь» [2, л. 9–10].

Далее Трушин А. А. сообщает, что в помещении самой ограды постоянно концентрируются разного рода «юродивые и кликуши», а также находятся лица из числа организаторов этого дела, которые призывают поклоняться монаху Аристоклию и брать с его могилы песок как средство исцеления. Отделение милиции неоднократно разгоняло вышеуказанный контингент, а помещение на кладбище закрывало, однако к желательным для властей результатам такие мероприятия не приводили.

Уполномоченный настаивал на сносе данной кладбищенской постройки как единственном способе борьбы с верующими «поклонниками». «Сообщаю Вам для сведения и полагаю, что незаконно построенное помещение необходимо снести, а также снести эту могилу, которую выдумали и соорудили темные лица с целью своей наживы. На участке этого сооружения коменданту кладбища разрешить производить захорон в общем порядке» [2, л. 10].

Важной составляющей кампании по борьбе со «святыми местами» была ликвидация источников, к которым стекалось значительное количество паломников. Недалеко от Троице-Сергиевой Лавры на окраине г. Загорска находился Глинковский («Громовой») источник, широко почитаемый как братией монастыря, так и верующим народом [10, с. 121].

Местные власти, исполняя предписания вышестоящих органов, старались ликвидировать источник. Так, в начале июля 1950 г. главный и наиболее мощный источник, который функционировал до июня 1950 г., прекратил свое существование после того, как были закончены соответствующие работы по его отводу в русло р. Глинки (Торгоши). Однако, несмотря на лик-

видацию этого источника, ежедневное посещение его людьми продолжалось по-прежнему.

Народ, который почитал данное место, не смирился с отводом русла, а занялся поиском новых ключей у подножия холма. Некоторые попросту набирали воду из р. Торгоши, в которую и был осуществлен отвод.

Член Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Иванов И. в сопровождении Уполномоченного Совета по Московской области 18 июля 1950 г. осуществили посещение данного источника с целью изучения вышеизложенной ситуации. «В день нашего посещения, который совпал с религиозным праздником /Сергиевым днем/ у всех трех источников за водой стояли очереди от 50 до 100 человек, преимущественно женщины, среди которых было несколько молодых девушек и детей школьного возраста. Ожидавшая очередь пела церковные песнопения. Несмотря на то, что время было около 4 час. вечера по всей дороге от Загорска до источника группами и в одиночку в обе стороны шел народ, т. е. к источнику шли с пустой посудой, а от источника наполненной водой. Кроме этого, по всему берегу реки отдыхали группы лиц уже с наполненной посудой, а около источников купались одиночки» [1, л. 112].

В 1952 г. Трушин А. А. вновь посещал Глинковский источник на предмет сбора информации для дальнейшей его ликвидации. Необходимо отметить, что в 1952 г. территория источника была передана местной воинской части, чтобы подход к воде был невозможен со стороны многочисленных паломников. «Вся территория правого и левого берега реки Торгоши, где находились источники до 7 апреля 1952 года, была передана близ расположенной воинской части, которая заградила ее сплошным тесовым забором, периметр которой растянулся на несколько километров... После отчуждения данной территории часть людей, не освободившаяся от религиозных суеверий, продолжала посещать источник, но видя, что территория,

на которой он находится, загорожена забором, в основном удалялась обратно, а некоторые из них уходили за забор, вверх по течению реки с целью изыскания новых источников. Были случаи, когда одиночкам удавалось проникнуть на загороженную территорию, но последние задерживались охраной и через командование части удалялись» [3, л. 30].

Вскоре верующим удалось сверху над устьем р. Торгоши обнаружить еще несколько источников, расположенных в 100–200 м от забора, так что процесс паломничества продолжался, как и прежде.

«Вся процедура питья воды, набора ее в приносимую посуду, а также купанье в реке Торгоше (несмотря на низкую температуру воды) происходила в ярко выраженной религиозной обстановке, сопровождаясь чтением молитв и пением. По правому и левому берегу реки сидели группы лиц уже с наполненной посудой и почти везде можно было слышать рассказы, кто и от каких болезней „вылечился“ этой водой», — так описывал Уполномоченный Трушин А. А. состояние источника в день Троицы 8 июня 1952 года [3, л. 31].

Уполномоченный ежегодно посещал данный источник и характеризовал его состояние. В 1954 г. Трушин А. докладывал в Совет о том, что посещение источника продолжается непрерывным потоком в течение почти всего дня в религиозные праздники, из чего можно сделать вывод, что за день его посещало около 3–4 тысяч людей. Основная масса посетителей являлись приезжими не только из Москвы и района, но и из других областей. Кроме простых паломников к источнику приезжали также ведомственные автомашины [4, л. 39]. Член ЦК КПСС Черненко вспоминал: «Вот мы с Трушиным были у источника, а директор совхоза приехал за водичкой, его теща прислала. Если директор совхоза делает такие вещи, что говорить вообще о воспитании. Если бы ставили остро вопросы, то директор нашел бы свое место» [6, л. 148]. Посещение святых мест самими партработниками было достаточно распространенным явлением в те времена.

Важно отметить отношение Московской Патриархии к процессу массового паломничества к «святым местам». Святейший Патриарх Алексей (Симанский) был вынужден прислушиваться к решениям Совета по делам Русской Православной Церкви, непосредственной задачей которого в исследуемый нами период была ликвидация таких мест. Из беседы Карпова с Патриархом Алексием, которая состоялась 28 июля 1954 г., узнаем, что касательно жалобы со стороны Совета на действия епископа Леонида (Полякова) Патриарх посчитал действия последнего неправильными. Дело было в том, что «во время службы епископ обратился к верующим и рассказал о своем пребывании в Иерусалиме, о святых источниках там, и упомянул об источнике в с. Алексеевском, и этим самым сделал ненужное напоминание об источнике, что может способствовать активизации посещения его верующими» [4, л. 52].

Вышеупомянутое «святое место» в Алексеевском также являлось одним из массовых центров паломничества в Москве. Там существовал колодец, доступ к которому в 50-х годах в связи со строительством жилых домов был закрыт. Однако летом 1958 г. «при попустительстве администрации кладбища неизвестными лицами были вырыты три колодца на территории кладбища, которые посещались отдельными верующими» [8, л. 158]. Уполномоченный настаивал на том, чтобы колодец был засыпан.

Подобного рода вопросы решались членами Совета с помощью Патриарха и других иерархов Русской Церкви потому, что, согласно внутренней инструкции о выполнении Постановления ЦК КПСС о мерах борьбы с паломничеством к «святым местам», «для закрытия „святых“ мест и прекращения паломничества к ним надо использовать духовенство. Оно должно разъяснять и рекомендовать верующим, чтобы они прекратили паломничество. Мы должны потребовать от духовенства, чтобы оно соблюдало советские законы» [6, л. 55]. Святейший вынужден был лавировать между интересами Церкви

и атеистической политикой страны, что было крайне сложно в 50–60 гг. XX в.

Нужно отметить и то, что в выписке из протокола № 2 193 заседания Президиума ЦК КПСС прямо говорилось: «Московский обком и Загорский горком партии в целях закрытия „святого“ источника, расположенного у села Глинково Загорского района, провели среди населения района умелую агитационно-пропагандистскую работу, убедительно показали трудящимся ложь и обман пропаганды церковников и различных проходимцев „о святости“ и „целебности“ указанного источника. В результате этого население района высказалось за то, чтобы источник был закрыт. Опираясь на поддержку населения района, исполком Загорского райсовета принял решение о передаче земельного участка, где находился источник, для строительства пионерского лагеря» [10, с. 128]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что значение самой Троице-Сергиевой Лавры и находящегося в ее близи целебного источника для Московского региона было столь велико, что данные объекты являлись одними из первоочередных и важнейших очагов борьбы со стороны атеистически настроенного Правительства.

Еще одним из святых мест Московской области являлся святой колодец в с. Гридино-Шувое в Егорьевском районе. Точной информации, с какого времени он там существует, узнать достоверно не удастся, однако часовня над ним была сооружена в 1954 г. Само село расположено в 15 км от г. Егорьевска. Из доклада Уполномоченного Трушина А. А. о выезде на святое место узнаем подробное его описание: «На окраине этого села по склону местной речки имеется несколько родников. В одном месте вырыто три неглубоких колодца. Около двух на них поставлены большие кресты, на которых подвешены лампы. На третьем построена надкладезная деревянная часовня 8–9 м². Помещение часовни оборудовано по типу действующей церкви. Около часовни поставлены скамейки, подходы к ней благоустроены... В часовне, которая не закрывается, было об-

наружено небольшое количество свечей, несколько бутылок с гарным маслом и 3,90 руб. <...> Наши собеседники явно уклонялись от поставленных вопросов и отвечали: „Мы туда не ходим и ничего об этом сказать не можем“» [5, л. 60–61].

Трушин в итоге настаивает на ликвидации часовни и закрытии самого источника, делая вывод, что посещение местным населением данного «святого места» является массовым. Нужно отметить, что данное решение со стороны Уполномоченного является нарушением внутренней нормативно-правовой базы центрального органа власти. Так, член Совета по делам Русской Православной Церкви Сивенков И. И., выступая на инструктивном совещании Уполномоченных Совета 20 января 1959 г. в Москве говорил, что «работа по прекращению паломничества и закрытию так называемых „святых“ мест должна проводиться с одобрения местного населения» [6, л. 55].

На территории Московского региона также существовал еще один центр паломничества — «святое озеро» в поселке Косино Ухтомского района, где 3 июля в день памяти Моденской (Косинской) иконы Богородицы собиралась масса верующих [7, л. 44]. В секретном донесении Карпову от 15.12.1958 Трушин А. пишет, что в целях прекращения паломничества и закрытия так называемых святых мест, находящихся на территории Москвы и Московской области, проведено и намечено провести следующие мероприятия:

«1. Издано постановление МК КПСС от 27. XII. 1958 г. «О мерах по прекращению паломничества к т. н. „святым местам“», которое разослано во все районные и городские комитеты партии.

2. По т. н. „святому озеру“ в поселке Косино Ухтомского района, где проходит ежегодный сбор 3 июля:

а) дано указание Ухтомскому ГК КПСС и райсовету к лету 1959 г. организовать на данном озере ферму водоплавающей птицы;

б) в конце мая 1959 г. переговорить с митрополитом Никола-

ем (Ярушевичем. — С. В.) по вопросу дачи указаний настоятелю церкви села Наташино не совершать накануне в этот день церковных служб в данной церкви, о чем заблаговременно они должны поставить в известность верующих;

в) переговорить с настоятелем церкви села Наташино священником Турбиным, чтобы он в течение июня провел необходимые разъяснения верующим в разрезе письма патриарха от января 1950 г., что паломничество к местам, не почитаемым церковью, не должно иметь место;

г) накануне сборища на озере, договориться с УВД Моссовета об административном задержании юродствующего Петрушина (Витю), который ежегодно бывает на этом сборище и привлекает к себе большое внимание паломников.

3. По т. н. „святым колодцам“ в селе Гридино-Шувое Егорьевского района:

а) по заданию МК КПСС редакция газеты „Ленинское знамя“ за 30. XII. 58 г. поместила статью „Кресты на колодцах“, разоблачающую обман пропаганды проходимцев о „святости и целебности“ указанных колодцев;

б) опираясь на поддержку некоторой части населения, исполком Егорьевского райсовета произвел снос незаконно выстроенной часовни и крестов на колодцах;

в) решением МК КПСС обязал Егорьевский ГК КПСС и первичные партийные организации путем проведения широкой массово-политической и научно-атеистической пропаганды среди трудящихся, на основании методов убеждения добиться прекращения паломничества к этим колодцам» [7, л. 40–41].

Исходя из вышесказанного, мы находим подтверждения того, что всеми правдами и неправдами (число которых было весьма значительным) Правительство добивалось ликвидации мест паломничества, уничтожая сами часовни либо передавая водоемы в ведение совхозам.

Однако не все задумки удавалось воплотить госчиновникам в жизнь. Человеческий фактор играл большую роль. Так, Упол-

номоченному по Московской области Трушину А. А. не всегда удавалось выполнять задания Совета, который неоднократно оставался неудовлетворенным работой своего Уполномоченного. Трушина обвиняли в халатном отношении к выполнению решения Президиума ЦК КПСС о необходимости проведения работы по прекращению паломничества к «святым местам». Так, например, он не проследил за тем, чтобы духовенство церкви в с. Наташино Ухтомского района Московской области постоянно разъясняло верующим о недопустимости паломничества к «святому озеру», расположенному недалеко от церкви. «Мероприятия церковников выразились только в том, что 2 и 3 июля в церкви с. Наташино не проводилось церковной службы и было вывешено объявление, вызвавшее недоумение у верующих. Объявление гласило: „В связи с болезнью священнослужителей 2 и 3 июля службы в церкви проводиться не будут“. Непонятно для чего был нужен этот грубый обман в то время, когда священники должны были прямо заявить верующим, что... церковь не может поощрять паломничества к „святому озеру“. В результате к началу предполагаемого богослужения около церкви образовалась толпа верующих в 600–700 человек. В 12–13 часов дня около церкви осталось человек 200, которые расставили на ограде церкви маленькие иконки и молились. В селе Гридино-Шувое Егорьевского района в конце 1958 г. незаконно выстроенная часовня была снесена. Однако наблюдения за этим местом не было, в результате чего паломники вновь поставили крест, на который привесили лампаду с запасом гарного масла. Расставили иконки, занесли туда посуду для набирания воды из колодцев и обливания ею. Установлено, что паломничество к этому месту продолжается» [7, л. 63–64].

В июле 1959 г. в канун празднования Косинской иконы Богородицы в связи с тем, что переданное озеро еще не освоено было совхозом, на подступах к нему были вывешены объявления: «Ввиду с проводимыми работами и карантинном в совхозе, вход на территорию, принадлежащую совхозу, посторонним

лицам воспрещен» [7, л. 69]. Для наблюдения за порядком 3 июля на основных подступах к озеру были выставлены милицейские посты.

Обычно в этот день сбор верующих начинался примерно в 10 часов утра, а основная масса прибывала к двум часам дня из церкви с. Наташино, где в этот день обычно служил архиепископ Макарий (Даев). «Собравшись на озере, верующие располагались группами по одному берегу, в которых „руководители“ читали псалтирь, историю „святого озера“, хором пели церковные песнопения, а отдельные из них стояли на коленях и молились богу. Некоторые присутствующие, невзирая на различие пола, раздевались догола и тут же в толпе, с целью исцеления, обливались водой, которую на берег доставляли подростки на трех лодках и одном плоту, так как озеро имеет заболоченные береги, подойти нет возможности. Купающихся не было. При уходе домой большинство посетителей брали воду в посуду» [8, л. 93].

1 апреля 1959 г. Трушин А. А. в своем донесении Совету сообщает о том, что на территории Троице-Сергиевой Лавры имеется старинная надкладезная часовня, где при открытии монастыря вновь возрожден «святой колодец», который также используется для распространения «суеверий, разжигания фанатизма и извлечения у верующих денежных средств» [9, л. 35]. В частности, Уполномоченный сообщал, что «лаврская часовня „святого колодца“ открыта с раннего утра и до позднего вечера. Вода этого источника слывет среди верующих такой же „святой“, как и в любом другом „святом месте“, организованном кликушами, юродствующими и другими сомнительными лицами» [7, л. 43]. Также Трушин А. сообщает, что после служб к часовне выстраивается большая очередь из верующих, чтобы набрать воды, и в этой связи целесообразно обратиться к Патриарху, чтобы последний закрыл это «святое место» на территории Лавры.

На Немецком (Введенском) кладбище Москвы находилась

могила барона Кноппа с памятником в виде статуи Христа Спасителя. Данное место также являлось местом массового паломничества москвичей. Изящно изготовленная скульптура Спасителя привлекала к себе много зрителей, а среди верующих слыла как «чудотворная икона, исцеляющая все болезни и помогающая при беде и горе».

«Около этого памятника постоянно концентрировалось заштатное духовенство, разного рода юродивые и кликуши, которые призывали паломников поклоняться „спасителю“. Особо суеверные приносили денежные пожертвования, прикладывались к скульптуре, брали землю и клали свои записки, в которых просили исцелить их от той или другой болезни, помочь освободить из заключения родных и т. д. Среди паломников были дети школьного возраста, юноши и девушки высших учебных заведений, которые просили помощи в учебе и хороших успехов в сдаче экзаменов. В этом же году /1948/ по указанию Моссовета Управление треста похоронного обслуживания забило скульптуру тесом, а снаружи написало „закрыто на ремонт“» [8, л. 156]. Закрытие скульптуры не привело к желательным результатам, так как паломничество не прекратилось, а отдельные верующие писали заявления в разные инстанции с требованием о ее открытии. Приведем выдержки из писем верующих. «Когда смотришь на забитую могилу, кажется Господь наш находится в заточении, а поэтому просим открыть нашу исцелительницу», «Откройте двери нашему Спасителю и выпустите его на свободу из этой темницы» [8, л. 155–156]. Вышеуказанные письма были написаны Кукушкиной А. Я. и Леоновой Е. Е. соответственно.

В 1949 г. по указанию Моссовета скульптура Спасителя была снята и увезена с Немецкого кладбища (на данный момент она находится в Церковно-археологическом кабинете Московской духовной академии). На этом месте осталась большая часовня и каменная ограда. Верующие снова собирались небольшими группами для общей молитвы.

Мероприятия подобного рода совсем не устраивали местные власти, и было принято решение о ликвидации вышеуказанного «святого места». Однако Уполномоченный Трушин А. А. докладывал в Совет: «Часовня на Введенском кладбище, где похоронен барон Кноп, в настоящее время покрашена, сняты ступеньки и закрыт в ограде проход к месту, где ранее находилась икона. К этому месту нет свободного доступа граждан. Поэтому Управление считает, что ломать и сносить это сооружение нет никакой необходимости» [7, л. 46].

Подводя итог, необходимо сказать, что борьба с разного рода «религиозными предрассудками» являлась частью антицерковной политики партии. «Святые места» были важным объектом этой борьбы. Верующие люди, невзирая на разного рода запреты и ликвидацию центров массового паломничества, находили возможность посещать их, реализуя свое право на исповедание веры. Кроме того, «святые места» Подмоскovie часто тайным образом посещались самими партийными работниками, о чем свидетельствовалось в нашей работе. В итоге не удалось партийному антицерковному активу ликвидировать любовь и почитание верующего народа к «святым местам», невзирая на все запреты и частые преследования со стороны правоохранительных органов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Главный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р.6991. Оп. 1. Д. 646.
2. ГАРФ. Ф. Р.6991. Оп. 1. Д. 496.
3. ГАРФ. Ф. Р.6991. Оп. 1. Д. 904.
4. ГАРФ. Ф. Р.6991. Оп. 1. Д. 1145.
5. ГАРФ. Ф. Р.6991. Оп. 1. Д. 1567.
6. ГАРФ. Ф. Р.6991. Оп. 1. Д. 1646.
7. ГАРФ. Ф. Р.6991. Оп. 1. Д. 1672.

8. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 44.

9. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 47.

10. «Добиться закрытия так называемых „святых мест“. Церковь под контролем» // Источники. Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1997. № 4. С. 120–129.

11. *Гераськин Ю. В.* Борьба со «святыми источниками» в Рязанской области (1948–1970 гг.) // Вопросы истории. № 3. 2008. С. 148–153.

УДК 930.23

Серпенинов В. В.

Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства,
аспирант 1 курса заочного отделения
e-mail: serpeninov@ukr.net

Serpeninov V. V.

Penza State University of Architecture and Construction
1st year. Correspondence department
e-mail: serpeninov@ukr.net

**ИЗ ИСТОРИИ СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ
ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД»)**

**FROM THE HISTORY OF THE HOLY TRINITY-ST. SERGIUS
LAVRA OF THE POST-WAR PERIOD (BASED ON THE
MATERIALS OF THE NEWSPAPER «VPERED»)**

Аннотация. История России XX в. неотъемлемо связана с историей взаимоотношений советского государства с Русской Православной Церковью. Страна с атеистической идеологией априори не могла мириться с церковными воззрениями. Однако спустя определенный промежуток времени вынуждена была признать Церковь как важный инструмент по влиянию на общественные массы. Для борьбы с церковниками советская власть использовала любые методы и способы. Общераспространенной являлась пропаганда через средства массовой информации. Свято-Троицкая Сергиева Лавра являлась не только памятником архитектуры всесоюзного масштаба, но и центром всякого рода «религиозных предрассудков». В г. Загорске, где находилась Лавра, действовал местный орган печати, газета «Вперед». Для зна-

комства с выпусками данной газетой был использован Архив Сергиево-Посадского муниципального района (Ф. 191). С помощью историко-хронологического и историко-сравнительного методов проводится анализ публикаций данного издания с целью прослеживания антицерковной политики партии в г. Загорске Московской области на примере Троице-Сергиевой Лавры. Данная газета также является важным источником для изучения историографии Лавры. В ряде публикаций затрагиваются вопросы деятельности Загорского историко-художественного музея-заповедника, который находился на территории монастыря. Значительная часть заметок и статей посвящены теме реставрации историко-архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой Лавры. Во времена проведения церковной политики при Хрущеве Н. С. и Брежнев Л. И. газета «Вперед» являлась средством антирелигиозной пропаганды. Анализ публикаций данной газеты позволяет глубже изучить историю Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в XX в.

Abstract. The history of Russia of the 20th century is inherently connected with the history of the relations between the USSR and the Russian Orthodox Church. The country with an atheistic ideology a priori could not put up with church views. However, after a certain period of time, she was forced to recognize the Church as an important tool for influencing the public masses. The Soviet authorities used any methods and methods to fight against the churchmen. Propaganda through the mass media was widespread. The Holy Trinity-St. Sergius Lavra was not only an architectural monument of the All-Union scale, but also a center of all kinds of «religious prejudices». In Zagorsk, where the Lavra was located, there was a local press organ, the newspaper «Vpered». To get acquainted with the issues of this newspaper, the Archive of the Sergiev Posad Municipal District was used. With the help of historical-chronological and historical-comparative methods, the analysis of the publications of this publication is carried out in order to trace the anti-church policy of the party in Zagorsk, Moscow region, on the example of the Trinity-Sergius Lavra. This newspaper is also an important source for studying the historiography of the Lavra. A number of publications address the issues of the activities of the Zagorsk State History and Art Museum-Preserve, which was located on the territory of the monastery. A significant part of the notes and articles are devoted to the restoration

of the historical and architectural ensemble of the Trinity-Sergius Lavra. At the time of the church policy under N. S. Khrushchev and L. I. Brezhnev, the newspaper «Vpered» was a direct means of anti-religious propaganda. The analysis of the publications of this newspaper allows us to study more deeply the history of the Holy Trinity-St. Sergius Lavra in the 20th century.

Ключевые слова: Троице-Сергиева Лавра, СТСЛ, газета «Вперед», Загорск, Загорский государственный музей-заповедник.

Key words: The Holy Trinity-St. Sergius Lavra, STSL, the newspaper «Vpered», Zagorsk, the Zagorsk State History and Art Museum-Preserve.

Свято-Троицкая Сергиева Лавра (СТСЛ) является главным монастырем Русской Православной Церкви и располагается в 70 км от Москвы в г. Сергиев Посад. Сама обитель была основана в XIV в. преподобным Сергием Радонежским, видным церковным и государственным деятелем своего времени. Первые насельники этого монастыря жили по уставу (регламенту) древних палестинских лавр. В 1355 г. его посетил Константинопольский Патриарх Филофей (Коккин), который и разрешил ввести в монастыре новый общежительный устав, тем самым признав данную обитель среди прочих, благословленных Вселенской Церковью [26, с. 559].

Наименование Лавры появилось лишь в XVIII в., когда 8 июля 1742 г. вышел указ императрицы Елизаветы Петровны о присвоении Сергиеву ставропигиальному монастырю этого высокого титула [25, с. 199]. С приходом к власти советского правительства начинается повсеместная борьба со всякого рода «религиозными предрассудками», а также ведется целеустремленная политика по закрытию и последующему уничтожению храмов и монастырей. Троице-Сергиева Лавра, как один из главных оплотов Православия в России, подвергалась нападкам со стороны властей буквально с самого начала проведения кампании по борьбе с Церковью. В 1918 г. был издан декрет «Об отделении церкви от

государства и школы от церкви», согласно которому де-юре все монашеские обители должны были прекратить свою духовную деятельность и де-факто превратиться в производственные коммуны (артели). Велась активная пропаганда атеизма, регламентированная в вышеуказанном Ленинском декрете. «Атеистическое воспитание трудящихся как важнейшее субъективное условие преодоления религии должно выступать во всеоружии знаний всех современных достижений научного атеизма» [18, с. 4]. Таким образом, 10.11.1919 является датой официального прекращения деятельности Лавры в качестве монастыря. В 1920 г. за подписью Ленина В. И. вышел декрет Совета народных комиссаров «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевой лавры» [21, с. 40]. Данное решение являлось лучшим со стороны властей, что в итоге смогло уберечь саму обитель от надругательства над ее храмами и святынями. Таким образом, художественно-архитектурный комплекс Троице-Сергиевой Лавры явился по мнению исследователя Корнилова П. «лучшим детищем революции», так как удалось спасти бесценные произведения искусства и архитектуры от расхищения и глумления со стороны атеистов [20, с. 232].

История Свято-Троицкой Сергиевой Лавры как действующего монастыря Русской Православной Церкви в новейший период берет свое начало с 1946 г., когда вновь возобновилась монашеская и богослужebная жизнь в древней обители [24, с. 79]. Нельзя не отметить значительный вклад Патриарха Алексия I в дело передачи СТСЛ в ведение Московской Патриархии. Вот что Святейший говорил об этом событии: «С чувством особого умиления восприняли мы весть о восстановлении Богослужения в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Радость великого Праздника Воскресения Христова ныне усугубляется для нас радостью этого светлого Лаврского торжества» [19, с. 158].

С передачей Лавры возникала и масса других проблем для Патриархии, так как кроме устройства на ее территории Загорского музея-заповедника здесь располагались некоторые жилые здания, принадлежавшие обычным горожанам. Жильцы зачастую бесцеремонно вели себя в Троице-Сергиевой Лавре, а когда дело

доходило до переезда из стен обители, то они просто начинали вредительство. Протопресвитер Владимир Диваков, очевидец тех событий, так вспоминает об этом: «Народ выселялся, а сотрудники музея сразу же занимали это помещение. Когда выселяли людей, Лавра строила новые корпуса, вкладывала огромные деньги. Были случаи, когда недобросовестные жильцы при переездах заключали фиктивные браки, чтобы получать дополнительную площадь. Кто-то женился, кто-то разводился. Одним словом, Лавре пришлось вкладывать много дополнительных средств, чтобы выселить в конечном итоге всех жильцов. Первые монахи жили на квартирах. Знаю, что когда выселяли первых жильцов из бывших братских корпусов, то Лавра покупала этим людям целые дома за очень большие деньги... Жильцы когда уходили — все старались поломать, покурочить» [2].

Что касается церковной политики советского государства в целом, то необходимо отметить, что она периодически изменялась. Историки Шкаровский М. В., Маслова И. И., Васильева О. Ю. и протоиерей А. Н. Марченко проводят определенную градацию церковно-государственных отношений в СССР. Так, политика довоенной агрессии изменилась на политику послевоенной «оттепели» при Сталине И. В., однако с приходом к власти Хрущева Н. С. вновь начались притеснения и гонения на Церковь со стороны большевиков. В качестве действенного инструмента, помимо всего прочего, власти активно использовали средства массовой информации.

В послевоенный период Загорск (название г. Сергиев Посад с 1930 по 1991 гг.) являлся административным центром Загорского района, городом областного подчинения. При Загорском райисполкоме издавалась газета «Вперед» — печатный орган Загорского ГК и РК ВКП(б) городского и районного Советов депутатов трудящихся. На ее страницах публиковались все самые значимые события города и района. В том числе со страниц данной газеты велась определенная просветительская работа, касающаяся вопросов религии и святых мест, находящихся на территории района. В данной статье мы попробуем проследить политику партии и деятельность местных органов управления, пропаганду

среди местного населения (читателей) по отношению к Троице-Сергиевой Лавре, а также рассмотрим этот печатный орган в качестве источника по изучению истории СТСЛ в послевоенный период (1946–1970).

С официальной позицией местных властей мы имеем возможность познакомиться, проанализировав протоколы сессий Загорского городского Совета депутатов трудящихся. Так, к примеру, на заседании 20-й Сессии под председательством депутата Добронравова слушали доклад «О мероприятиях по развитию культурно-просветительской работы на осенне-зимний период 1949–1950 гг.», на котором выступала сотрудник Загорского музея-заповедника Курбатов А. М., депутат избирательного округа № 87, в который входила Лавра. Она, в частности, заявляла, что «у нас в городе есть музей и всем известно, что сосед музея (Лавра. — автор) — плохой... Есть у нас в городе общество по распространению культурных знаний. Оно должно вести разъяснительную работу среди населения. Это общество — большая сила в этом отношении. Проводить агитацию и пропаганду на предприятиях — основная задача» [1, л. 28]. Вышеуказанное выражение по отношению к Лавре было далеко не единственным, буквально на каждой сессии райсовета звучали с трибуны нелестные слова в сторону монахов и Сергиевой Лавры. Таким образом, понимаем, что отношение местных властей было вовсе не благосклонным по отношению к СТСЛ и ее насельникам.

В первые послевоенные годы, когда церковная политика партии становилась более лояльной, то в газете «Вперед» едва ли можно встретить антицерковную пропаганду. В ряде выпусков мы встречаем информацию о фактическом состоянии Лавры в этот период, что является немаловажной составляющей историографии СТСЛ XX в. Так, в 1946 г. на адрес редакции поступило письмо от местных жильцов, проживавших на территории Лавры. Граждане жаловались на поведение, вернее на определенное бездействие со стороны «хозяев», которым принадлежит домоуправление Загорского музея-заповедника. Вот так жители характеризуют состояние помещений на территории лаврских корпусов: «Места общественного пользования таких больших корпусов, как корпус № 1

и 2, забиты (в первом корпусе — два месяца, а во втором — два года). Сейчас во втором корпусе канализацию исправили, пустили воду — жильцы радовались, но обрушился давно сгнивший потолок, и комната общего пользования по-прежнему закрыта.

Обрушилась часть стены около трапезной, а с ней на головы жильцов 2-го корпуса обрушилась новая беда: к их окнам перенесли помойную яму, куда сливают нечистоты из близстоящих домов... Комендант музея т. Бажанов отделяется обещаниями, ссылаясь на то, что под окном самого директора музея также воздвигнута помойка» [7, с. 3]. Из вышеуказанного видно, в каком плачевном состоянии находились лаврские помещения, в которых проживала часть местного населения.

Важной с точки зрения историографии СТСЛ также является часть материалов газеты, касающихся процесса проведения реставрационных работ на территории лаврского историко-архитектурного комплекса. Известно, что данные работы постепенно возобновлялись после окончания Великой Отечественной войны, и достигли значительных масштабов лишь в 1954 г. [22, с. 81–82]. О высоком уровне проведения реставрационно-восстановительных работ в СТСЛ свидетельствует тот факт, что рабочую комиссию возглавлял Грабарь И. Э., выдающийся деятель искусств, народный художник СССР, академик Академии наук и Академии художеств СССР. Так, со страниц данной газеты мы узнаем о том, что решением ЦК ВКП(б) и постановлением СНК СССР от 5 февраля 1945 г. в Загорске на территории СТСЛ было открыто художественное ремесленное училище № 59, в котором обучалось 120 студентов [17, с. 3]. Училище в основном проводило работы по реставрации архитектурных памятников Лавры. «Недавно учащиеся из группы каменщиков и белокаменщиков (преподаватели Бугров и Киселев, Багулин) восстановили разрушившийся цоколь Успенских ворот, а теперь ведут работы по реставрации восточной крепостной стены. Здесь они подвели белокаменный цоколь, выкладывают арки и амбразуры <...> Группа девушек-лепщиц... работает над изучением растительного и животного орнамента... Большие реставрационные работы предстоят группе учеников-живописцев (преподаватели Митин,

Балдин)... Эта группа скоро начнет реставрировать фресковую живопись здания Трапезной» [8, с. 4]. Почти с первых же дней учебы белокаменщики стали работать над реставрацией главных (Святых) ворот Лавры, цоколя колокольни, а также Духовского храма [10, с. 3]. В следующем номере газеты «Вперед» научный сотрудник Загорского музея-заповедника в отдельной рубрике продолжила тему реставрационных работ в СТСЛ. Специальная статья была посвящена систематической реставрации древнерусской живописи. Автор указывал о продолжении реставрации живописи XV в. из иконостаса Троицкого собора. «Большой научный и художественный интерес представляет намеченная в этом году расчистка иконы „Снятие со креста“ и трех икон с изображением пророков» [13, с. 5]. Вышеуказанные произведения искусства были выполнены первоклассными художниками-учениками и современниками величайшего мастера русской иконописи Андрея Рублева. Продолжая тему, автор отмечает, что в ближайшее время намечается реставрация ряда интересных произведений живописи XVII века — портрет Петра Великого, царицы Прасковьи Федоровны (вдовы Ивана Алексеевича, соправителя Петра I) и Екатерины II. Нужно отметить, что последний портрет принадлежал кисти известного художника XVIII в. — Антропова А. П., подписанных произведений которого сохранилось незначительное количество [23, с. 89]. Также Загорским музеем реставрировались памятники древнего шитья. «Ведется кропотливая работа по закреплению драгоценной ткани (камки) — покрова, сделанного по приказу Василия III в 1525 г., и укрепление жемчуга на подвесной пелене Бориса Годунова» [13, с. 5]. В одном из октябрьских номеров газеты 1946 г. была опубликована краткая заметка о реставрации древних фресок в куполе Троицкого собора Лавры. Известно, что изначально этот храм расписал сам Андрей Рублев. В куполе собора сохранились грунты его работ. «Работу ведет художник-реставратор Ф. А. Модоров. Он впервые при работах по реставрации живописи применяет сжигание первоначальных слоев красок паяльной лампой. Этот способ, изобретенный Модоровым, дает хорошие результаты» [15, с. 4].

В 1947 г. публикации газеты «Вперед», касающиеся Троице-Сергиевой Лавры, также не носили характера антирелигиозной

пропаганды. Значительное количество статей и заметок было посвящено празднованию 800-летия Москвы (14.04.1947). В этой связи читателю предлагалось вновь напомнить себе об истории России, а в частности о роли Лавры как форпоста государственности Руси, посредством сплоченности княжеств вокруг ее центра. Со страниц газет мы узнаем о том, что Загорским музеем-заповедником к памятной дате был подготовлен к изданию ряд работ, проливающих свет на ту или иную область из истории развития столицы. Работниками музея был подготовлен альбом репродукций под названием «Произведения Андрея Рублева и его современников в Загорском музее». Нужно отметить вступительную статью Грабаря И. Э. к этому альбому, где он в частности говорит, что «В Троице-Сергиевой лавре впервые были проложены пути нового русского зодчества, здесь же совершился знаменательный перелом в древнерусской живописи и были явлены миру ее наиболее совершенные создания, ибо здесь жил, трудился и творил непревзойденный художник древней Руси Андрей Рублев. Это первый художник, который стремился к реализму в искусстве» [6, с. 2]. Также в музее-заповеднике была открыта новая экспозиция, посвященная осаде Лавры в начале XVII в. [16, с. 4].

В № 60 газеты «Вперед» была открыта серия очерков по истории Загорска и СТСЛ, неразрывно связанных с историей Москвы. В вышеуказанном номере была опубликована статья старшего научного сотрудника музея-заповедника Курбатовой А. М. об истории Лавры как одной из древних подмосковных крепостей. Данная статья дает оценку СТСЛ с точки зрения ее местоположения в качестве оборонительной структуры, дается описание боевого оснащения лаврских стен. «Крепость с восточной и отчасти с северной стороны была окружена рвом, а южная и западные стороны и так были неприступны, благодаря скатам и оврагам. Глубина рва была около 4,5 м, ширина около 9,3 м. Мост через ров был деревянный на каменных сводах... Крепость была надежной преградой на одном из подступов к Москве» [11, с. 3]. В последующей своей статье автор уже дает историческую справку о героической обороне Лавры от польско-литовских интервентов. В конце Курбатова все-таки отмечает, что «значение крепости

Троице-Сергиева монастыря с XVIII в. постепенно утрачивалось. Стены, неоднократно подвергавшиеся вражеским бомбардировкам, остались ярким свидетелем героических дел русских людей, грудью отстаивавших пути-дороги к сердцу государства — г. Москве» [12, с. 2].

На протяжении некоторого периода времени (1948–1954 гг.) стиль и слог публикаций в газете особым образом не менялся, однако нужно отметить, что с приходом к власти Хрущева Н. С. и Брежнева Л. И. все чаще появлялись антирелигиозные рубрики «Безбожник», «Свет против тьмы», «Заметки атеиста» и т. п. Все чаще звучат речи о «размывании религиозной идеологии». В этот период был организован Загорский университет марксизма-ленинизма, при котором действовал двухгодичный курс на факультете научного атеизма. На нем обучалось порядка 40 слушателей [9, с. 5].

Проанализировав публикации газеты с 1946 по 1970 гг., приходим к выводу, что самая активная пропаганда против Церкви, Лавры и Московской духовной академии, расположенной в стенах СТСЛ, приходится на 1964–1965 гг.

Так, в статье «Требуют молчать» автор приводит ряд писем жителей Загорска о «дурном» влиянии Лавры на местное население и на студентов, находящихся в ее стенах. Приводится стихотворение местного поэта Федюнина «Какая грязь! Бр-рр!», начинающееся словами «Печать вспорола в лавре грязь и мрак...» [14, с. 4]. Автор также публикует письмо Данилевской А. И. В последнем она жалуется на поведение студента духовной академии, который одолжил у нее определенную сумму денег, но, обманув, не вернул. Автор письма в редакцию также обвиняла студентов Денисюка и Ильинского в аморальном поведении. «Все я узнала, нет веры в бога у меня. Приеду, расскажу верующим и священникам скажу: „Неправду говорите про то, что в Загорске святые. Нет там ничего кроме грязи и лжи“» [14, с. 5]. Однако важным является тот факт, что газета (в своих целях) в том числе печатала ответные письма верующих людей на вышеуказанную корреспонденцию. В одном из таковых читаем: «Нас, всех верующих, очень возмутило, что вы, не узнав правды и не проверив ее, начали чернить хороших

людей... за ложное доказательство вы будете отвечать перед высшим судом» [14, с. 5]. Некоторые письма отличались повышенной тональностью. Так, некий защитник Лавры и ее насельников, не выдержав накала публикаций, резко выразился в адрес автора: «Ты слишком распустила язык. Как смеешь писать такие гадости о лавре и ее жителях... Ведь мы отделены от вас законом. Мы не трогаем вас — вы не трогайте нас» [14, с. 5]. Вероятно, данное письмо написал насельник монастыря либо рабочий обители. Находим и следующее: «За 28-е с. г. снова „кляуза“ на лавру в вашей газете. Озлобляете. Главное, ни одного факта о безнравственности монахов. С уважением инок лавры, фронтовик, орденносец. Но как грязно у вас работают. Бр-рр» [14, с. 5].

Необходимо отметить, что данная статья внесла определенный ажиотаж в жизнь Загорска, чему свидетелем является значительная корреспонденция, поступавшая в редакцию газеты. Однако автор самой статьи, безусловно, преследовал цель дискриминировать Лавру, ее насельников и студентов духовной школы. В свою очередь важной является публикация писем самих верующих, в том числе монахов СТСЛ. Они, безусловно, опубликованы в отрицательном контексте, но о своей цели автор прямо заявляет: «Многие после ваших таких писем и непристойных действий отвернутся от церкви» [14, с. 5]. Это, в сущности, и являлось основной задачей антицерковной политики партии! Данные публикации — красноречивый пример взаимоотношения между атеистами и верующими в рассматриваемый период.

В последующих статьях можно найти откровенную пропаганду против Лавры как монастыря, а также научную полемику по отрицанию религии как таковой. «Так и кажется, что лавра свысока, с неприступной твердыни своих стен глядит на человеческую мелкоту, утверждая всем своим видом полную правомерность неравенства: бог и служители бога не могут быть в одинаковом положении с простыми смертными... Все это огромное великолепие (СТСЛ. — автор) создано гением безвестных тружеников-крепостных. Ведь более чем за шесть веков лавра поглотила жизни миллионов крестьян» [3, с. 4]. Автором данной статьи, старшим преподавателем кафедры философии, преследуется определенная цель посещения Лавры: «Мы ищем причины и пути воздействия

религии и религиозных атрибутов на верующих» [3, с. 4]. В продолжение данной темы автор с помощью науки и рационального мышления старается объяснить читателям причины посещения Лавры верующими, а также влияния проповедей, произнесенных с амвона храма, на их умы и сердца. «Мы внимательно наблюдаем за людьми. Большинству присутствующих проповедь глубоко безразлична. Внимание их очень быстро угасает, они отводят взор от священника и блуждают глазами по иконостасу... Содержание проповеди просто: кто соблюдает заповеди и обряды, но не верует в душе, неугоден богу, кто верует, но не соблюдает обрядов — тоже неугоден богу. То есть „веруй умом и чувствами и занимай время действием“ ... Все сферы жизни человека церковь стремится подчинить себе» [4, с. 5]. Не обошлось со стороны автора без обвинения насельников Лавры в шарлатанстве. «Не удивительно, что сейчас они (монахи. — автор) не скупятся подбавлять в „святую воду“ серебро. В часовне водичка оборачивается рублями и копейками государственной чеканки, и никто больше не уличит лавру в возможном заражении верующих» [4, с. 5]. И, конечно, излюбленная тема и метода данного периода борьбы со всякого рода религиозными предрассудками — «верующему „благодать“, церкви — „монета“» [4, с. 5]. Основная масса всех публикаций периода советских гонений на Церковь в том числе имела своей тематикой деньги! Для послевоенного, непростого с точки зрения благосостояния периода в СССР, тема «денег и роскоши» была некой красной тряпкой, которую искусно показывала в определенные периоды антирелигиозная власть, когда нужно было начать травлю церковников.

В следующей статье этот же автор-философ рассказывает читателю о разных ситуациях, свидетелем которых ему довелось быть в день своего посещения СТСЛ. Так описывал Алешко внешний вид монахов: «Монах прошел... после него остался сильный и нежный запах французских духов. Да, явно жители лавры предпочитают подчеркивать свою полную лояльность по отношению к гражданам, им важно показать всем, что никого они силой не вербуют и не принуждают веровать. Их быт достаточно обеспечен, чтобы менять его на волнительные конфликты» [5, с. 5]. Подводя итоги своего пребывания в Лавре, автор свидетельствует о

том, что в Загорске трудно, но необходимо и дальше вести атеистическую пропаганду. «Но ничего не поделаешь: церковникам запрещено законом вести проповедь за пределами религиозных сооружений, нам, атеистам, — в их пределах. Поэтому музей — островок атеизма на острове прошлого, религиозного быта» [5, с. 5].

Изучив публикации Загорской газеты «Вперед» периода восстановления монашеской жизни в Троице-Сергиевой Лавре, приходим к выводу, что основными темами публикаций являлись в основном исторические очерки по истории Лавры и ее значения для России. Также ряд заметок и статей принадлежит теме деятельности Загорского музея-заповедника на территории СТСЛ. Однако со сменой вектора власти начинается откровенная пропаганда атеизма. В Загорске основной мишенью для данной пропаганды являлась непосредственно Лавра и ее насельники. Анализ публикаций газеты «Вперед» за 1946–1970 гг. позволяет проследить изменение церковной политики советского государства на примере определенного района, в центре которого находился настоящий оплот Русской Православной Церкви — Троице-Сергиева Лавра. Газета «Вперед» является важным источником для изучения истории Лавры в XX в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Сергиево-Посадского муниципального округа (далее — АСПМО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 44.
2. Личный архив Серпенинова В. В. Интервью протопресвитера Владимира Дивакова 10 окт. 2020 г.
3. *Алешко Е.* Воскресенье в Загорске // Вперед. 1965 а. 7 дек.
4. *Алешко Е.* Воскресенье в Загорске // Вперед. 1965 б. 9 дек.
5. *Алешко Е.* Воскресенье в Загорске // Вперед. 1965 в. 11 дек.
6. *Аникин Н.* К 800-летию Москвы // Вперед. 1947. 9 фев.
7. *Воронцова, Соц, Быков, Чебадухина.* В заповеднике... // Вперед. 1946. 26 июн.
8. *Владимиров Н.* В художественном ремесленном училище // Вперед. 1946. 9 июл.
9. *Эдемский М.* Успеха вам, товарищи атеисты! // Вперед. 1964. 20 июн.
10. *Косякова И.* Что нам, учащимся, дает наше училище // Вперед. 1946. 24 нояб.

11. Курбатова А. М. Одна из древних подмосковных крепостей // Вперед. 1947а. 25 мар.
12. Курбатова А. М. Оборона древней крепости // Вперед. 1947б. 11 апр.
13. Лебедева Ю. Реставрационные работы в музее // Вперед. 1946. 10 июл.
14. Николаева А. Требуют молчать // Вперед. 1965. 2 дек.
15. Реставрация древних фресок // Вперед. 1946. 13 окт.
16. Основные работы исторического музея летом // Вперед. 1947. 18 май.
17. Трофимов И. В., Балдин В. И. Юные зодчие // Вперед. 1946. 16 ноя.
18. 50-летие декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» // Вперед. 1968. 6 фев.
19. Алексей (Симанский), патриарх. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи (1941–1948). М.: Издание Московской Патриархии, 1948. 247 с.
20. Гаганова М. А. Троице-Сергиева лавра и государственная культурная политика (1918–1941 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 7 (108). С. 227–235.
21. Гаганова М. А. Документы ГАРФ о создании музея-заповедника в Троице-Сергиевой лавре (конец 1930-х — начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. 2016. № 4. С. 40–47.
22. Из истории реставрационно-восстановительных работ в Лавре // Журнал Московской Патриархии. 2021. № 4. С. 80–82.
23. Кедрова Т. Н. Произведения А. П. Антропова в Загорском музее // Сообщения Загорского гос. музея-заповед. Вып. 3. Загорск, 1960. С. 85–95.
24. Пафнутий (Фокин), иером. Первая Пасха после четвертьвекового забвения // Журнал Московской Патриархии. 2021. № 4. С. 78–81.
25. Розанов Н. П. История Московского епархиального управления со времени учреждения Святейшего Синода (1721–1821). М.: Русские ведомости, 1870. 281 с.
26. Ткачев Е. В. Лавра // Православная энциклопедия. Том XXXIX. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2015. С. 550–560.

УДК 908

Пигусов М. В.

магистрант III курса кафедры истории
Калужского государственного университета
им. К. Э. Циолковского

Штепа А. В.

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
Калужского государственного университета
им. К. Э. Циолковского,
доцент кафедры исторических
и церковно-практических дисциплин
Калужской духовной семинарии
e-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Pigusov M. V.

third-year Master's student
of the Department of History
Kaluga State University named after
K. E. Tsiolkovsky

Shtepa A. V.

Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the Department of History
Kaluga State University named
after K. E. Tsiolkovsky,
Associate Professor of the Department of Historical
and Church-Practical Studies
Kaluga Theological Seminary
e-mail: a-v-stepa@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛУЖСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО УЧИЛИЩНОГО СОВЕТА ПО РАЗВИТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ШКОЛ КАЛУЖСКОЙ ЕПАРХИИ В 1884–1915 ГГ.

ACTIVITY OF THE KALUGA DIOCESAN COLLEGE COUNCIL FOR THE DEVELOPMENT OF CHURCH SCHOOLS OF THE KALUGA

Аннотация. В статье анализируется значение вышедших 13 июня 1884 г. «Правил о церковно-приходских школах» и опубликованных 4 Мая 1891 г. «Правил о школах грамоты», определявших законодательные рамки функционирования церковных школ православного ведомства на территории Российской империи. В статье авторами выявлена роль Калужского епархиального училищного совета и его отделений в организации и развитии церковно-школьного дела в Калужской епархии. Проанализированы статистические данные, относящиеся к периоду 1884–1916 гг., позволявшие проследить динамику развития церковных школ на региональном уровне на примере Калужской епархии.

Abstract. The article analyzes the significance of the «Rules on Parochial Schools» published on June 13, 1884 and the «Rules on Literacy Schools» published on May 4, 1891, which determined the legislative framework for the functioning of Orthodox church schools in the territory of the Russian Empire. In the article, the authors identified the role of the Kaluga Diocesan College Council and its branches in the organization and development of church and school affairs in the Kaluga diocese. Statistical data relating to the period 1884–1916 were analyzed, which made it possible to trace the dynamics of the development of church schools at the regional level on the example of the Kaluga diocese.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Калужская епархия, Калужский епархиальный училищный совет, церковно-приходские школы, школы грамоты.

Key words: Russian Orthodox Church, Kaluga Diocese, Kaluga Diocesan College Council, parish schools, literacy schools.

Летом 1909 г. в Калужской епархии, как и в других епархиях Российской империи проходили торжества по случаю 25-тилетнего юбилея, связанного с возрождением церковной школы. Согласно имеющимся данным, из-за развития в пореформенный период сети земских школ к 1883 г. в Калужской епархии осталось только 19 церковно-приходских школ (далее — ЦПШ) [2, с. 139].

Такая ситуация была предметом беспокойства для правительства Российской империи, поэтому неудивительно, что в принятом 12 июля 1879 г. Комитетом Министров «Положении» признавалось, что духовно-нравственное развитие народа «не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведывании начальными школами» [Цит. по: 14, с. 116]. По данным Центрального Статистического Комитета МВД в 1880 г. детей учебного возраста (от 7 до 14 лет) числилось 12 837 850, но только 10 % потенциальных школьников посещали начальные учебные заведения, из ста мальчиков и девочек в школу ходили 13 и 3 ребёнка соответственно [9, с. 321]. Можно согласиться с мнением обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, считавшего, что за 20 лет (1864–1884 гг.), пока народное образование курировалось только Министерством народного просвещения, оно развивалось весьма медленно. При этом в сёлах и деревнях почти полностью отсутствовали школьные библиотеки и читальни, что усугубляло крестьянскую безграмотность, а это, в свою очередь отрицательно сказывалось на всех сторонах общественной жизни.

В такой ситуации российским правительством 13 июня 1884 г. были утверждены «Правила о церковно-приходских школах» [7, с. 348]. В отличие от ранее существовавших приходских школ ЦПШ могли быть одноклассными с 2-летним и двухклассными с 4-летним курсом обучения. Правилами разрешалось в случае необходимости открывать при ЦПШ рукодельные классы, воскресные школы и т. п. Непосредственное заведование ЦПШ принадлежало священнику, а епархиальный архиерей утверждал в должности и увольнял законоучителей и учителей ЦПШ; поощрял наиболее ревностных учителей и

учительниц; посещал школы при обозрении епархии; представлял ежегодный отчёт о состоянии церковных школ епархии Св. Синоду [1, с. 304].

Дальнейшим и более широким развитием «Правил о церковно-приходских школах» служили утверждённые 4 Мая 1891 г. «Правила о школах грамоты». Получив правительственное признание, данные школы вписались в систему народного образования как «надёжная первая ступень» для повсеместного распространения грамотности в народе [14, с. 117].

В опубликованном 1 апреля 1902 г. обновлённом «Положении о церковных школах» в качестве первоочередной задачи значилось «воспитание молодёжи в духе православной веры и Церкви» [13]. Согласно данному положению, церковные школы подразделялись на две группы:

- начальные церковные школы: школы грамотности (грамоты), церковно-приходские при городских и сельских церквях — одноклассные и двухклассные, воскресные;
- учительские церковные школы: второклассные, готовившие учителей для школ грамотности, и церковно-учительские — для ЦПШ.

Вектор направления развития церковных школ в Калужской епархии изначально был определён епископом Калужским и Боровским в 1881–1886 гг. Владимиром (Никольским). Он побуждал к открытию школ, выказывал одобрение деятелям и руководителям школ, отдавал общие распоряжения по наблюдению за успехами их деятельности. При обозрении епархии Владимир лично наблюдал за успехами в школах, собирая школьников для испытаний в знании Закона Божия и церковного пения [5, с. 26]. Постепенно политика Русской Православной Церкви в Калужской епархии систематизировалась. Важнейшая роль при этом отводилась образованному 14 ноября 1884 г. Калужскому епархиальному училищному совету (далее — КЕУС), первое заседание которого прошло под председательством епископа Калужского и Боровского Владимира. Председателем КЕУС стал ректор Калужской духовной семинарии (далее — КДС), протоиерей Д. Г. Лужецкий, а в его пер-

воначальный состав вошли в качестве членов Совета: члены Калужской духовной консистории: протоиерей кафедрального Свято-Троицкого Собора А. Колыбелин, священник П. Комаров, директор Народных училищ Д. С. Унковский, смотритель Калужского духовного училища протоиерей М. Предтеченский, инспектора Народных училищ — П. Никольский, А. Вусович, В. Рождественский, казначей Совета В. Соловьёв, делопроизводитель И. Февралёв и др. [5, с. 26–27]. Состав КЕУС в течение десятилетия оставался практически неизменным. Так, на 1892 г. в него входили: Председатель Совета, ректор КДС протоиерей Д. Лужецкий; Члены Совета: кафедральный протоиерей А. Колыбелин, протоиерей Казанской церкви И. Февралёв, священники: В. Соловьёв, И. Извеков, инспектор Народных училищ А. М. Вусович, наставники КДС: А. Преображенский, И. Успенский и член-делопроизводитель Совета священник И. Виноградов [6, с. 77].

Совет решал вопросы об открытии и закрытии школ, постройке зданий, назначении учителей, выплате им жалованья, выпуске книг, осуществлял надзор за состоянием учебно-воспитательной и хозяйственной части школ, ведал выдачей денежных вспомоществований отделениям, рассматривал журналы и отчёты о приходе и расходе денежных сумм, состоянии школ. Отделения Совета, которые были открыты в различных уездах Калужской губернии (Калужском, Перемышльском, Боровском и др.), занимались обсуждением текущих школьных вопросов, изыскивали местные средства для благоустройства школ. Важнейшие функции закреплялись за наблюдателями, которые, будучи исполнителями распоряжений КЕУС, осуществляли руководство школами в определенных уездах. Обозревая школы, наблюдатели-священнослужители обращали внимание на внутреннюю и внешнюю организацию их, вникали в нужды школ, донося о них Совету либо немедленно в неотложных случаях, либо при составлении годовых отчётов [1, с. 304].

Изначально КЕУС принял в своё заведывание 128 школ, большая часть из них возникла благодаря усердию местного

духовенства. Из этого числа Совет признал более организованными 93 школы, причислив их к типу церковно-приходских, а остальные 35 отнес к школам грамоты. Число учащихся в тех и других школах не превышало 1000 детей обоего пола. Следует подчеркнуть, что школы эти отличались примитивным характером, не имея правильного и определённого устройства. Они в большинстве помещались в церковных сторожках, в домах и квартирах самих учредителей, не были снабжены учебниками и учебными руководствами; крайне нуждались в материальных средствах, необходимых для их существования и дальнейшего развития.

По предложению КЕУС были установлены источники содержания церковных школ в Калужской епархии: 1) сбор пожертвований во всех приходах при требах (Крещение, бракосочетание и т. п.); 2) сбор в кружки, обносимые в храмовые и двенадцатые праздники, а в другое время на усмотрение настоятелей церквей; 3) приглашение монастырей епархии к жертвованиям на школы.

Благодаря активному содействию епископа Владимира, который пожертвовал из своих средств 325 руб. и передал на нужды КЕУС 300 руб., оставшихся от сооружения хоругви в память 900-летия Крещения Руси, удалось создать первоначальный небольшой капитал. Представители калужского монашества собрали 2 795 руб. Всего в КЕУС доставлено было 3 306 руб. 25 коп. собранных с помощью епископа Владимира пожертвований, включая сумму, предоставленную монастырями, и 306 руб. 25 коп., присланных от православных храмов г. Калуги и некоторых сельских [8, с. 712]. В целом за 1884 год КЕУС изыскал на содержание церковных школ из разных источников 7 623 руб. [3, с. 3]. Естественно, церковные школы епархии получали и помощь от Синода, который в 1886 г. выделил в единовременное пособие школам 2,5 тыс. руб., а в 1887 г. — наличными 1,5 тыс. руб. и на 500 руб. учебных руководств и пособий для школ. Дополнительные денежные субсидии эти школы получали и позже. Всё же главными источниками средств для содержания церковных школ оставались обязательный трёхру-

блевый взнос с церковей и сборы с прихожан, производившиеся местным духовенством [1, с. 306; 14, с. 116–119].

На 1892/1893 учебный год КЕУС располагал уже 41 775 руб. годичного бюджета на содержание подведомственных ему школ [4, с. 349], а к 1894 году эта сумма возросла до 47 357 руб. [14, с. 122]. С 1884/1885 учебного года по 1892/1893 учебный год изыскано КЕУС и его отделениями на содержание церковных школ, с пособием от Святейшего Синода и разных общественных учреждений 197 609 руб. 75 коп. (к 1894 г. — 245 тыс.), а с включением стоимости школьных зданий, находившихся на тот момент в ведении Совета, цифра эта возрастала до 316 609 руб. 54 коп. [4, с. 349], а через год она составляла уже 375 200 руб. [14, с. 122].

По состоянию на 1892/1893 учебный год КЕУС принял к заведыванию 204 одноклассные церковно-приходские школы, 3 двухклассные при 10 260 учащихся, и 203 школы грамоты с 4 470 учащихся. При этом 170 церковных школ помещались уже в собственных зданиях (146 ЦППШ и 24 школы грамоты), в большей или меньшей мере соответствующих учебным целям по своей обстановке [4, с. 344]. Аккумулируя разнообразные источники, как местные, так и правительственные субсидии, КЕУС смог «поощрить учительство в его бескорыстной и самоотверженной деятельности», установив учителям и учительницам одноклассных ЦППШ, не получившим среднего образования, жалования 150 руб. в год, лицам со средним образованием — до 180 руб., имевшим десятилетний учительский трудовой стаж — от 240 до 300 руб., и преподающим в школах грамоты от 84 до 120 руб.

В 1890-е гг. учебники и учебные пособия для церковных школ функционировавший при Св. Синоде Училищный совет стал высылать бесплатно. Кроме того, стало возможным некоторые школы грамоты, строившие учебный процесс по программе одноклассных школ и имевшие значительное количество учащихся (не менее 30) и собственные вместительные здания, преобразовывать в одноклассные ЦППШ, а в многолюдных ЦППШ учреждать вторые учительские вакансии, а при некоторых из

таких школ и вторые классы, или проводить преобразование некоторых одноклассных школ в двухклассные. По инициативе Синодального училищного совета для подготовки учителей школ грамоты стали выдавать кредиты с целью учреждения учительских второклассных школ [3, с. 3].

По отзывам священнослужителей, сопричастных к школьному делу, развитию начального народного образования в Калужской епархии за всё время существования церковных школ препятствовали: 1) недостаток в школьных помещениях, теснота и непригодность многих помещений; 2) необеспеченность учебного персонала и недостаток в учебниках и учебных пособиях; 3) недостаток книг для внеклассного чтения; 4) неаккуратное посещение детьми школы, 5) недостаток финансирования [14, с. 127].

Калужский епархиальный училищный совет пытался найти разумные выходы из такого положения. Так, Калужское отделение КЕУС предлагало путём определённых отчислений из церковных сумм образовать строительный капитал для ЦППШ. Представители Боровского отделения постановили отчислять ежегодно по 2 коп. с десятины, принадлежавшей причту, и по 3 % с годового свечного взноса. Отделения запрашивали епархиальное начальство о возможности передавать книги из церковных библиотек в школьные, о разрешении брать из церковных сумм по 5–10 руб. в год на покупку книг для внеклассного чтения. Ведя борьбу за посещаемость, Перемышльское отделение постановило: старших учеников, пропустивших по небрежности 20 уроков, не допускать к экзаменам [14, с. 127].

К концу первого двадцатипятилетия возрождения церковных школ усилиями духовенства Калужской епархии, при правительственной материальной поддержке под эгидой КЕУС функционировало уже 11 двухклассных ЦППШ с 1 403 учащимися, 420 одноклассных ЦППШ с 23 210 учащимися, 146 школ грамоты с 4 703 учащимися. Все они находились в удовлетворительном состоянии как в учебно-воспитательном, так и в экономическом отношении. Кроме того, за указанный отрезок времени было открыто 9 учительских второклассных школ, в которых по состоянию на 1909 г. обучалось 378 человек. Динамика развития цер-

ковной школы в Калужской епархии за 25 лет (количественный рост школ, увеличение числа учащихся в ней, статистика оканчивающих школьный курс, постепенное увеличение средств содержания) представлена в Приложении 1. Из данных Приложения видно, что число школ грамоты в Калужской епархии росло неравномерно, наибольшей численности они достигли 1898/1899 учебном году — 244 школы (рост почти в 7 раз по сравнению с 1884/1885 учебным годом), после чего четко прослеживается тенденция к снижению численности таких школ до 146 (в 4 раза больше, чем в 1884/1885 г., но в 1,7 раза ниже, чем в 1898/1899 г.). С другой стороны, численность одноклассных ЦПШ неуклонно росла, начиная с 1887/1888 учебного года (в 1886/1887 году было 182 ЦПШ, а через год всего 132), увеличившись к 1908 г. более чем в 3 раза. В абсолютных цифрах двухклассные и второклассные школы показывают не очень значительный рост с 4–5 в 1896/1897 учебном году до 9–11 к 1908 г., но тем не менее в относительном измерении это прирост более чем на 100 %. Не без колебаний, но растет и численность учащихся. По школам грамоты пик приходится на 1900/1901 учебный год, когда в них обучалось 7 687 человек (5 658 мальчиков и 2 032 девочки), что 2,7 раза больше, чем в 1888/1889 учебном году, когда впервые учащиеся ЦПШ и школ грамоты в отчетах были показаны раздельно, затем в связи с сокращением численности самих школ грамоты снижается и число учащихся в них. И наоборот, вполне естественно, что с ростом общего количества одноклассных ЦПШ, хотя и не без колебаний между 1891 и 1896 гг. с 1896/1897 учебного года росло и число обучающихся в них, — как мальчиков, так и девочек, достигнув к 1908 г. общей численности 23 210 человек. Статистические данные позволяют нам наблюдать и неуклонный рост с 1896/1897 учебного года по 1908 г. числа учеников-мальчиков двухклассных ЦПШ с 508 до 1067 к 1908 г., т. е. более чем в два раза. В тоже время численность учениц в двухклассных школах колебалась, и не была устойчивой (рост от 176 в 1896/1897 г. до 483 в 1903/1904 учебном году, потом снижение до 297 в 1904/1905 г. и опять небольшой рост и снова снижение). То же самое можно сказать и о численности учеников и учениц во второклассных школах. Наибольшая численность мальчиков во второклассных школах была в 1900/1901 учебном году, их обучалось 519 человек, потом наметилась тенденция к снижению: до 286 человек к 1990 году. Числен-

ность учениц второклассных школ стабильно росла с 76 в 1896/1897 г. до 164 в 1900/1901 учебном году, снизившись по отношению к следующему учебному году почти в 5,5 раз — до 30 учениц. Затем на протяжении последующего трехлетия численность учениц второклассных школ росла до цифры 96, а затем два года опять снижалась и поднялась до 92 учениц к 1908 году. Численность мальчиков, окончивших школьный курс в одноклассных ЦППШ, имела устойчивую тенденцию роста между 1899 и 1906 г. (с 1 408 до 2390 человек), к 1908 г. этот показатель снизился до 1 529 человек. Аналогичный показатель по ученицам был подвержен еще более резким колебаниям.

Следует, однако, подчеркнуть, что при увеличении числа церковных школ и учащихся в них, как следует из составляемых ежегодных отчетов, «улучшалась и возвышалась и постановка учебно-воспитательного дела в школах». Расширялись программы, и возникали школы других высших типов. В одноклассных школах курс учения, продолжавшийся поначалу два года, изменился на трёхлетний, а в некоторых школах стал вводиться четырёхгодичный (после 1906 г.), а затем и пятилетний курс. К концу первого десятилетия XX века все ЦППШ снабжались учебниками и учебными пособиями в достаточном количестве, как и книгами для внеклассного чтения, «соответствующими духу и направлению церковной школы, и программам, изданным Св. Синодом» [3, с. 5].

Благодаря усилиям КЕУС был сформирован особый для руководства учителями инспекторский или наблюдательский институт, в каждом уезде Калужской губернии (всего — 11 уездов) была открыта одна должность наблюдателя за церковными школами. А для объединения этих руководителей церковных школ в их деятельности учреждена должность епархиального наблюдателя, соответствующая должности директора народных училищ.

Постепенно возрастал образовательный ценз учителей церковных школ. В 1908 г. во всех церковных школах, подведомственных КЕУС, учителей насчитывалось 766, в том числе 1 священник, 26 диаконов, 5 псаломщиков, 235 светских учителей и 499 учительниц. По образовательному цензу учащие лица разделялись так: с высшим и средним образованием — 293, с специальным педагогическим — 14, имеющих

учительское звание по экзамену — 383 и не имеющих учительского свидетельства — 76 [3, с. 5].

В 1914 году РПЦ отметила 30-летие своей «официальной» деятельности в области образования. Политика Русской Православной Церкви в отношении развития школьного дела приносила свои плоды.

По состоянию на 1914/1915 учебный год в Калужской епархии было 13 школ грамоты. Таким образом, их количество за 6 лет резко уменьшилось (в 1907/1908 учебном году — 146). По уездам эти школы распределялись так: в Калужском, Козельском, Жиздринском и Лихвинском уездах по 3 школы грамоты, а в Тарусском — 1 [11, с. 1]. Однако по сравнению с 1913/1914 учебным годом число школ грамоты увеличилось на две, вследствие открытия школы грамоты в деревне Бортной Козельского уезда и восстановления в Калужском уезде упраздненной Пневской школы грамоты, субсидируемой Малоярославецким земством в сумме 180 руб. в год. Согласно отчету все три школы грамоты, состоящие в ведении Калужского отделения КЕУС, были преобразованы в одноклассные церковные школы. В Жиздринском уезде в октябре 1914 г. прекратила свое существование Клинецкая школа грамоты, вследствие открытия в деревне Клинцах земской школы. Но взамен закрытой Клинецкой школы грамоты трудами, заботами энергичного и преданного церковно-школьному делу священника с. Бутчина о. Иоанна Николаевича Воскресенского 3 февраля 1915 г., — пишет о. Жиздринский уездный наблюдатель, — открыта школа грамоты в деревне Дубровке Бутчинского прихода» [11, с. 2]. Кроме того, в отчете отмечалось, что до открытия школы дети деревни Дубровка оставались неграмотными, поскольку деревня Лужницы, к которой относилась по школьной сети деревня Дубровка, отстоит от деревни Дубровки на расстоянии более трёх верст и по дальности расстояния никто из дубровских детей не посещал Лужницкую школу. Ходатайствуя об открытии школы грамоты, крестьяне деревни Дубровки дали обязательство на свой счет содержать школу: нанимать квартиру, давать отопление и освещение. По мнению о. Наблюдателя в Жиздринском уезде существует «много глухих деревень, которые, хотя и отнесены к какому-либо школьному пункту, но дети из этих деревень школ не посещают по дальности расстояния и другим причинам» [Цит. по:

11, с. 2]. При этом Жиздринское отделение КЕУС всегда стремилось идти навстречу ходатайствам сельских обществ об открытии школ грамоты в тех селениях, где в них была крайняя необходимость. Так, на очередном собрании Жиздринского уездного отделения КЕУС 12 мая 1915 г. было постановлено открыть с будущего 1915/1916 учебного года школу грамоты в деревне Холмы прихода Покровской церкви г. Жиздры, поскольку дети этой деревни также не имели возможности из-за дальности расстояния посещать Мужитинскую церковную школу, к которой деревня Холмы была отнесена по школьной сети.

В то же время по состоянию на 1914/1915 учебный год в ведении КЕУС состояло 534 ЦПШ (одноклассных и двухклассных), из 15 мужских, 34 женских и 435 смешанных, в которых обучалось 32 166 (20 528 мальчиков и 11 638 девочек). Полный курс окончили 1 819 учеников и 804 ученицы, всего 2 623 человека [11, с. 7, 21]. К 1 января 1916 г. в Калужской епархии было 548 начальных церковных школ, из них школ грамоты — 10, одноклассных — 525, двухклассных — 11, в том числе при двухклассной школе, действующей при калужском кафедральном Троицком соборе, имелся только 2-й класс, функционировали две воскресные школы [12, с. 1]. Сравнительно с 1914 / 1915 учебным годом количество начальных одноклассных школ увеличилось на четыре, за счёт вновь открытых двухшкол в Калужском уезде, одной временной школы для беженцев-детей в Жиздринском уезде и преобразования одной школы грамоты Козельского уезда в одноклассную. Правда, была закрыта одна из двух имевшихся школ грамоты в Лихвинском уезде, но открыты две аналогичные школы в Жиздринском уезде. В Приложении 2 представлена таблица распределения всех церковных школ Калужской губернии по типам, по полу учащихся и по уездам. Тем не менее, в отчете отмечалось, что оставалось ещё 25 школ, не включённых по разным причинам в школьную сеть [Подробнее см.: 15].

В начальных церковных школах епархии к 1 января 1916 г. насчитывалось в общей сложности 35 714 учащихся (см. Приложение 2). Из них в школах грамоты обучался 361 человек (248 мальчиков и 113 девочек); в одноклассных школах — 33 737 человек¹ (20 374 мальчиков и 13 363 девочек), в двухкласс-

¹ В «Отчете о состоянии церковных школ Калужской епархии... за 1915–1916 учебный год» на стр. 4 явная ошибка в подсчете — стоит итоговая цифра учащихся — 35 714 чел., а не суммарная цифра учащихся в одноклассных школах, что нами и исправлено.

ных — 1 314 (839 мальчиков и 475 девочек), и воскресных школах обучались 302 женщины. По сравнению с 1914 / 1915 учебным годом число учащихся в школах грамоты уменьшилось на 16, что объясняется сокращением числа школ грамоты на одну. В одноклассных школах, наоборот, замечается значительный прирост учащихся; это явление можно объяснить, с одной стороны, прибавлением четырёх новых школ, а с другой — принятием в церковные школы 1 198 детей-беженцев (результат начавшейся Первой мировой войны), осевших в районах церковных школ. Кроме того, как говорится в отчёте, «на увеличение числа учащихся оказывало огромное влияние всё глубже и глубже проникающее в темную крестьянскую среду сознание важности просвещения и необходимости грамотности не только для мальчиков, но и для девочек: чтение книг и газет стало насущною потребностью деревни» [12, с. 5].

Следует подчеркнуть, выдвигая на первое место религиозно-просветительные и воспитательные задачи, калужские епархиальные власти обращали должное внимание и на преподавание общеобразовательных предметов в церковных школах, а также на общее развитие умственных сил и способностей школьников. Делался упор и на формирование необходимых практических навыков. Во многих школах Калужской епархии давались прикладные знания из области сельского хозяйства, ремёсел, рукоделия. Летом 1909 года в Санкт-Петербурге была открыта Всероссийская церковно-школьная выставка. И нужно отметить, что в развитии прикладных знаний представители церковной школы Калужской епархии не отставали от школ других епархий России. А экспонаты Рождественской и Тихоновской второклассных школ и двухклассной Ахлебенинской, как сказано в отчёте, «останавливали на себе внимание не только публики вообще, но даже и высоких по положению и просвещению посетителей Выставки» [3, с. 6].

Подводя итоги, отметим возрастающую с конца XIX века роль церковных школ в системе российского образования. В 1915 г. в России насчитывалось 40 530 церковных школ, что составляло 32,8 % школьных учебных заведений. Это чуть меньше, чем в 1905 г. — 42 696 школ (46,5% всех начальных школ). Неутомимая деятельность учителей и учительниц церковных школ, как и земских учителей, приводила к увеличению числа грамотных

людей. По экстраполяциям оценкам, сделанным применительно к наиболее развитым губерниям Российской империи, на протяжении XIX–XX вв. грамотность сельского населения росла на 1,8 % в год [10, с. 84].

В Российской империи готовились проекты перехода к системе всеобщего начального образования, в которой весомую роль продолжали бы играть наряду с земскими школами, школами, подведомственными Министерству народного просвещения, и церковные школы. Прогнозировалось, что всеобщее начальное образование на территории европейской России получит распространение до 1925 года.

Однако начавшаяся и затянувшаяся Первая мировая война, а затем Великая русская революция 1917 г. и вспыхнувшая Гражданская война помешали реализации этих планов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильева Н. А., Штепа А. В.* Роль православной церкви в организации и развитии народного просвещения: церковные школы Калужской епархии // Калуга в шести веках: материалы 5-й городской краеведческой конференции. — Калуга: Полиграф-Информ, 2005. — С. 301–319.

2. *Вощенкова Н. С., Гусев А. А., Писаренко И. С.* Церковь и государство. Калужская епархия в синодальный период развития русской православной церкви. — Калуга: Институт усовершенствования учителей, 2000. — 375 с.

3. *Извеков Иоанн.* Двадцатипятилетие церковной школы со времени ей восстановления (13 июня 1884 по 13 мая 1909 года) в Калужской епархии // Калужский церковно-общественный вестник. — 1909. — № 23. — С. 3–7.

4. *Извеков Иоанн.* Церковная школа Калужской епархии за первое десятилетие своего существования // Калужские епархиальные ведомости (КЕВ). 1894. № 11. неоф. ч. — С. 342–354.

5. КЕВ. 1889. оф. ч. Приложение к №2. — С. 25–27.

6. КЕВ. 1892. № 7. Оф. ч. — С. 77.

7. КЕВ. 1894. № 11. Неоф. ч. — С. 348.

8. КЕВ. 1894. № 24. Неоф. ч. — С. 712
9. КЕВ. 1895. № 16. Неоф. ч. — С. 321.
10. *Миронов Б. Н.* История в цифрах. — Л.: Наука, 1991. — 168 с.
11. Отчет о состоянии церковных школ Калужской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1914–1915 учебный год. — Калуга, 1915. — 142 с.
12. Отчет о состоянии церковных школ Калужской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1915–1916 учебный год. — Калуга, 2016. — 141 с.
13. Положение о церковных школах от 01.04.1902. № 21290 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье (1 марта 1881–1913 гг.). Т. XXII. Отделение 1. — СПб., 1904. — С. 206 — 211.
14. *Штена А. В.* Социальное служение Русской Православной Церкви в Калужской епархии (вторая половина XIX — начало XX века). — Калуга: Изд-во научной литературы Н.Ф. Бочкаревой, 2007. — 264 с.
15. *Штена А. В.* Церковные школы Калужской губернии в 1915 — 1916 гг.: взгляд через столетие // У истоков российской государственности. Исследования, материалы. Калуга: Изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2017. — С. 337–347.

Приложение 1
Динамика развития церковных школ Калужской епархии за 25 лет (1884 — 1908) [Составлено по: 3, с. 3]

Годы	Число школ				Число учащихся								Число окончивших курс				Средства содержания школ		
	Грамоты	Однокл.	Двухкл.	Второкласс.	Школы грамоты		Однокл.	Двухкл.		Второкл.	Школы грамоты		Однокл.	Двухкл.	Второкл.	Руб.	Коп.		
					м	д		м	д		м	д						м	д
1884/1885	35	93	—	—	—	—	2192	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7623	—
1885/1886	48	133	—	—	—	5027	—	—	—	—	—	—	144	21	—	—	—	8945	—
1886/1887	69	182	—	—	—	7322	—	—	—	—	—	—	262	—	—	—	—	12417	15
1887/1888	128	132	—	—	—	9183	—	—	—	—	—	—	508	43	—	—	—	20833	37
1888/1889	123	158	—	—	—	2542	106	—	—	—	6271	9	—	553	50	—	—	2441	—
1889/1890	105	160	—	—	—	373	114	—	—	—	6547	1	—	693	98	—	—	26060	76
1890/1891	128	174	—	—	—	2632	392	—	—	—	8351	—	—	961	3	—	—	26888	96
1891/1892	189	197	—	—	—	3669	645	—	—	—	8363	1458	—	894	153	—	—	28654	91
1892/1893	20	20	—	—	—	3706	764	171	—	—	8541	171	—	100	62	—	—	4177	49

¹ В годичных отчетах за период с 1884 по 1888 год не проводилось раздельных подсчетов учащихся в ЦШШ и школах грамоты

1903/19 04	20 7	37 6	1 2	9 9	4848	138 3	1421 9	593 9	84 6	48 3	30 7	86	43 3	32 0	—	218 7	32 0	218 7	32 0	43 3	30 7	86	43 3	32 0	—	2697 58	—
1904/19 05	19 4	38 8	1 0	9 9	4752	151 8	1473 2	688 7	84 3	29 7	29 1	96	44 7	31 7	—	225 2	28 9	225 2	28 9	44 7	29 1	96	44 7	31 7	—	2353 56	—
1905/19 06	18 3	40 3	1 0	9 9	4024	125 9	1559 7	730 6	94 6	32 3	29 8	89	44 7	33 6	—	239 0	7 5	239 0	7 5	44 7	32 9	89	44 7	33 6	—	2390 09	—
1906/19 07	15 5	41 3	1 0	9 9	3527	111 7	1542 8	695 0	92 4	29 0	28 8	79	45 9	30 6	—	165 4	56 6	165 4	56 6	45 9	29 0	28 8	79	45 9	30 6	2357 71	—
1907/19 08	14 6	42 0	1 1	9 9	3550	115 3	1552 5	768 5	10 67	33 6	28 6	92	46 1	26 5	56	152 9	57 0	152 9	57 0	46 1	33 6	28 6	92	46 1	26 5	2503 85	—

Приложение 2

Распределение церковных школ Калужской губернии по типам, по полу учащихся и по уездам [Составлено по: 12, с. 2].

Уезды	Число школ грамоты				Число одноклассных церковных школ				Число двухклассных школ						Всего начальных приходских школ к 1 января 1916 года.		
	Преобразовано	Открыто	Закрыто	Всего	Преобразовано		Открыто	Закрыто	Всего	В том числе				С курсом пятитолдич.			
					Открыто	Закрыто				Всего	Мужских	Женских	С мешаннких			С курсом	
Жиздринский	-	2	-	5	-	1	-	91	2	1	88	57	34	-	-	2	98
Мосальский	-	-	-	-	-	-	-	84	2	2	82	38	46	-	-	-	84
Козельский	1	-	-	2	-	1	-	61	3	5	53	43	18	-	1	1	64
Калужский	-	-	-	-	1	2	-	52	1	3	46	33	17	-	5	2	58
Мещовский	-	-	-	-	-	-	-	46	1	1	44	37	9	-	-	-	46
Мельнский	-	-	-	-	-	-	-	43	5	38	33	10	-	-	-	-	43
Лихвинский	-	-	1	2	-	-	-	38	1	1	36	30	8	-	1	-	41
Одоевский ¹	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Перемышльский	-	-	-	-	1	-	-	40	1	3	36	30	10	-	-	-	41
Малоярославецкий	-	-	-	-	-	-	-	24	2	1	21	14	10	-	-	-	24
Боровский	-	-	-	-	-	-	-	23	-	-	23	19	4	-	1	1	24
Тарусский	-	-	-	1	-	-	-	22	2	20	20	2	-	-	1	1	24
Итого	1	2	1	1	2	1	3	52	11	24	488	354	168	-	1	3	548
				0				5 ²							1		

¹езд показан в «Отчёте о состоянии церковных школ Калужской епархии... за 1915–1916 учебный год», хотя это Тульская губерния.

почены две образцовые одноклассные церковные школы, существовавшие при Калужской духовной семинарии, в ней обучалось 50 мальчиков и школа при епархиальном женском училище, в которой обучалось 33 девочки.

Раздел III. ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 373.2

Абраменкова В. В.

доктор психологических наук,
действительный член
Международной академии наук
педагогического образования (МАНПО),
главный научный сотрудник института
изучения детства, семьи и воспитания
Российской академии образования

Abramenkova V. V.

Doctor of Psychological Sciences,
full member
International Academy of Sciences
of Pedagogical Education (MANPO),
Chief Researcher of the Institute
for the Study of Childhood, Family and Upbringing
Russian Academy of Education

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВОСПИТАНИЯ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОМУ РАЗВИТИЮ ДЕТСТВА

DIGITALIZATION OF EDUCATION AS A THREAT TO THE SAFE DEVELOPMENT OF CHILDHOOD

Аннотация. Социальная ситуация развития современного детства оказывается в пространстве нарастающих угроз психологического и антропогенного характера, основным фактором которых является цифровизация в сфере образования и воспитания. Автор дает анализ различных рисков на физический, пси-

хологический и нравственный статус ребенка и пути ослабления негативного влияния глобальной цифровизации в обеспечении безопасного развития детства.

Abstract. The social situation of the development of modern childhood finds itself in the space of increasing threats of a psychological and anthropogenic nature, the main factor of which is digitalization in the field of education and upbringing. The author analyzes various risks on the physical, psychological and moral status of a child and ways to reduce the negative impact of global digitalization in ensuring the safe development of childhood.

Ключевые слова: воспитание; безопасное развитие детства; ИТ; цифровизация; вызовы, риски, угрозы; детский позитивный контент.

Key words: Upbringing; safe development of childhood; IT; digitalization; challenges, risks, threats; children's positive content.

Цифровизация сегодня — одна из самых обсуждаемых тем в РФ, касающаяся внедрения цифровых (информационных) технологий в различные сферы жизни¹, с точки зрения практической, чтобы заменить выполнение рутинных задач человеком на искусственный интеллект машины [12]. Появились словосочетания: цифровизация производства, цифровизация экономики, цифровизация образования. Именно против цифровизации образования выступают сейчас особенно² активно учителя и родительские сообщества, пережившие ковидные

¹ Отдельно в Документе говорится, в частности, об информационной безопасности детей, о «продвижении» русского языка в мире и о поддержке «традиционных», т. е. существовавших задолго до Интернета, «форм распространения знаний» [12].

² В ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО» в рамках реализации государственного задания научно-исследовательских работ Министерства просвещения РФ на 2021 год (№ 073-00015-21-01) осуществляется анализ современной социальной ситуации развития в сфере воспитания и влияние процесса цифровизации на его эффективность.

ограничения и онлайн обучение. Каковы могут быть последствия цифровизации для другой стратегической задачи — успешного воспитания подрастающего поколения сегодня и завтра [11]?

Процесс воспитания как система отношений ребенка с миром предметным и социальным в историческом контексте может быть представлен наглядно графически. Сама жизнедеятельность ребенка с рождения есть совокупность различных взаимопересекающихся сфер, социально-психологических смысловых *пространств (плоскостей)*, раскрывающихся в системе «Я — МИР» (см Рис.). Это: Горизонтальная плоскость, в которой отношения осуществляются «на равных» и к относительно равным субъектам — *сверстникам* (ребенок — ребенок). Наклонная плоскость — модель иерархических отношений (взрослый — ребенок) в социуме. Панорамная плоскость отношений представлена окружающей ребенка средой, обусловленной историко-культурными представлениями, а также региональными особенностями местности, географическим ландшафтом и пр., порождающими детскую картину мира. Эта традиционная система отношений не существовала без вертикальной плоскости — наименее изученный и наиболее сокрытый для исследования пласт духовно-нравственных отношений ребенка с Творцом как высшим существом. Именно вертикальная плоскость отношений определяет становление категории совести в детском сознании и задает систему представлений о добре и зле. Подобная традиционная система отношений отражает историко-культурный характер воспитания, доминирующий в общественном сознании; она функционировала на протяжении столетий практически в неизменном виде у всех народов мира, в европейской традиции модус воспитания менялся с XVII века, в России — с конца XVIII. Лишь с 60-х — 70-х годов XX века все более интенсивно осуществляется воздействие на всю традиционную систему отношений и воспитания ребенка посредством усиливающегося с каждым годом потока информации, исходящего с *экранов*: — телевизионного, а позже компьютерного, многообразных гаджетов и

других электронных устройств и *информационных технологий* (ИТ). Эта экранная плоскость отношений за короткий по историческим меркам период трансформировала все направления важнейших связей ребенка с миром: и предметных, и социальных, и духовно-нравственных [1].

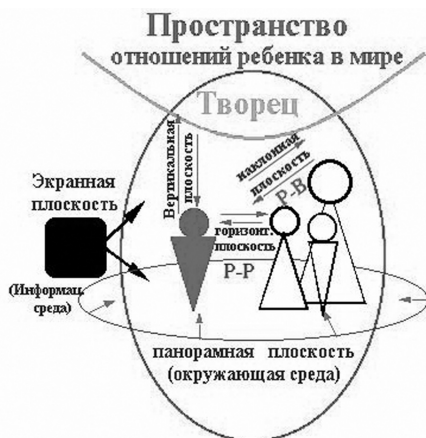

Рис. 1

Сегодня приходится говорить о глобальной трансформации отношений ребенка в предметном и социальном мирах, важнейшим фактором которой является *экранная цифровизация*, которая, по мнению многих специалистов, родителей и педагогов, представляет угрозы и риски системе образования и безопасного развития детства [6; 7; 13].

Возможна ли нарастающая цифровизация образования (обучения и воспитания) без ущерба для его качества и безопасно-го развития детей сегодня?

Сторонники цифровизации убеждают нас сделать обычную школу цифровой, это значит, например: 1. Внедрить игры и симуляторы — они помогут сделать обучение нагляднее и работать школьникам в команде. 2. Сделать систему дистанционного обучения, когда учишься где удобно, а экзамены сдаёшь в классе. 3. Создать систему, которая будет подбирать для каждого индивидуальную программу обучения [14; 15].

Все эти заманчивые слова — как говорят специалисты, обыч-

ный маркетинговый ход, побуждающий покупать на обещания и покупать детям игрушки-планшеты, смартфоны и пр. электронную атрибутику с якобы развивающими играми и программами. Практика начальной цифровизации образования уже сегодня (многочасовое сидение за компом, онлайн обучение, просмотр образовательных программ и общение с учителем по видеосвязи) показывает, что и вред здоровью, и низкая эффективность усвоения информации, и отсутствие целостных знаний сопровождает благие намерения сторонников цифровизации. Кроме того, учителя за последний год убедились, что некоторые ученики в системе онлайн, внешне прилежно слушающие и читающие интернет-курсы, на самом деле зависают в сетях, общаются в чатах, играют в компьютерные игры и т. п. во время учебы [9; 15].

Таким образом, вместо необходимых умений анализировать и принимать решение при дефиците информации, нынешних школьников учат алгоритмам, т. е. заученным решениям, стандартным подходам (как, например, перебор ответов в ЕГЭ). В то же время очевидно, что в современных условиях повышенной неопределенности накануне серьезных жизненных испытаний в детях необходимо воспитывать креативность, смелость принятия нестандартных идей, ответственность за результат и доведение его до оптимального итога. Этим и славились наши ребята на различных олимпиадах и конкурсах в прошлом. Кроме этого, что очень важно, — умение ребенка работать в команде, решать конфликты мирными средствами с теми, кто рядом, не помнить зла при проигрыше и пр. — это тоже позитивный воспитательный опыт классического образования личности. Способна ли цифровизация дать такого рода личностное воспитание?

Возможно, такой цифровой подход оправдан, когда нужно научить простым операциям большое количество людей. Но умение мыслить нестандартно и эффективно действовать в неопределённой ситуации, которое всегда было сильной стороной наших граждан, развивается только в «человеческом» формате обучения, какие бы «умные» алгоритмы ни заклады-

вались в учебные программы. Не только у нас, но и за рубежом, где достаточно давно погрузились в процесс цифровизации, вполне оценили все ее «прелести». В результате глобального исследования, проведенного Economist Intelligence Unit вместе с Microsoft Education [19; 18], более тысячи молодых учителей и преподавателей-практикантов со всего мира назвали три главных риска, связанных с использованием цифровых технологий в обучении. 1. Потеря традиционных навыков и знаний, скажем, умения писать от руки. Об этом говорит около 36 % преподавателей. 2. Слишком глубокое погружение в виртуальный мир. 34 % учителей признались, что ученики слишком много времени проводят в соцсетях и чатах и все меньше внимания уделяют живому общению. 3. Гаджеты отвлекают детей от уроков и занятий. Это отмечают 28 % опрошенных.

Правда, не только риски и минусы видят зарубежные педагоги в цифровизации школы. Вот рейтинг плюсов цифрового обучения. Первое место (36 %) занимает большая вовлеченность детей в обучение. То есть масса вариантов заинтересовать ученика предметом — интерактивная игра, обучающие роботы, виртуальная и дополненная реальность. Второе место (31 %) получает возможность учиться самостоятельно. Сегодня существует огромное количество онлайн-курсов, вебинаров и лекций, которые полезны не только школьникам и студентам, но и уже работающим специалистам. Тройку призеров завершает следующий плюс — цифровые технологии, незаменимые для системы подготовки кадров. IT-квалификации нужны практически всем и каждому на его рабочем месте.

При всех кажущихся плюсах и удобствах цифровизации обучения риски, как считает И. Ашманов (крупный эксперт в области информационных технологий), перевешивают. И риски эти весьма разнообразны: от серьезных проблем со здоровьем детей до резкого падения качества образования. Цифровизация проникает не только в школы, но и детские сады, в которых — теперь нас убеждают — никакого обучения не должно быть, а играть, играть! Но так ли безобидны и полезны планшетные игры (развивающие, разумеется), интерактивные доски и ин-

тернет — для шести-семилеток или даже для двух-трехлеток? Понятие интерактивности предполагает взаимодействие двух субъектов, но почти уже более 20-ти лет полноправным субъектом взаимодействия выступает электронная игрушка, это она «играет ребенком» по заданной программе! Почти каждая современная игрушка претендует на интеракцию (взаимодействие), т. е. на субъектность: запрограммированные «говорящие куклы», ярко раскрашенные механизмы с дистанционным управлением и, конечно, цифровые планшеты для самых маленьких — до года (!), с играми «образовалками и развлечениями», которые выстраивают отчужденную и превратную картину мира, трансформируя детскую когнитивную сферу. Например, трехлетний ребенок нажимает кнопки, чтобы на экране появилось изображение животного, которое он должен переместить в контур внизу. Потом появляется другое животное и снова нужно его переместить. И таким образом ребенок бесконечно манипулирует, пока на экране не появляются три животных. В восприятии малыша рядом оказываются огромный слон и маленькая собачка, бабочка и крокодил и др., все они одного размера и предъявляются по случайному признаку. Этот механический подбор не может дать ребенку подлинную информацию о животных (видах, местах обитания и пр.), не говоря уже об адекватных, пусть начальных, *знаниях* о животном мире. Или другой пример: на игровом поле множество мелких существ (насекомых, зверьков?), один из которых чихает и «заражает» других чиханием. Ребенок должен нажать на этого одного, и тогда многие исчезают (наверное, умирают или выздоравливают), затем появляются новые, и все повторяется. Если это иллюстрация заражения ковидом-19, то игра может иметь смысл для объяснения этого механизма, а не мелькание и бессмысленное «топтанье клавишей».

Да, игра для ребенка — важнейший метод познания мира, но она прежде всего — воспитательное средство развития познавательных умений, произвольности, гуманных отношений к партнерам [1; 9]. В какой связи цифровые носители способны оказывать адекватное воспитывающее воздействие на ребен-

ка? Наверное, если это заложено в контенте и если рядом находится любящий взрослый, то и цифровое образование как воспитание может быть благом. Однако по большому счету *в цифровом образовании речь вообще не может идти о воспитании, в лучшем случае — об обучении*. Воспитание предполагает «социальную ситуацию развития» (Л. С. Выготский), общение и межличностное взаимодействие субъектов образовательного процесса, проживание и переживание ими этих ситуаций на основе знания принятых в обществе моральных норм [4; 5]. Воспитание по сути — это понятие морально-нравственно-духовное, где *мораль* представляет собой писанные и неписанные в обществе законы и постановления, тогда как *нравственность* — воспринятые индивидом и усвоенные моральные нормы; *духовность* — морально-нравственные смысловые установки, убеждения и образцы поведения личности, помноженные на категорию совести в различении им добра и зла.

Мораль и частично нравственность можно усвоить посредством запоминания соответствующей информации (правил), в том числе передаваемых компьютером: нравственность — эмоционально-ценностное отношение к ситуациям нравственного выбора, она нуждается в поступке, духовность — мера приближения человека к образцу и отраженная в поведении. Моральным нормам можно обучить, нравственность воспитывается, для духовности необходимо самостоятельное восхождение к идеальной норме, и это возможно, когда есть идеальные образцы — люди, герои книг и фильмов, позитивные идеи. Можно хорошо знать нормы морали и быть безнравственным, плохо воспитанным человеком, даже преступником (переступившим нравственный закон). Для эффективности воспитания важно найти психологически, физиологически, педагогически обоснованный баланс между использованием возможностей цифры как информационных технологий и живым диалогическим общением субъектов образовательного процесса — педагога и обучающихся.

Можно ли говорить о диалоге с машиной, поскольку то, что называют «диалоговым режимом» есть лишь варьирование по-

следовательности либо объёма выдаваемой информации. Активное сворачивание социальных контактов ребенка, уменьшение возможностей реального взаимодействия и общения, подмена их цифровыми технологиями приводит к когнитивному индивидуализму, а затем и к моральному, а не только познавательному естественно-возрастному эгоцентризму — неспособности ребенка к децентрации, чтобы увидеть проблему, ситуацию с точки зрения других людей, объективно. Это означает, что цифровое обучение должно быть сбалансированным с физиологической, психологической, педагогической точек зрения, при этом чем младше дошкольник-школьник, тем больше у него должно быть живого общения с близкими, с воспитателем, учителем и другими учениками как носителями норм поведения [3].

Цифровизация в воспитании — реальный вызов не только педагогам, родителям, детям, исконным традициям семейного уклада, школьной возрастной иерархии, законам детского сообщества, но и всей системе детско-родительских, детско-детских человеческих взаимоотношений. Исходя из понимания безопасного развития детства рассмотрим реальные риски и угрозы цифровизации в соответствии с традиционной трисоставной природой ребенка как человека: физической телесностью, душевной ментально-психологической и духовно-нравственной организацией.

Физические риски, телесность. Учитывая современное неудовлетворительное состояние здоровья детей и неоднозначный опыт применения ИТ в образовании у нас и за рубежом, необходимы исследования цифровизации в сфере обучения и разработка возрастных норм для их применения, с привлечением психологов, психофизиологов, педиатров и организаторов здравоохранения. Научные исследования о воздействии радиочастотного излучения (Wi-Fi-сети) и электромагнитных полей на взрослых людей свидетельствуют о снижении их когнитивных способностей и памяти, а при гиперчувствительности — о повышенном риске развития раковых заболеваний, особенно опухолей головного мозга. А что можем сказать о

детях раннего — дошкольного и школьного возрастов? Исследований прямых нет, но косвенные сведения и наблюдения заставляют тревожиться не на шутку.

Электронные учебники и пособия в электронных школах, как известно, не имеют сертификации, нет подтверждений их безопасности для здоровья детей. Длительная работа за компьютером, особенно в ст. дошкольном и младшем школьном возрастах приводит к снижению слуха из-за наушников, ухудшению зрения от мониторов, от сидячего образа жизни за компьютером — нарушение обмена веществ, состояния мышц, осанки, появления сколиоза и т.д. [6; 13; 15].

Ментальный статус, психологические риски. Цифровые обучающие устройства являются воплощением строгой математической, инженерной, технократической мысли, в то же время в основе образовательного процесса лежат психолого-педагогические, личностно-смысловые, во многом субъективные закономерности деятельности воспитателей (преподавателей) и воспитуемых (обучающихся) начиная с их мотивации и заканчивая интуицией и смыслом передаваемой и получаемой ими информации. Наибольшую трудность представляет переход от информации в системе обучения к знаниям и от них к самостоятельным практическим действиям и поступкам детей. Иначе говоря, от знаковой системы как формы представления информации на страницах учебника, экране монитора и т. п. — к системе практических действий, совершаемых на основе знаний и имеющих принципиально иную логику, нежели логика организации знаков. Это классическая проблема применения знаний на практике, а на психологическом языке — проблема перехода от мысли к действию.

Многие исследователи отмечают, что при всё возрастающем уровне цифровизации общества и системы образования от человека требуется не просто владение необходимыми для жизни и профессиональной деятельности знаниями, а лишь получение доступа к компьютерной системе, где находится уже готовая информация и ее поиск, а далее оценка ее контента, сравнение и критическое отношение как избирательность и

принятие или неприятие ее в качестве руководства к действию. В какой степени на это способен ребенок и с какого возраста? Следовательно, *необходимы фундаментальные и прикладные исследования влияния информационных технологий (ИТ) и шире — всей цифровизации на детей* [5; 6; 7; 15].

Развитие когнитивных функций ребенка напрямую связано с развитием речи. Проблемы с речью (дислексия и дисграфия) у современных дошкольников, использующих гаджеты (айпады, айфоны, смартфоны и пр.) растут с каждым годом: сейчас свыше 40 % детей младшего и среднего дошкольного возраста имеют подобные нарушения, если не считать то, что происходит задержка речевого развития почти до трех лет ребенка³. Доказано, что в слове, носителе значения, отражается только 7 % смысла сказанного, в мимике и телодвижениях говорящего — 55 %; в экстралингвистике текста, контекста, и подтекста — 38 % [16 — Ушакова]. Цифровая техника неспособна улавливать такие тонкости. Компьютер и гаджеты в принципе неспособны превращать значения в смыслы, информацию — в знание. Это означает, что переработка информации компьютером не является механизмом порождения из неё знаний человека, и нужно искать собственно психологические закономерности и механизмы понимания этого процесса. Уже сегодня не происходит полноценного усвоения навыков письменной речи у младших школьников, при котором задействованы определенные участки мозга (такие как центр Брока, отвечающий, по

³ Как известно, отвечают за усвоение языка и коммуникацию зеркальные системы. Возможности «зеркальных» нейронов еще не полностью изучены, но безусловно одно: именно «зеркальные» нейроны передают навыки речи, навыки мыслительных операций (сравнения, анализа, синтеза) от взрослого человека ребенку через зоны коры мозга. Никакие интернет-программы и игрушки-роботы не научат ребенка говорить, если он не видит лицо разговаривающего человека, его мимику и пантомимику, не слышит интонации. Если заменить объяснения учителя аудиозаписью, а потом дать ученикам проверочную работу, результат будет много хуже во втором случае. Можно ли заменить учителя на виртуального тьютера? А ведь именно это и предлагается.

сути, за умение читать и писать). Существует реальный риск деградации речи, а вместе с ней и мышления, поскольку оно совершается в речи, которая в цифровом обучении редуцируется до нажатия на буквы клавиатуры.

Как отмечают исследователи, у детей цифрового поколения мысли фрагментарны, а суждения поверхностны, дети хуже могут формулировать собственные мысли. А грамотность их в применении знаний орфографии, пунктуации и грамматики — неудовлетворительна, она не формируется, ведь во всех гаджетах есть функция автоисправления. Вывод таков: если школьник или студент не имеет развитой практики живого общения, формирования и формулирования мысли в речи, у него, как показывают психологические исследования, полноценное мышление не формируется [13; 14; 15].

У детей происходит деформация социальных связей, когда они днями и ночами сидят в интернете и в соцсетях. Потребность в общении замещается на суррогатную форму коммуникации. Таким детям и подросткам будет тяжело выстраивать человеческие, дружеские, партнерские или семейные, а не виртуальные контакты. Умение адекватно реагировать на конфликты, жертвовать чем-то — ради другого — это оказывается совсем невозможно.

Риски в плане духовно-нравственного развития. Наиболее пагубное влияние цифровизации осуществляется на личностно-смысловую сферу безопасного развития детей и также несет угрозу личностным ценностям подрастающего поколения: это прежде всего рост зависимостей. Наркологи объявили, что за последние 10–15 лет произошла перестройка психопатологической аддикции от химических наркотиков на виртуально-цифровые [8; 9]. Дети — под воздействием поглощения сначала негативного контента ТВ (с 0 лет многие мамы кормят младенцев под рекламу — «он лучше кушает», т. е. глотает), затем наступает эра компьютерных игр, затем интернета, соцсетей, общения в подозрительных чатах и так далее.

По мнению психологов и психотерапевтов, дети-игроманы часто демонстрируют эмоциональную холодность к чужим

страданиям и боли, неуправляемые агрессивные реакции, депрессивные состояния, если нет возможности играть. По данным МВД, более 30 % преступлений несовершеннолетних обусловлены воздействием противоправного деструктивного контента ТВ, компьютерных игр и интернета по психологическому принципу воспроизведения и подражания [1; 9].

И не надо говорить, что агрессивные компьютерные игры дают психологическую разрядку ребенку, канализацию его злобы и ярости, чтобы он не бросался на родителей, близких, одноклассников, учителей в ситуации фрустрации. Происходит обратное: именно в цифровых технологиях (компьютерные и некомпьютерные игры и игрушки, ТВ фильмы и сериалы) дети разных возрастов, поневоле идентифицируясь с героями, воспринимают и отыгрывают не только криминальный сленг, внешность и манеру одеваться ярких представителей криминальных авторитетов, реальных и виртуальных, но и их жестокие методы, алгоритмы нападений, издевательств над слабыми, убийств и самоубийств [4; 2].

Цифровую подростковую наркоманию в отличие от алкоголизма, табакокурения и героиновой аддикции вылечить, по мнению специалистов, почти невозможно, во-первых, потому что в обществе до сих пор нет понимания всей пагубности этого явления, якобы ребенок не бродяжничает, не лежит месяцами в наркологической клинике, не хулиганит, он сидит дома, занимается на компьютере — какая опасность?! А то, что ему никого не жаль, возможно, сожжена его совесть, отсутствие эмпатии, пустота внутри, — сейчас все такие? Вырастет — помнеет? Во-вторых, у цифрового ребенка в отличие от любого пьющего и колющегося субъекта нет ни малейшего желания избавиться от киберболезни, нет даже зачастую осознания своей зависимости от IT [3; 8].

Деструктивный контент многих подростковых сайтов и чатов с пропагандой наркотиков, детской проституцией, суицидов и экстремизма действует разрушительно на мышление юных граждан, его критичность и независимость, на всю духовно-нравственную сферу убеждений, веры и мировоззрение в

целом. Цифровизация несет не только прямые риски и угрозы безопасному развитию ребенка, но может использоваться как инструмент деструктивного воздействия на сверстников в самом детском сообществе. «Цифровая грамотность» способствует распространяющемуся такому негативному явлению в детской образовательной среде, как *кибербуллинг*, то есть травля, издевательства с использованием электронных средств цифровизации: компьютера, сотового телефона, интернета и пр. Кибербуллинг — детский невидимый виртуальный террор, вполне реальный не только для жертв, но и для наблюдателей, и даже агрессоров от 7 до 17 лет, приводящий участников буллинга не только к психическим заболеваниям, но и к суицидам [1; 3]. Мотивацией к кибербуллингу могут выступать резко негативные проявления детей как следствия серьезных пробелов в воспитании: зависть, ненависть, месть, самоутверждение и др. Ребенку-жертве травли надо обладать необходимым для самозащиты и противостояния мужеством, твердостью характера, независимостью, чтобы совладать с ситуацией кибернасилия.

Такого рода проявления в современном образовании ставят непреодолимый, возможно, заслон к осуществлению задач воспитания, стоящих перед обществом сегодня. В программном документе «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации» указано, что она «опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством» [11]. В силу происходящего глубокого духовно-нравственного помрачения сознания ребенка, подростка, юноши под воздействием ИТ, подобные ценности жизни, нормы морали и нравственности оказываются пустым звуком.

Пути ослабления негативного влияния глобальной цифровизации на детей и обеспечения их безопасного развития. С нашей точки зрения, таковые пути в следующем.

Первое, необходимо государственное регулирование процессов цифровизации в образовании. Необходимо создание надежной системы защиты детей от противоправного контента для обучения и воспитания в образовательных организациях и семье. Необходимы (и срочно!) конструктивные законодательные решения, способствующие адекватному использованию цифровых технологий во всех сферах жизни, касающихся детей.

В семейной сфере необходимо настоятельно рекомендовать родителям и опекунам ограничивать использование детских гаджетов, прежде всего в раннем и дошкольном возрастах⁴.

Экран цифрового ТВ, особенно реклама и агрессивный контент телесериалов, фильмов и трагических новостей следует, возможно, перевести на ночной эфир либо исключить для просмотра детьми.

Цифровые игры и игрушки, а также вся игровая продукция в силу особой вовлеченности ребенка в игру нуждаются в особой регламентации, т. е. вновь встает вопрос о принятии закона об игровой продукции [1; 17]. На особый контроль должны быть поставлены компьютерные игры: их содержание, графика, возрастной ценз.

Необходимы конструктивные решения для сокращения числа детей, пострадавших от противоправного контента в интернет-среде.

On-line-обучение показало свою ущербность за последние полтора года, особенно для детей начальной и средней школы. Очень важен адекватный поиск оптимального использования

⁴ САНПИНОм установлен временной режим работы ребёнка за компьютером, согласно гигиеническим нормативам, составляет для детей 5–6 лет 2 раза в неделю по 10 минут, но не рекомендуется использовать ноутбуки, планшеты, электронные книги и др. Режим работы школьника за компьютером: 1-й класс — 10 минут в день, 2–4 классы — 15 минут, 5–7 классы — 20 мин, 8–9 классы — 25 мин, 10–11 классы — 30 мин, после перерыва можно продолжить занятие еще в течение 20 мин. Как это будет увязывать с цифровым обучением, пока что не понятно. Будем менять САНПИНЫ?

элементов ИТ для учащихся без ущерба для качества знаний и психологического состояния детей.

Второе. Необходимо разработать адекватную психолого-педагогическую теорию цифровизации образования как особый современный инструмент, не только объясняющий необходимость использования информационных технологий для снижения рутинной работы в обучении и воспитании, но и обосновывающий получение принципиально нового знания, органично вписывающегося в традиционный багаж образования и не разрушающего потенциального носителя этого знания — ребенка. Стратегия развития информационного общества определяет направления деятельности: «Информационные технологии будут применяться и развиваться не в ущерб традиционным, до-интернетовским формам взаимодействия граждан друг с другом и государством» [12]. Как справедливо отмечает А. А. Вербицкий: «Возникла сложная многоаспектная проблема выбора научно обоснованной стратегии цифровизации жизни, производства и образования, которая позволила бы использовать все огромные преимущества компьютера и избежать потерь, которые скажутся на качестве формирования личности школьника... с позиций не только их профессионально-практической, но и социальной компетентности, гражданской позиции и нравственного облика» [5, с. 49].

Сегодня речь идет о принципиально новой ситуации в образовании, о необходимости проведения теоретико-методологических и прикладных исследований в рассматриваемой области по перестройке процесса обучения и воспитания, о снижении угроз и рисков негативного влияния цифровизации на детей различных возрастов, о соответствующем научно-методическом обеспечении деятельности учителя и пр. Главным направлением исследований должны явиться не столько закономерности переработки юным человеком информации и механизмы работы мозга и психики в сложившихся социокультурных условиях, а определение законов личностного развития человека в условиях цифровизации начиная с момента его появления на свет, при этом подходящее и орга-

ничное место в этих исследованиях должна занять проблема воспитания.

Создание детского позитивного контента. Основной принцип создание детского позитивного контента — обеспечение безопасного развития детства как чувство защищенности, внутреннее психоэмоциональное благополучие, порождающее целостно-позитивную систему отношений ребенка к миру («доверия к миру»), другим людям, себе самому. Это происходит в ценностных субъективных переживаниях детства: принятие и удовлетворенность ребенка по отношению к прошлому (вчерашнему), надежда и оптимизм его по отношению к будущему (завтрашнему), счастье и радость по отношению к настоящему (сегодняшнему). Детский позитивный контент как инструмент воспитания — это такое социокультурное содержание всех направлений жизнедеятельности, несущее для ребенка активный, жизнеутверждающий, созидательный, оптимистичный психосоциальный смысл. Подобные смысловые установки порождают в ребенке возможность и готовность успешного решения собственных возрастных задач развития на каждом этапе взросления. Детский позитивный контент распространяется не только на информационные технологии (ИТ) и электронные средства, в частности, детские сайты и интернет, но и на всю культурно-информационную инфраструктуру детства: телевидение, кинематограф и анимацию, детскую печать и книжную продукцию, детский театр и парки развлечений, а также игры и игрушки как особую форму информационного воздействия. Воспитание как двуединый процесс взаимодействия и взаимовлияния взрослого и ребенка, построенный на принципе безопасного развития детства; в таком случае он обеспечивает достижение цели воспитания, — духовно-нравственную способность в различении добра от зла, общую ориентацию на духовно-нравственные ценности, формирование радостного мироощущения, позитивных ожиданий, положительных личностных образований.

Маленький ребенок, вопреки психологическим и физическим естественным ограничениям, парадоксальным образом может

стремиться к цели, которую он поставил перед собой — с отвагой, упорством и бесстрашием. Это хорошо видно на примере овладения малышом техникой прямохождения: делать робкие шаги, падать, подниматься и вновь шагать, используя скрытые резервы не только для достижения результата, но и, как свидетельствуют исследования и наблюдения, для выживания в самых неблагоприятных и опасных условиях [1]. На протяжении всей истории цивилизации дети проявляли подлинную настойчивость, жизнестойкость, героизм чтобы выжить и действовать. Примеры литературы и кинематографа, других форм проявлений силы ребенка служат позитивным контентом в воспитании детей, обладая силой притяжения. Психологическим механизмом здесь выступает механизм идентификации-отчуждения, при котором на основе подражания происходит присвоение поведенческих характеристик светлых образов сверстников, а с другой стороны, отрицание, неприятие их недругов, при этом происходит оценка собственных качеств в преодолении негатива в жизненных действиях и поступках.

Однако неверно понятый героизм, растиражированный в интернете, телесериалах и кинофильмах, где герой в представлении детей часто «рыцарь» типа Человека-летучей мыши, Человека-паука или жестокий персонаж криминального телесериала, компьютерной игры, которому «все позволено», оказывается ложным образцом, переворачивающим нормы нравственности, способствует обращению ребенка к антигероическим, по сути, опасным и даже губительным формам поведения типа «беги или умри», «зацепинг», бесконтрольный паркур, экстремальные виды развлечений, даже подростковый экстремизм. Таким образом, сила ребенка способна действовать в разных направлениях как возможность в цифровом формате реализации своего собственного потенциала (это подразумевает и свободу от внутренних барьеров и внешних запретов), однако только позитивный контент способен obratit' силу во благо.

Таким образом, социальная ситуация развития современного детства оказывается в пространстве нарастающих угроз

психологического и антропогенного характера. Цифровизация представляет собой серьезные риски для подрастающего поколения, особенно рожденного после 2004 года, так называемого поколения Z. **Как можно управлять этими рисками и кто будет это осуществлять?** Создание, разработка, переосмысление позитивного контента детской жизнедеятельности, возможно, способны в какой-то степени перераспределить внимание и активность ребенка на жизненные ценности, гражданскую позицию и отвлечь от деструктивных идей.

А чего хотят сами дети? Каков портрет юного пользователя ИТ, так называемого «поколения Z»?

По мнению авторов проекта дидактической концепции цифрового образования, дети Z — это **новый тип обучающихся**, обладающих высокой учебной самостоятельностью, нацеленных на самообразование, самоактуализацию и саморазвитие. Но при этом их отличает — *в плане когнитивного развития*: «клиповость» мышления, рассеянность внимания, неспособность понимать большие по объёму тексты, ограниченность лексического запаса языка, «плавающая картина мира», нетерпеливость, неспособность к систематическому упорному труду. *В плане социального развития* — инфантилизм, индивидуализм, уверенность в своей уникальности, неготовность к кооперации с другими, эгоцентризм, гиперпрагматизм и гедонизм, смутные и неустойчивые морально-этические представления [7]. Возможной причиной возникновения подобного «психотипа», по-видимому, является нарастающая цифровая социализация как современный феномен *«цифровой беспризорности»*, когда отчужденные родители передают ребёнка с первых лет его жизни цифровым гаджетам, что создаёт иллюзию постоянной занятости и удовлетворённости ребёнка [6]. На смену зетам, по мнению футуристов, приходит поколение Альфа — дети дошкольники сегодня и все те, что будут рождены в ближайшие годы. Но маркетологи и психологи уже говорят о наметившихся трендах: альфы переживут цифровую революцию в образовании, будут жить в мире роботов, станут осваивать по пять профессий за жизнь. Сейчас можно говорить не столько

о постоянных свойствах, сколько о намечающихся тенденциях этого поколения — и предполагать, какими взрослыми станут сегодняшние дети.

Однако вполне прогнозируемо: риски и угрозы безопасному развитию детства в цифровом пространстве — это жестокая реальность. Замусоренный деструктивный контент IT реально угрожает благополучию и даже жизни наших детей. Принципиальная и сложная задача взрослых не только оградить, запретить (последнее вряд ли возможно), но — выработать, привить цифровую гигиену: *научить ребенка распознавать информационный наркотик, а далее самому фильтровать потребление контента, прекращать общение, несущее насилие, разврат, деградацию.* Заставить ребенка так делать нельзя, обогатить его взросление ответственностью за свою судьбу и судьбу Отечества — великое воспитательное искусство. Стержневым принципом в таком воспитании нельзя не признать приоритет духовно-нравственных традиционных ценностей, которые должны лечь в основание создания и позитивного контента, и всей инфраструктуры детства, которые являются ключом к воспитанию детей в эпоху цифровизации. Если это произойдет, то сила ребенка, сила детства окажется сильнее катка «цифры», и тогда, может быть, дети смогут приручить цифровизацию, обратив ее во благо.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Абраменкова В. В.* Современная детская информационная среда — территория опасности // Социальная психология детства / В. В. Абраменкова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2020, с. 423–438.
2. *Абраменкова В. В.* Школьное насилие и организация безопасности детства в образовательном пространстве // Социально-гуманитарные исследования и технологии. N 2 (19) 2017. С. 34–4, 0,7 п\л ВАК.
3. *Андреянова Р. А.* Проявление агрессии на почве ксенофобии в образовательной организации: анализ проблемы и пре-

вентивный социально- педагогический ресурс // Социальная педагогика. 2020. №2. С. 96–103.

4. *Антонян Ю. М.* Социальное влияние. С.-Пб., 2013. 448 с.

5. *Вербицкий А. А.* Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы / А. А. Вербицкий // Электронный научно-публицистический журнал «Homo Cyberus». — 2019. — № 1 (6) [Электронный ресурс] — URL: http://journal.homocyberus.ru/Verbitskiy_AA_1_2019, свободный. — Загл. с экрана.

6. *Воробьева И. А., Жукова А. В., Минакова К. А.* Плюсы и минусы цифровизации в образовании // Международный научно-исследовательский журнал № 1 (103.4 . 4 январь). С. 110–119.

7. *Блинов В. И., Дулинов М. В., Есенина Е. Ю., Сергеев И. С.* Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. — М.: Издательство «Перо», 2019. — 72 с.

8. *Егоров А. Ю.* Нехимические зависимости // СПб.: 2007. — 190 с.

9. *Маслова Ю. В.* Позитивные и негативные аспекты использования компьютерных технологий у детей и подростков // Образовательные технологии и общество. 2013. № 4.

10. Психологические особенности поколения Z. [Электронный ресурс] URL: http://mansa-uroki.blogspot.com/2016/04/z_12.html

11. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. 29 мая 2015 г. № 996-р.

12. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

13. Цифровизация российской школы // Электронный ресурс. URL: <https://rvs.su/statia/cifrovizaciya-rossiyskoy-shkoly>

14. Цифровизация образования. // Электронный ресурс. URL: <https://plusiminsi.ru/cifrovizaciya-obrazovaniya-osnovnyey-plusy-i-minusy/>

15. Правда и ложь о цифровом образовании // Электронный ресурс. URL: <http://www.ug.ru/archive/75140>

16. Ушакова О. С. Развитие речи дошкольников. — М. Изд. Института психотерапии. 2001.

17. Экспертиза печатных изданий, игр и игрушек для детей как механизм защиты психологического здоровья и развития ребенка // Правовые и криминологические проблемы защиты прав несовершеннолетних. Ч. I: Сб. науч. тр. [В. В.Абраменкова, О. В.Пристанская и др.]; Акад. Ген. прокуратуры РФ. — М., 2008. — 109 с.

18. New research from The Economist and Microsoft shows digital preparedness helped organizations adapt to COVID-19. By Microsoft News Center 6 May, 2021 // Электронный ресурс. URL: <https://news.microsoft.com>

19. Norton P. Computer Potential and Computer Educators: a Proactive View of Computer Education // **Educational Technology** — 1983. — Vol. 23. — № 10. — P. 25–28.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В БОГОСЛОВСКО-ИСТОРИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ

Общие требования к публикациям

В начале статьи с выравниванием по центру на *русском языке* указываются с красной строки:

- Номер по Универсальной десятичной классификации (УДК)
- Название статьи (строчными буквами)
- Инициалы и фамилия автора
- Название организации, в которой выполнялась работа (первого автора)
 - Краткая аннотация (300–500 печатных знаков)
 - Ключевые слова (3–5).

Далее через два пробела в той же последовательности информация приводится на английском языке.

Статья должна содержать:

- краткое введение
- цель исследования
- материалы и методы исследования
- результаты исследования и их обсуждение
- выводы
- заключение
- список литературы на русском языке, а также список литературы на латинице.

Сам текст должен начинаться с вводной части в проблему исследования, включающей в себя обзор существующих работ по этой теме. Затем определяются направления научных исследований, формулируются гипотезы, анализируются результаты, делаются практические выводы и их практическая применимость.

В процессе написания статьи следует внимательно относиться как к цитированию чужих работ, так и к библиографическому списку, помещенному в конце статьи. Этот список не должен быть очень большим (желательно не более 15 источников), и в нем должны быть указаны только те работы, на которые есть ссылки в тексте.

Дополнительные требования

Текстовый редактор	Microsoft Word
Поля	верхнее и нижнее – 2 см, левое – 2 см, правое – 2 см
Основной шрифт	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пунктов
Межстрочный интервал	полуторный
Выравнивание текста	по ширине
Абзацный отступ (красная строка)	1,25 см
Нумерация страниц	не ведется
Рисунки	внедрены в текст. Каждый рисунок должен иметь подпись (под рисунком)
Ссылки на литературу	в квадратных скобках и с ука- занием страницы (для печатных изданий) [1, с. 2] в соответствии с пристатейным списком лите- ратуры, который составляется в алфавитном порядке
Объем	минимум 5 страниц
Оформление списка литературы	ГОСТ Р 7.05-2008

ББК 86.372
УДК 271.2
Б 746

**ЖУРНАЛ «BOGOSLOVSKO-ISTORICHESKIY
SVORNIK /БОГОСЛОВСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК»**

Издаётся по благословению Высокопреосвященнейшего
митрополита Калужского и Боровского Климента

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 – 79390 от 02.11.2020

Учредитель – ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
РЕЛИГИОЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ - КАЛУЖСКАЯ ЕПАРХИЯ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
(МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ)

Адрес редакции: 248000, Калужская
обл., г. Калуга, ул. Набережная, д. 4
Телефон: (4842) 57-72-71, 56-27-00
E-mail: bis@eparhia-kaluga.ru
Главный редактор: митрополит Калужский
и Боровский Климент

Отпечатано с оригинал-макета в
типографии ООО "КОМПАС-ЛАЙН"
109052, Московская область,
г. Москва, Нижегородский р-н,
ул Подъёмная, д 12 стр 1, оф 414.
Печать офсетная. Формат 60x84 1/8
Тираж –1000 экз.
Заказ номер №234
Дата выхода в свет 24.12.2021

© Калужская духовная семинария
© Калужское епархиальное управление